

Люк Хардинг — справа

От Кашина: Несколько дней назад мы опубликовали **интервью** со знаменитым высланным из России британским журналистом Люком Хардингом, которое взяла друг нашего сайта Ирина Сисейкина. Теперь с разрешения самого Хардинга мы публикуем переведенные Ириной фрагменты из книги Хардинга *Mafia State* — автор перевода настояла на том, что «Государство-мафия» звучит точнее, чем буквальное «Мафиозное государство», и мы с ней согласны. До сих пор книга на русский язык не переводилась.

Как один репортер стал врагом новой brutальной России

Пролог

Вторжение

Квартира 49-50, дом 8, Пятый Войковский проезд,

Войковская, Москва

28 апреля 2007

«Преследования сотрудников посольства существенно участились в последние несколько месяцев, достигнув такого уровня, которого не наблюдалось уже в течение многих лет. Персонал посольства пострадал от клеветнических выпадов в прессе. Члены семьи работников посольства стали жертвами психологического террора после заявлений о том, что их супруги – сотрудники Правительства Соединенных Штатов (United States Government) — погибли в результате несчастных случаев. Вторжения в дома стали более привычными и наглыми, и действия против наших сотрудников в России набирают обороты. Мы не сомневаемся, что эти действия инициированы ФСБ.

Джон Байерли, посол США в Москве, конфиденциально»

Телеграмма в Государственный департамент, 9 ноября 2009

Кто-то вломился в мою квартиру. Через три месяца после прибытия в Россию в качестве нового шефа бюро Guardian в Москве я возвращаюсь домой со званого ужина. Уже поздно. Я поворачиваю ключ. Вначале все кажется обычным. Детская одежда лежит в коридоре, на полу гостиной в кучу свалены книги, — уютный беспорядок семейной жизни. А потом я замечаю. Есть одна странная деталь. Окно в комнате моего сына распахнуто настежь.

Я уверен, что окно было закрыто в момент, когда я, пятью часами ранее, покинул квартиру в компании двух своих детей. Мы живем на десятом этаже уродливой башни из оранжевого кирпича в одном из кварталов застройки пост-коммунистической эпохи. Окна выходят на парк с березками и густыми

изумрудными елками – московская окраина, район Войковской. Окна у нас обычно закрыты. Слишком очевидна опасность того, что ребенок может выпасть наружу. Чтобы открыть окно, нужно на девяносто градусов повернуть белую пластиковую ручку. И там две таких ручки. И это можно сделать только изнутри – окно не могло быть распахнуто ветром.

Но окно распахнуто – дерзко, демонстративно, словно это вызов. «К нам что, приходили воры?» — спрашивает мой шестилетний сын, высовываясь из окна и глядя вниз, на холодный двор в ста метрах под нами. Вполне резонный вопрос. От его кровати до окна – один маленький шаг. «Не знаю, — отвечаю я. – Загадка какая-то. Вероятно, кто-то забрался по внешней стене. Может, Спайдермен». В свободной комнате, где хранится никем не используемый велотренажер и увядший комнатный цветок, я обнаруживаю кассету – она шипит, вставленная в проигрыватель. Это не я ее поставил. Моя жена Фиби Таплин уехала на выходные. Значит, тут побывал кто-то еще.

Несколькими часами позже я, пытаюсь подавить чувство – чего? – ужаса, тревоги, недоверия, растерянности, даже некой ярости, скрытого гнева — просыпаюсь. Где-то в глубине квартиры надывается будильник. Звук незнакомый. Я захожу в гостиную и включаю свет. Часы – оставшиеся от моего русского арендодателя Вадима, который выехал двумя неделями ранее – громко плачут. Я выключаю их наощупь. Я их не заводил. Их завел кто-то чужой – поставил на 4.10 утра. Я смотрю на дату. Сегодня 29 апреля 2007 года. Я возвращаюсь в кровать. Беспокойно сплю.

Понятно, что это не обычное вторжение. Ничего не пропало, ничего не повреждено. Несколько тысяч долларов, небрежно закинутые в кухонный ящик, лежат нетронутыми по соседству с венчиком для взбивания яиц. (Это деньги за следующий месяц аренды. Через двадцать лет после эры коммунизма и заявленного окончания холодной войны Россия все еще практикует расчет наличными. Предпочитаемая валюта – доллары, хотя принимаются и евро). Вадим в число подозреваемых не входит – у него были бы корыстные мотивы.

Кажется, цель у взломщиков только одна – продемонстрировать свое присутствие и, видимо, донести до меня, что, если захотят, они могут

вернуться в любой момент. Они совершенно точно вошли через дверь. Кажется, замки для них проблемы не представляют. Они открыли окно, завели будильник и, вероятно, установили жучки. А затем ушли. Не могу избавиться от мысли о том, что звукозаписывающее устройство они могли спрятать в нашей спальне. Но я не хочу об этом думать.

Нетрудно расшифровать мрачный символизм этого распахнутого окна: будь осторожен, иначе твои дети выпадут наружу. Для ребенка падение с десятого этажа будет смертельным. Миссия выполнена: эти мужчины – я полагаю, что тут побывали мужчины – исчезли, словно призраки.

Я оказался в новом мире. В месте, где играют по неведомым правилам, окруженный невидимыми врагами. Мне не хватает слов, чтобы описать произошедшее с нами: ограбление с взломом, вторжение, незаконное проникновение? Кажется, мы стали объектами страшной психологической игры, мрачного эксперимента с человеческими душами. Нашими душами. Я прижимаю к себе сына. Но кто были эти призраки? Кто их послал?

Глава 1

Щит и меч

Комната 306, Следственное управление ФСБ, тюрьма Лефортово, Москва

23 мая 2007 года

«Свобода слова, свобода совести, свобода средств массовой информации, права собственности – эти основополагающие элементы цивилизованного общества будут надежно защищены государством».

Исполняющий обязанности Президента Владимир Путин, 31 декабря 1999 года

На самом деле я вполне понимаю, откуда взялись эти призраки – или, по крайней мере, я знаю, что за ведомство отправило их ко мне. Пятнадцатью днями ранее, 13 апреля 2007 года, проживающий в Лондоне российский олигарх и критик Кремля Борис Березовский дал интервью моей газете Guardian, в котором призвал к насильственному свержению путинского режима. Мое имя стояло на первой полосе Guardian, по соседству с именами моих лондонских коллег; я, насколько будет известно бдительным

российским спецслужбам, играю по правилам. Но с этого момента российская Федеральная служба безопасности, или ФСБ – главный наследник КГБ, – проявляет ко мне острый интерес.

Спустя три недели после выхода в печать интервью Guardian с Березовским я получаю странный телефонный звонок. Это ФСБ. Меня хотят видеть. История произвела фурор в России. О ней говорят в выпусках правительственных каналов — «Первого» и «России» – которые обычно показывают Путина в каждом своем выпуске. Следуют яростные комментарии в желтых таблоидах, содержание которых описывается – как мне кажется, довольно точно – фразой «Путин плюс сиськи». Репортаж Guardian разбудил даже российских парламентариев из обычно хранящей молчание Думы – те потребовали экстрадиции Березовского из Британии, где он прятался с 2003 года. Впрочем, на это требование британская система правосудия перманентно отвечала отказом.

В мае 2007 года ФСБ начинает уголовное расследование в связи со статьей в Guardian. Генпрокурор России Юрий Чайка уже вменил Березовскому мошенничество, обвинив его в хищении четырех миллионов фунтов у российской государственной авиакомпания «Аэрофлот». Очевидно, что дополнительные уголовные обвинения лишь укрепят прокурорское дело и могут поставить в неловкое положение Британское правительство – одного из самых нелюбимых европейских партнеров России.

Человек из ФСБ, позвонивший мне на работу, не представляется.

— Вы должны к нам приехать, — говорит он. Он вежлив, но непоколебим. В этом чувствуется некая скрытая угроза. Он поясняет, что меня вызывают как свидетеля по уголовному делу Березовского, и мне необходимо отчитаться непосредственно перед ФСБ. Вот наша беседа. Переводит моя помощница Юлия Молодцова (в те дни я еще плохо говорил по-русски):

Юлия: Значит, вы хотите допросить Люка Хардинга как свидетеля по уголовному делу? Нам нужен номер этого дела, чтобы проинформировать правовой отдел в Лондоне.

Офицер: Номер 432801.

Юлия: Необходимы подробности.

Офицер: Мы все расскажем на месте.

Юлия: Вы можете сказать, что это за расследование, кто его ведет?

Офицер: Нет, это секретная информация. Когда ваш свидетель прибудет к нам, мы расскажем ему ровно столько, сколько ему положено знать.

На этом моменте офицер переключает свое внимание на Юлию. По его определенно зловещему тону без труда можно понять, что ему известно, кто она такая.

Офицер: Я прекрасно понимаю. Вы, как мне известно, Юлия Владимировна?

Юлия: Нет, не Владимировна.

Офицер: Ваша фамилия Молодцова?

Юлия: Юлия Сергеевна.

Офицер: Юлия Сергеевна, не могли бы вы попросить вашего шефа выбрать время на следующей неделе, со среды по пятницу, чтобы приехать к нам? Он приглашается как свидетель.

Я поясняю, что распечатка интервью с Березовским доступна на сайте Guardian и что добавить мне к этому почти нечего. Моя собственная роль в истории с Березовским более чем скромна, говорю я. Я просто позвонил кремлевскому представителю Дмитрию Пескову, который владеет английским и обладает хорошими манерами, и спросил его, какова была реакция. И это – абсолютная правда. Но это дела не меняет.

— Вы должны к нам приехать, — говорит он. — Полагаю, стоит взять с собой адвоката.

Контора также присылает письмо на русском:

Федеральная служба безопасности

Российская Федерация

Следственное управление

04.05.07 № 6/2-1053

Главе Московского бюро Guardian

123056, Москва, Грузинский переулок, 3, 75-76

Следственное управление Федеральной службы безопасности Российской Федерации проводит расследование в отношении дела № 432801 Березовского Б.А., которому вменяются действия, направленные на захват власти в России, что является уголовным преступлением, согласно статье 278 Уголовного кодекса Российской Федерации.

13 апреля 2007 года газета Guardian опубликовала статью «Я готовлю новую революцию в России», авторами которой являются Йен Кобейн, Мэтью Тэйлор и Люк Хардинг. В этой статье содержится информация по захвату государственной власти в России.

В отношении вышеизложенного и в соответствии с частью 4 статьи 21 Уголовного кодекса Российской Федерации мы просим сообщить нам следующее (адрес: 111116, Энергетическая улица, 3а):

Где, когда, при каких обстоятельствах и по чьей инициативе проходило интервью с Березовским?

Кто присутствовал при этом интервью?

Велась ли запись интервью с использованием технических средств? Если да, то какое оборудование использовалось и сохранилась ли запись?

Главный следователь по делам особой важности

Следственного управления Федеральной службы безопасности России,

Майор ФСБ А.В.Кузьмин (Андрей Вячеславович Кузьмин)

Через три недели после этого звонка я стою у Лефортовской тюрьмы – это тусклое желтое трехэтажное здание, огороженное колючей проволокой, расположено неподалеку от центра Москвы и от прелестного зеленого парка. В эпоху Петра Великого здесь находился иностранный квартал, где юный царь устраивал попойки вместе со своим швейцарским торговым партнером, другом и наставником Францем Лефортом. Тюрьма была заложена в 1881 году, в нее отправляли царских преступников. Во времена коммунистов Лефортово стало наиболее печально известным центром задержаний. Именно сюда на допросы привозили тех, кто оскорблял государство – их помещали в «психические камеры».

Среди бывших ее заключенных – компания знаменитостей. В тридцатые «враги государства» — такие, как Евгения Гинзбург – содержались здесь перед высылкой в лагеря Сибири. Позже в число местных обитателей вошел советский диссидент Владимир Буковский, ныне проживающий в Британии. Писатель Александр Солженицын писал о Лефортово в своем «Архипелаге ГУЛАГ». Он описывал «психические камеры» — к примеру, камеру № 3. Она была «окрашенная в черный цвет... и тоже с круглосуточной двадцативаттной лампочкой, а остальное – как в каждой лефортовской: асфальтовый пол, кран отопления в коридоре, в руках надзирателя». Со стороны соседнего ЦАГИ доносится «многочасовой раздирающий рев», «рев, от которого миска с кружкой, вибрируя, съезжает со стола». Еще одним узником стал Александр Литвиненко, в 1999 году он провел здесь восемь месяцев – а затем сбежал в Британию. Литвиненко был на короткой ноге с директором Лефортовской тюрьмы; он поддерживал себя в форме, неистово занимаясь в камере физическими упражнениями. Литвиненко терпеть не мог сигаретный дым – ФСБ подселило к нему соседа-осведомителя, заядлого курильщика.

Лефортово – не то место, где обычно принимают журналистов, особенно иностранных. Тюрьма на Энергетической улице не обозначена ни на одной карте. Она спрятана за колонной скучных жилых зданий. Во дворе растет одинокий платан. Мы стоим там с моим адвокатом Гари Мирзояном,

ветераном московского круга адвокатов по уголовным делам, и вдруг выходит солнце. Мне становится легче. Ощущения совершенно абсурдные. Я щурюсь на солнце и жду встречи с ФСБ, организацией, которой положено существовать, как какому-то ночному грызуну, в темноте. Мы звоним А.В. Кузьмину, майору, который нас вызвал, он готов нас принять.

Гари жмет на входной звонок. Огромная железная дверь распахивается. Внутри находится комната ожидания – унылая, пустая и явно лишенная стульев или столов – к ней прилегает маленькая стойка. Сама стойка скрыта за зеркальной стеной: дежурный офицер нас видит, а мы его нет. Хотя это не совсем правда – быстро появляется и исчезает чья-то рука без тела. Эта рука забирает у меня паспорт и телефон, я замечаю, что на руке растут волосы. Я прошу вернуть мобильный – бессмысленная просьба; я сильно подозреваю, что в нем уже установлены жучки. Хозяин руки соглашается. «Хорошо» — говорит он. Рука возвращает телефон. Гари выскакивает на улицу, прячет телефон в машине. Проходит пять минут. Нам разрешают подняться вверх – по коридору, устланному вытертым красно-зеленым ковром. Мы заходим в странный лифт в викторианском стиле. Он оборудован старомодными тюремными решетками – это фактически движущаяся клетка. Кажется, он опускает нас в глубины Лефортово, внутреннюю тюрьму в форме буквы К, где содержат нескольких заключенных, в основном политических. Олигарх Михаил Ходорковский – когда-то самый богатый человек России – сидел в этом подземелье после ареста в 2003 году до тех пор, пока ему не вынесли политически мотивированный приговор за мошенничество и не отправили на зону – возникает аналогия с декабристами, которые бунтовали против Николая Первого и были сосланы в Сибирь.

Старомодные видеокамеры записывают наши перемещения по лестницам, вдоль коридора тянутся однотипные и безликие деревянные двери. Атмосферой скрытой угрозы и мрака Лефортово очень напоминает берлинскую штаб-квартиру Штази – тайной полиции Восточной Германии. Если что-то и изменилось с советских времен, то я не этого замечаю. Мы подходим к кабинету 306 и стучим. Майор Кузьмин отвечает. Приглашает пройти внутрь. К моему удивлению, он оказывается молодым – около 29-30 лет, на нем темно-оливковая форма ФСБ. У него светлые волосы, короткая

стрижка, у него непроницаемое лицо, он вежлив и приятен. Я ожидал увидеть человека постарше.

Тот факт, что ему поручено – по приказу администрации Президента – расследование дела Березовского, предполагает, что он стремительно поднимается по карьерной лестнице в ФСБ. Его кабинет не говорит ни о чем – нет фотографий семьи, пара крошечных горшков с папоротником возвышается на шкафу – единственный намек на что-то человеческое. На столе стоит бутылка с газированной водой и три стакана с гравировкой «ЧК-ОГПУ-КГБ-ФСБ», начальными буквами тайных шпионских организаций России, начиная с «ЧеКа», первой тайной полиции коммунистов, основанной в 1917 году Феликсом Дзержинским, большевиком-фанатиком и другом Ленина.

Эти буквы намекают на некое тайное братство — осеняет меня – и на преемственность методов и традиций. Несмотря на крах коммунизма, ФСБ явно видит себя продолжателем священной миссии КГБ — защищать государство и уничтожать его врагов.

Кузьмин приступает. На его столе лежит цветная фотокопия высокого качества – это первая полоса Guardian с Березовским. Он кидает ее мне. Говорит по-русски.

— Вы можете подтвердить свою личность?

— Люк Дэниэл Хардинг, — говорю я.

— Сколько времени вы провели в Москве?

— Четыре месяца.

— Какой вы посещали университет?

— Оксфордский.

— Женаты?

— Да.

— Вы можете рассказать, при каких обстоятельствах проходило ваше интервью с Березовским?

— Это было в Лондоне.

— Откуда вам это известно?

— Мне сообщил об этом наш правовой отдел. Вы прекрасно знаете, что я не встречался с Березовским.

— А кассета с записью его комментариев подлинная?

— Насколько я знаю, да.

И так далее. Его вопросы удивительно бессмысленны. Вначале кажется, что это на самом деле не допрос, а необходимая бюрократическая процедура, придуманная для того, чтобы официально вписать мою скромную роль в драму с Березовским. И только потом до меня вдруг доходит, что смысл этих официальных допросов – не раскрыть преступление, а в том, чтобы меня запугать. Абсурдные вопросы Кузьмина и мои на них ответы – это просчитанная несуразица. Его фактическая цель – пробудить чувство беспомощности, замешательства и даже страха в человеке, которого ФСБ на данном этапе сочло условным «врагом». Тактика определенно работала в прошлом. Моя команда юристов – подобранная с большим трудом, поскольку ни одна из московских юридических контор не хотела связываться с делом Березовского – посоветовала отвечать кратко. Кузьмин двумя пальцами впечатывает мои ответы в компьютер на столе. Кажется, он удовлетворен моими скудными репликами.

Конечно, я понимаю, что он знает все ответы заранее. На тот момент сотрудники ФСБ уже успели вломиться в мою квартиру, поставить на прослушивание мой телефон и взломать мою электронную почту. Теперь их мало чем можно удивить. Поскольку против меня возбуждено официальное расследование, их действия могут быть даже «законными» — хотя законность не имеет особого значения в государстве, которое использует

политически лояльные суды для удовлетворения своих желаний. Через 55 минут Кузьмин объявляет, что наше интервью окончено. 11.10 утра. Он протягивает мне протокол допроса свидетеля. Я подписываю. Атмосфера в кабинете стала сонной и душной. Я не слышу никакого шума – ни шагов снаружи, ни, естественно, смеха, только странная, неуютная тишина заполняет темные коридоры Лефортово. Я хочу пить. Но я решаю не прикасаться к газированной воде, опасаясь – беспричинно, конечно – что в нее что-нибудь подмешали.

В какой-то момент мне хочется задать Кузьмину и свои вопросы. В основном следующего характера: это вы заказали вторжение в мою квартиру? Кого вы отправили? Стоит ли жучок в моей спальне? Есть ли у вас у самого дети? Кузьмин ведет себя по-деловому. Он пожимает мне руку. Он даже вручает мне сувенир. Календарь ФСБ на 2007 год. Без фотографий – это не в стиле ФСБ. Только слова «Следственное управление, Лефортовская тюрьма» красуются над месяцами года – четкие серебряные прописные буквы на темно-пурпурном фоне. Также на календаре изображен герб ФСБ – алые щит и меч на фоне двуглавого орла Романовых. Щит и меч снова отсылают нас к КГБ, имперский орел Российской Федерации заменил серп и молот. Судя по геральдике, организация видит свою миссию не менее великой, чем миссия ордена рыцарей-тамплиеров или масонов.

Я возвращаюсь на обветшалую офисную кухню и насыпаю себе крыжовника. Этот крыжовник входит в число сезонных фруктов, которыми торгуют babushkas – пожилые леди, что стоят рядом с метро. Еще они продают женские кофты, кожаные перчатки и теплые носки. Я вешаю календарь в нашем маленьком коридоре рядом с кухней. Может, этот календарь защитит меня в следующие месяцы. Похоже, защита мне понадобится.

Владимир Путин сменил Бориса Ельцина в 2000 году. И весьма быстро построил несоветскую Россию. ФСБ получило исключительную власть в стране – это огромная, секретная, щедро спонсируемая организация, действующая в рамках закона в соответствии со своими (также тайными) правилами. После развала СССР КГБ растворилось. Но не исчезло — просто обрело новое имя. В 1995 году большая часть операций КГБ была передана новой ФСБ. ФСБ – главное внутреннее шпионское агентство России и

организация по обеспечению государственной безопасности. Номинально она выполняет те же функции, что и ФБР, и прочие западные правоохранительные учреждения – уголовное преследование, организованная преступность и контртерроризм. Но наиболее важная работа – это контрразведка.

В число противников организации входит крошечная разрозненная группа оппозиционных политиков России, которая останется на обочине общественной жизни до самого момента массовых протестов против Путина в 2011 году. Активисты, выступающие за права человека, работники иностранных НКО и амбициозные магнаты типа Ходорковского, который отказался играть по правилам путинского режима – эти правила обязывали его подчиняться государству и не лезть в политику. Иностранные дипломаты, особенно американские и британские. И также, кажется, некоторые назойливые западные журналисты.

Но основная опасность заключается в том, что в число противников входят и предатели. Мне это кажется очевидным — и, как говорят некоторые дипломатические источники США, для правительств США и Британии это так же очевидно – ФСБ даже рискнуло ввязаться в убийство Литвиненко, российского диссидента, в Лондоне. Литвиненко умер в лондонской больнице в ноябре 2006 года, через три недели после того, как сделал несколько глотков из чашки с зеленым чаем, отравленным радиоактивным полонием-210. Литвиненко — бывший офицер ФСБ. Как и его предполагаемый убийца Андрей Луговой.

К моменту убийства Литвиненко бывшие агенты КГБ – часть влиятельной группы офицеров из разведывательных или военных частей, известная как *siloviki* – заняла ключевые позиции в путинском Кремле. Путин ушел в отставку как агент КГБ в 1991 году. Его собственная карьера в КГБ непримечательна. Он дослужил до звания подполковника, работая в иностранном разведывательном управлении КГБ. Крах советского блока застал его в скучном восточногерманском городе Дрезден, где он тайно собирал сведения в качестве сотрудника советского института культуры.

Очевидно, подполковник Путин совершил несколько грубых ошибок. Его отозвали из Дрездена и перевели на должность помощника заместителя

ректора Ленинградского университета. Странное и позорное понижение. Однако именно в тот момент Путину улыбнулась фортуна. Он начал работать у Анатолия Собчака, либерального мэра Санкт-Петербурга, яростного противника КГБ и одного из ведущих российских демократов. Путин процветал.

К 1999 году он стал директором ФСБ. Летом 1999 года президент Ельцин выбрал никому не известного Путина на должность премьер-министра – который всего через несколько месяцев станет президентским преемником. В должности президента он стал продвигать доверенных людей – членов службы безопасности России – на государственные должности в российских провинциях, на позиции министров, на руководящие места в государственных компаниях. Бывшие путинские друзья-шпионы из Санкт-Петербурга теперь правили страной, хоть и мало разбирались в экономических вопросах. Затем КГБ вернулось.

Однако кое-что существенно поменялось. Как замечают журналисты Андрей Солдатов и Ирина Бороган, КГБ советской эпохи подчинялся политической воле коммунистической партии. Партия держала под контролем каждое управление, подразделение и отдел КГБ. Напротив, ФСБ является «недостижимой для какого бы то ни было контроля со стороны общественности и парламента», — пишут они. Служба получила невероятную автономию и свободу – вплоть до планирования и осуществления убийств за границей предполагаемых кремлевских врагов.

Солдатов и Бороган назвали свое исследование о ФСБ и воссоздании секретных служб при Путине 2010 года «Новым дворянством». Уместное название. Фраза заимствована из речи Николая Патрушева, который в 1999 году сменил Путина на должности главы ФСБ. Оно намекает на огромное влияние и богатство, накопленное призрачными слугами ведомства. ФСБ отличается от своих западных аналогов и своего непосредственного предшественника, советской секретной службы. «Во многом ФСБ больше всего напоминает беспощадные «мухабараты» — спецслужбы в арабских странах Ближнего Востока: она занята защитой авторитарного режима, подотчетна только высшей власти, непроницаема, коррумпирована, использует жесткие и жестокие меры в борьбе с теми, кого подозревает в

терроризме или инакомыслии», — пишут авторы, ставшие впоследствии хорошими друзьями.

В кулуарах дипломаты США проводят другую аналогию. Они сравнивают ведомство с русской дореволюционной секретной полицией. В секретной телеграмме 2009 года главе ФБР Роберту С. Мюллеру перед его визитом в Москву посол США Джон Байерли сравнивает ФСБ с секретными агентами, которые когда-то работали на Российскую империю. Имперский предшественник ФСБ отвечал за борьбу с левым крылом революционеров и за политический террор. Тактика включала использование тайных агентов и секретные операции. «Несмотря на перемены, произошедшие с момента коллапса СССР, российские секретные службы более напоминают модель царской эпохи «Охранка» (тайная полиция), нежели западные правоохранительные институты», — заявляет Байерли в ФБР.

Байерли также говорит о двух других действующих ведомствах, отвечающих за государственную безопасность: СВР — Службе внешней разведки РФ — и МВД, Министерстве внутренних дел, в чьем распоряжении имеется более 190 000 солдат, обеспечивающих внутреннюю безопасность. Все три ведомства втянуты в кремлевские политические баталии, — говорит он, — и часто соперничают в борьбе за влияние, «и порой тайные конфликты случайно выплывают на поверхность». Их энтузиазм в отношении расследований непосредственно обусловлен политическими факторами. Все они используют суды как оружие против политических врагов.

Однако их главная цель — защищать правящую российскую элиту. Эта задача становится более сложной ввиду прозападных «цветных революций» в Грузии и на Украине. Байерли верно указывает на то, что службы безопасности обвиняют США и другие западные государства в подстрекании к демонстрациям и свержении — в 2003 и в 2004 годах соответственно — правящей верхушки в Тбилиси и в Киеве. «Обеспечение госбезопасности остается основной обязанностью агентств, и все три организации тратят массу внимания и средств на контрразведку и внутреннюю разведывательную работу», — передает Байерли в Вашингтон.

Учитывая прошлое Путина в КГБ, неудивительно, что он перестроил правительство по знакомому шаблону. Социологи говорят, что в 2003 году

число кремлевских чиновников, сделавших военную карьеру или карьеру в секретной службе, было равно 25%. К 2007 оно выросло до 42%. И эта цифра включает только известных бывших агентов. Мы не считаем тех, чья деятельность в КГБ скрывалась за «легендой» — вымышленной историей, которую шпион предъявляет внешнему миру. В 2006 году количество аффилированных silovikov – включая официальных и неофициальных агентов – достигло впечатляющих 77%. За последнее десятилетие ФСБ взяла на себя новые обязанности. Бюджет вырос. Истинный масштаб ведомства – тщательно охраняемая государственная тайна. Но Солдатов и Бороган говорят о том, что сейчас в распоряжении ФСБ имеется более 200 000 агентов. В феврале 2010 года министр обороны США Роберт Гейтс замечает, что демократия в России практически умерла. Вместо этого страна превратилась в «олигархию, управляемую службами безопасности».

Заместитель Байерли Эрик Рубин в другой депеше обращает внимание на идеологическую основу ФСБ. Он описывает руководителей современных служб безопасности России как «прагматичных и бескомпромиссных»:

«Они разделяют принципы советской ксенофобии и недоверия Западу, рисуя США как державу, бросившую все силы на дестабилизацию России. В то же время они оценивают все преимущества, которые предлагает сотрудничество с США, что не только поможет достигнуть поставленных целей, но и укрепить международные позиции их страны».

Siloviki расценивают распад СССР как позорный проигрыш. Словами Владимира Путина – как «величайшую геополитическую катастрофу 20-го века». Их «историческая» миссия – как они себе это представляют – возродить потерянное величие России. Вернуть влияние страны на международной арене и укрепить ее растущую экономическую мощь, достигнутую вследствие невероятного скачка цен на нефть и газ в короткий период в начале 21-го столетия.

Я прибываю в Москву в январе 2007 года. В этот момент Россию нельзя назвать суперимперией, несмотря на отчаянные попытки президента Путина набрать вес на международной арене, его несомненный талант остроумно отвечать на саммитах Большой восьмерки и других встречах глав государств, что перемежается натянутыми ремарками на тему западного

лицемерия и двойной игры. Критики воспринимают Россию как страну, которая практикует гражданские репрессии и представляет опасность в роли международного партнера. Правда это или нет, в одном отношении Россия находится впереди планеты всей. Она стала передовым шпионским государством мира. Ее одержимость шпионажем может достичь небывалого размаха. В декабре 2008 года законодатели Северной Осетии даже назвали пик на Кавказе в честь храбрых русских шпионов. Ранее безымянная гора высотой 3269 метров на Суганском хребте, что недалеко от границы с Грузией, теперь называется Пиком российских контрразведчиков.

Вызовы в Лефортово – один из внешних атрибутов моей странной новой жизни в Москве. Прочее – незаметно и неприятно: омерзительная официальная слежка со стороны государства, которое без зазрения совести роется в моей переписке, начиненные жучками телефоны, вторжение в мою частную жизнь. Буквально через несколько часов после публикации в Guardian статьи о Березовском кто-то взломал мою электронную почту. Письма с пометкой «Березовский» загадочным образом снова появляются в папке «Входящие», чтобы через минуту исчезнуть. Кто-то еще, заявляющий, что он из Администрации президента, звонит, требуя предоставить ему мой личный номер мобильного. Я говорю, чтобы звонили в офис. Женщина средних лет, в гражданской одежде и, как я замечаю, с некрасивой прической в стиле семидесятых, звонит в домофон на Войковской в семь утра. Я не впускаю ее. Но она все равно пробирается на десятый этаж и колотит в дверь. Я открываю дверь. Она пристально смотрит на меня и уходит.

Есть и другие примеры таких жутких, практически сюрреалистичных эпизодов. 15 апреля 2007 года я улетаю из Москвы в Лондон по семейным обстоятельствам — на похороны. Я прохожу последний досмотр. Я собираюсь забрать ремень и ноутбук, и тут кто-то больно ударяет меня сзади по левому плечу. Я оборачиваюсь. Передо мной – молодой человек с прилизанными назад волосами, в кожаной куртке – по этому наряду можно безошибочно определить униформу шпиона КГБ. Он глупо ухмыляется. «У вас что-то на пиджаке», — говорит он по-английски с сильным русским акцентом. «Ничего там нет», — раздраженно отвечаю я. Парень кивает, проскальзывает вперед очереди и исчезает. Я ищу его в самолете, но не нахожу.

После взлета я пробираюсь в туалет «Аэрофлота». Снимаю пиджак и рубашку. Сморю на плечо. Ничего нет. По крайней мере, я ничего не вижу. При этом я не знаю, как выглядят звукозаписывающие или отслеживающие устройства. Очутившись несколькими днями позже в Москве, я ощущаю на себе всю прелесть старомодных методов слежки КГБ. Мы встречаемся с московским корреспондентом BBC – очаровательным Ричардом Галпином – пропустить по рюмочке, мы договариваемся пересечься в пабе «Уинстон Черчилль» на «Соколе», на окраине недалеко от моего московского дома. Опасаясь нежелательной компании, мы встречаемся на улице и вместо паба направляемся в ближайшее московское кафе.

Мы сидим в подвальном помещении. В кафе никого нет. Мы – единственные посетители. Спустя двадцать минут появляются двое в кожаных куртках. Похоже, начинающие агенты. Один из них задает вежливый вопрос – Можно? — и присаживается рядом со мной на деревянную скамейку. Его бедро – в дюйме от моего. Он кладет рядом с нами сумку, в которой, я полагаю, спрятано прослушивающее устройство. В роли тайных агентов эта парочка представляется мне наиболее нелепой за всю историю спецслужб, они больше похожи на инспектора Жака Клозе, нежели на парней из КГБ. И только потом я узнаю, что таким агентам поручается вести «демонстративную слежку». Их цель – не сбор разведданных, а назойливое поведение и причинение неудобств. Мы с Ричардом смеемся, платим по счету и уходим, оставляя наших друзей позади. Эта встреча – практически анекдот. Но, как я думаю, возможно, эти же провинциальные амбалы вломились в нашу квартиру и распахнули окно в комнате моего сына, прозрачно намекая на долгий полет вниз.

Спустя несколько дней я сижу в уютной переговорной на верхнем этаже Британского посольства в Москве. Эта комната отличается от прочих помещений посольства одной очень важной деталью – ее не существует. По крайней мере, официально. Офицер безопасности посольства дружелюбно улыбается, рядом с ним – заместитель посла Великобритании в Москве Шон МакЛеод. Перед тем, как войти, я торжественно выкладываю мобильный в наружном кабинете.

— Этот зал – единственный отсек посольства Ее Величества в Москве, не начиненный жучками, — грустно поясняет офицер. — В любом другом месте не так безопасно, — признается он.

Внутри эта комната больше похожа на музыкальную студию – обитые звуконепроницаемые стены, длинный стол для переговоров, стулья и большая карта Российской Федерации. Напоминает зал для экстренных совещаний, знакомый поклонникам сериала «Доктор Кто». Офицер поясняет, что я не первый, кто пострадал от печально известного «взвода взломщиков» из КГБ. Его существование – московская тайна, которая известна всем вокруг, — говорит он. Ведомство проникало в квартиры прочих многочисленных западных дипломатов и местных российских работников, этот ритуал – практически неотъемлемая часть московской жизни посольства.

ФСБ ведет странную тактику. После вторжения агенты частенько выключают холодильник, опорожняют кишечник в туалете (и никогда не смывают за собой), а время от времени уносят пульт от телевизора. Несколько недель спустя возвращают. Еще одна излюбленная тактика – подбросить какую-нибудь мелочь, не имеющую ценности – плюшевую игрушку, резинового слоника – раньше этих вещей в квартире не было. Цель – психологическое давление, они пытаются запугать жертву и, вероятно, убедить ее в том, что она медленно сходит с ума.

— Мы не говорим про это публично. Но нет – вы не сходите с ума. Нет сомнений, что ФСБ проникло в вашу квартиру. У нас уже есть толстенная папка с делами подобного рода, — говорит офицер, обозначая пальцами размер этой папки – пять-шесть дюймов. – И уж конечно, мы не поднимаем шумихи.

Офицер дает мне несколько полезных советов. Самый важный – держаться подальше от *femmes fatales*, говорит он – забава старая, взятая еще из букваря КГБ, но так частенько развлекаются его нынешние преемники.

— В первую очередь избегайте многочисленных московских красавиц – есть масса стрип-баров, ночных клубов и прочих соблазнов, где легко можно попасть в ловушку ФСБ.

Он подтверждает тот факт, что моя квартира оборудована жучками.

— С этим практически ничего нельзя сделать. Попытки найти или убрать жучки только спровоцирует повторное вторжение, — любезно сообщает он.

Менять замки не имеет смысла – ФСБ располагает профессионалами, которые без труда просочатся через любую дверь. Если я хочу обсудить какие-либо щекотливые вопросы, нужно писать их фломастером на бумаге. (После чего вымачивать лист бумаги и смывать в унитаз. Мы с женой практикуем такое в течение пары дней. Я даже рисую, как меня преследует зубастый мультяшный монстр – и подписываю картинку словами «Фашистское чудовище». Но общение посредством фломастера быстро утрачивает свою новизну. Вместо этого весь оставшийся период нашей московской жизни мы с Фиби обычно выходим в сад).

У офицера припасено еще несколько полезных советов. Хотя ФСБ располагает неограниченными ресурсами, в большинстве своем агенты не говорят по-английски.

— Чтобы сделать приличную аудиозапись разговора, им необходимо приблизиться к вам – приблизиться вплотную. Но агенты ФСБ не любят покидать машину и вряд ли будут следовать за вами в московском метро – хотя при желании могут. И нет причин беспокоиться по поводу этой слежки. Агентство практикует сотню различных методов.

Любимый гаджет российских служб безопасности предельно практичен: это сумка, которую ставят на стол неподалеку от места, где вы разговариваете. В итоге, как поясняет офицер, обычно команде наблюдения КГБ-ФСБ требуется двадцать минут на подготовку.

— Если надо сказать что-то важное, говорите это в первые пять минут.

Я покидаю посольство. Я отправляюсь домой. В ходе разговора кое-что прояснилось. Естественно, нет смысла искать в доме жучки. Также нет смысла жаловаться в российскую полицию по поводу вторжения в мой дом. На такую жалобу, по всей вероятности, я получу вежливый ответ от дежурного офицера – он скажет, что я страдаю паранойей. Воры, которые

ничего не украли, не вписываются в их логику. Как можно жаловаться государству на вторжение, которое совершили люди, работающие на это государство и посланные этим государством?

Невидимое присутствие ФСБ продолжается, становится неотъемлемой частью моей жизни в Москве. Поздняя весна в городе сменяется жарким, липким летом. После работы я хожу окунуться в пруд позади нашей жилой башни, я бегаю среди сосен до маленькой деревянной церкви и источника, где пенсионеры наполняют бутылки святой водой и затем осторожно несут их домой. Я бегаю вдоль болотистого рва, берега которого заросли пурпурными цветами недотроги. У берегов озера неподвижно сидят рыбаки в зеленых защитных куртках, иногда им удается выловить даже маленького карпа. Неподалеку от них, под березками, собираются волейболисты.

В конце 2007 года встает лишь один политически значимый вопрос – кого выберет Владимир Путин в качестве преемника? Или же он решит, как предполагают многие, продолжать править самой большой страной мира незаконно? После восьми лет у власти и двух последовательных президентских сроков Путин, согласно Конституции России, обязан уйти.

Соперничающие кремлевские фракции – как и большинство российских избирателей – будут счастливы, если он останется у власти. Но это будет означать, что придется пожертвовать чем-то, что для Путина весьма ценно, — а именно международным уважением. Несмотря на антизападные выступления, которые в разы участились в 2007 году, Путин по-дружески общается с президентом Джорджем Бушем и другими мировыми лидерами. Неконституционный третий срок поставит его вровень с Исламом Каримовым или Нурсултаном Назарбаевым – соседствующими деспотами из Средней Азии, которые «исключительно по воле народа» сделали свое президентское правление бессрочным. Его будут сравнивать и с Александром Лукашенко, вечным авторитарным президентом соседней Беларуси, правителем настолько ужасным, что Кондолиза Райс (на тот момент – госсекретарь США) называет его последним диктатором Европы. Осенью 2007 года не только западным журналистам, но даже сотрудникам Кремля сложно понять, что происходит за его стенами.

Кампания ФСБ против меня продолжается – это проявляется в мелочах, иногда громко, иногда тихо, словно кто-то сидит в тайной комнате и жмет на кнопки, увеличивая или уменьшая масштабы преследования. У России – долгая традиция выслеживания собственных граждан; во Франции в 18 веке эта практика была названа перлюстрацией. Как указывают в секретных телеграммах дипломаты США, «печальный» обычай официального выслеживания восходит корнями к Екатерине Великой: у императрицы имелись изолированные комнаты в почтамте, отведенные для «особых нужд» и известные как «черные комнаты». «Советское правительство оказалось менее изобретательным; офицеры автоматически просматривали всю международную корреспонденцию, а специальный отдел перлюстрации располагался в здании главного центра дорожного и железнодорожного транспорта в Москве», — пишет американский дипломат Дэйв Костеланчик. То же практикуется и при Путине – в 2009 году Министерство связи России издает приказ, разрешающий восьми правоохранительным ведомствам, включая ФСБ, доступ к почте граждан и их электронной корреспонденции. В реальности эта практика стала весьма популярной.

То, что мой телефон прослушивается, в большинстве случаев не вызывает сомнений. Агенты ФСБ перекрывают линию каждый раз, когда разговор касается щекотливых тем. Упоминание слов «Березовский» или «Литвиненко» означает немедленный обрыв любого звонка. (На протяжении какого-то времени я заменяю Березовского словом «банан». Удивительно, но, кажется, прием сработал). Обсуждения кремлевской политики тоже заканчиваются плохо – обескураживающим «бип-бип» разъединенной линии.

Иногда моего невидимого слушателя – или слушателей — приводят в ярость совсем безобидные темы. Интервью в прямом эфире, в которых я рассказываю о Путине или о природе российского государства, практически всегда обрываются. Во время одной программы с Radio New Zealand линия обрывалась пять раз – это был рекорд. По этому поводу я испытываю странную гордость. Разговор оборвался, даже когда я говорил о недавней находке — превосходно сохранившемся мамонтенке, которого выкопал везунчик-оленовод в вечной мерзлоте русского арктического севера. Как разговор о вымершем шестнадцать тысяч лет назад мамонте мог угрожать

безопасности российского государства? Но кто я такой, чтобы решать, что может стать препятствием на пути России к ее бывшему величию?

Вначале мне кажется, что мои молчаливые слушатели окажутся не живыми людьми, а компьютерной программой, которая автоматически прерывает разговор, когда произносятся определенные ключевые слова. Однако позднее я убеждаюсь в том, что эти слушатели существуют. Они реальны. Но кто они? И кто эти невидимые призраки, порхающие по нашей квартире?

В начале декабря 2007 года я назначаю встречу с Ольгой Крыштановской, ведущим российским экспертом по кремлевским элитам, научным сотрудником Института социологии РАН. Что необычно для социолога, Крыштановская дружит с обоими лагерями: у нее имеются хорошие контакты внутри Фирмы – как называет себя ФСБ, и при этом она — уважаемый академик. Я выхожу из метро «Медведково» — северная окраина Москвы – и направляюсь к дому Крыштановской.

Ольга – невысокая, полноватая женщина средних лет, на ней бордовый пиджак, очки в золотой оправе, у нее своеобразный, доброжелательный немигающий взгляд.

Сидя в ее гостиной, в ее гостевых тапочках, я расспрашиваю Крыштановскую о методах ФСБ. То, что она говорит, на многое проливает свет. Прослушивающая станция ФСБ находится где-то в Подмосковье, в области, — говорит она. Само ее существование, как и все, что связано с ведомством, — это государственная тайна. В ФСБ имеется особый отдел для слежки за иностранными дипломатами, — добавляет Крыштановская. Она полагает, что имеется и спецотдел для наблюдения за иностранными журналистами. Агенты прослушивают тех, кого им прикажут прослушивать. 24-часовая слежка – дорогое удовольствие, но в определенных случаях она оправдана, другие объекты прослушиваются лишь периодически.

Но мне интересно вот что – неужели кому-то по душе такая скучная работа? В конце концов, кому захочется выслушивать бессодержательный треп между корреспондентами Guardian и иностранным отделом в Лондоне? Или, как говорит Нил Бакли, шеф редакции Financial Times в Москве, – разговор о том, покакал ли утром его малолетний сын Александр?

— В этом особом техническом центре работают посменно. Обычно персонал выходит на восьмичасовую смену. Работа монотонная. Никакого творчества в ней нет. После каждой смены пишется отчет, — рассказывает мне Крыштановская. И добавляет, — Но их вдохновляет идея того, что они служат своей стране и защищают ее от врагов.

Патриотический инстинкт – ключевой момент. Она продолжает:

— ФСБ – очень сильная организация. Ее рекрутам льстит мысль, что они служат государству, пусть их роли и незначительны.

Обычно персонал набирают после армии – таких по-русски называют *sarogi*. Другие приходят из гражданской службы, их называют *pidzhaki*. Основное различие внутри тайного мира службы безопасности — между разведывательным и контрразведывательным управлением, говорит Крыштановская. Те, кто собирал разведданные – включая Путина и Сергея Иванова, бывшего министра обороны России – как правило, более привлекательны и гибки. Они знают иностранные языки (Путин – немецкий, Иванов – английский и шведский). Наиболее фанатичные и бескомпромиссные приходят из контрразведки, полагает Крыштановская. Этих офицеров она описывает как зомби.

— Эти люди выросли при Советском Союзе. Они – в высшей степени изоляционисты. Они ничего не знали о Западе. Им не разрешались путешествия за границу. Их вскормили на зомби-пропаганде, в результате они стали ортодоксальными фанатиками. Агенты разведки, поработавшие за границей, познали мир. Они более либеральны, более образованны и более гибки.

Крыштановская нравится мне все больше и больше. Она говорит тихо, но убедительно красноречиво.

Несмотря на внутренние разногласия, ФСБ остается весьма однородной организацией – с собственным менталитетом *silovikov*. Что, среди прочего, означает: подозрительность во всем, убежденность, что Россия окружена злейшими врагами, мнение, что Запад и НАТО планируют ее «дестабилизацию». Если Россия не окружена врагами, то разумное

объяснение существования ФСБ будет развеяно, — поясняет Крыштановская. Организация просто исчезнет в облаке дыма.

— Нет врагов – нет и КГБ.

Это многое объясняет.

В России приближаются парламентские «выборы» — они запланированы на декабрь 2007 года, и я замечаю, что список врагов Путина становится существенно длиннее. В незабываемом предвыборном выступлении на московском стадионе «Лужники» президент – в черном свитере с высоким воротником – обзывает российских демократов «шакалами». Либералы страны – это иностранные агенты, которые намерены разрушить годами создаваемую российскую стабильность, — говорит он толпе сторонников из прокремлевской партии «Единая Россия» — речь позаимствована из эпохи Сталина. Он говорит то же самое и четырьмя годами позже, когда десятки тысяч российских представителей среднего класса выходят протестовать против масштабных фальсификаций при голосовании 2011 года. Своих оппонентов он обзывает марионетками Запада, но и этого ему мало – он заявляет, что белые ленточки, которые носят демонстранты, выглядят как гондоны.

ФСБ – хороший работодатель. Членство в самом тайном из клубов дает свои преимущества, которые компенсируют смехотворную зарплату.

— Если вы работаете в ФСБ, вам не нужно беспокоиться по поводу соблюдения законов. Вы можете кого-нибудь убить, и вам за это ничего не будет, — говорит Крыштановская. Можно, будучи пьяным за рулем, сбить старушку на пешеходном переходе, можно уничтожить конкурента по бизнесу – государство всегда защитит тебя. – Неудивительно, что у людей из ФСБ – особое мироощущение. Это как быть суперменом, — говорит она.

Я расспрашиваю Крыштановскую об убийстве Александра Литвиненко в 2006 году. В частных беседах старшие чины ФСБ признавались ей, что убийство Литвиненко могло быть операцией ФСБ, говорит она. Они не испытывали никаких сожалений по поводу жертвы – он был предателем России и человеком, который заслуживал смерти – но они были

разочарованы бездарным и неуклюжим выполнением операции. КГБ уничтожало врагов более эффективно и виртуозно во времена Юрия Андропова – бывшего шефа КГБ, который занял место Леонида Брежнева в 1982 году в качестве генерального секретаря Коммунистической партии СССР. Теперь Андропов весьма почитаем в кругах секретных служб – он был самым бескомпромиссным борцом, о нем упоминается в путинской пропагандистской кампании. В Московской академии ФСБ учреждена стипендия имени Андропова. В качестве посмертной реабилитации Андропова в 1999 году Путин восстанавливает мемориальную доску с именем лидера КГБ на Лубянке, мрачной московской штаб-квартире ФСБ.

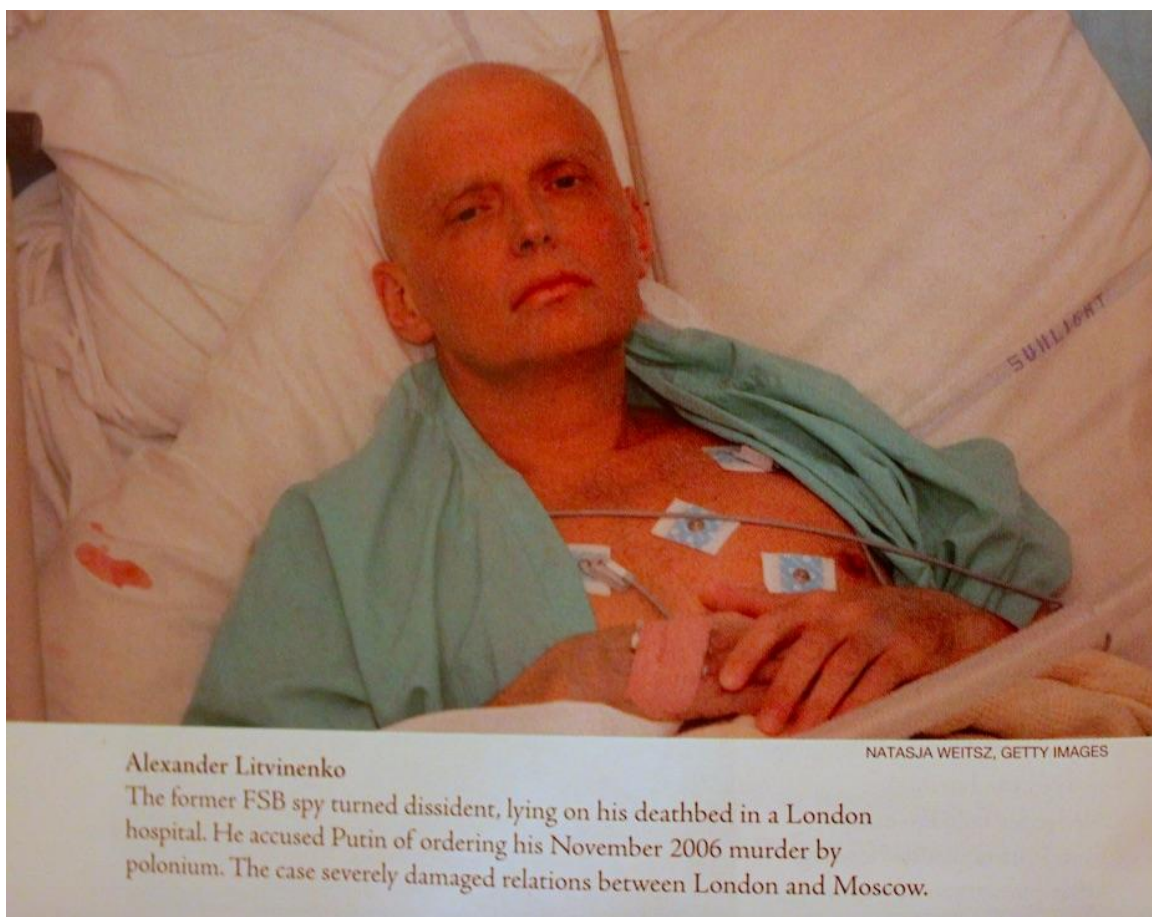
— Мои друзья из ФСБ сказали, что это (неумелое убийство Литвиненко) никогда бы не случилось при Андропове, — говорит Крыштановская. — Они сказали, что в те дни КГБ осуществляло такие убийства более профессионально.

Я прощаюсь с ней. На пороге я возвращаю ей гостевые тапочки. Она дает мне еще один совет.

— Будьте осторожны, — говорит она.

— Почему?

— Потому что вы – враг Путина, — отвечает она, словно это – неоспоримый факт.

Глава 2

След денег

Кафе «Академия», ул. Большая Бронная, Москва
17 декабря 2007 года

«Что делать, если хочется понять всю глубину путинского режима? ... Обратитесь лучше к беллетристике, выбирайте автора Марио Пьюзо и покупайте сразу все, что найдете».

Гарри Каспаров

Кафе «Академия» находится в пяти минутах ходьбы от московской Пушкинской площади. Весьма приятное место для встреч. Стройные девицы с выбеленными волосами листают последние выпуски журнала Vogue, надменный швейцар забирает у вас пальто, а снаружи на обледенелом бульваре выстроились колонны дорогих внедорожников и роскошных БМВ, блокируя проход по тротуару, внутри же мимо столиков снуют официантки в

нарядных белых блузках. Это кафе похоже на некий клуб отдыха для студентов, но оно – место обитания модных российских богачей. Его ухоженные посетители – хозяева жизни в новой путинской России. Неподалеку расположено заросшее сиренью Бульварное кольцо, что тянется вдоль старых московских стен, театров, особняков, памятников и желтой неоклассической церкви, в которой состоялась свадьба поэта Александра Пушкина.

Станислав Белковский предлагает встретиться и поговорить в этом кафе. Белковский, российский политический обозреватель и бывший спичрайтер Бориса Березовского, — человек с серьезными контактами внутри Кремля. У Белковского припасена для меня потрясающая история. Летом 2006 года он выпускает книгу о финансах Владимира Путина. В книге он выдвигает предположение о том, что у президента имеется огромное тайно накопленное состояние. После этого Белковский уходит в научные исследования. В своем интервью в ноябре 2007 года немецкой газете Die Welt он заявляет, что тайные активы президента исчисляются суммой, превышающей 40 миллиардов долларов – эта цифра делает его самым богатым человеком в России – и, видимо, в Европе.

Как утверждает Белковский, Путин гораздо богаче миллиардера и олигарха Романа Абрамовича. В 2007 Абрамович, владелец западного лондонского футбольного клуба «Челси», является – по крайней мере, официально – самым богатым человеком в России, его состояние – 19,2 миллиарда долларов.

Я заинтригован. Белковский опаздывает на полчаса – застрял в злополучной московской пробке. На нем опрятный черный костюм, у него густая борода и округлый внушительный животик, и всем своим видом он напоминает зажиточного, упитанного и умудренного опытом средневекового аббата. Белковский говорит на безупречном английском. Он спокойно объясняет, что цель его публикаций — не дискриминация Путина, а изменение ошибочных представлений Запада о Путине.

В последние восемь путинский «неосоветский» имидж вводил в заблуждение весь западный мир, говорит Белковский. В реальности же Путин — просто «классический постсоветский бизнесмен», персональная

психология которого формировалась во время работы у Анатолия Собчака в мэрии Санкт-Петербурга в лихие девяностые. В отличие от бывших советских лидеров России, Путин и его внутренний круг идеологии не имеют, говорит он. Они заинтересованы лишь в деньгах. Короче, они – клептократы.

За чашкой горького эспresso я перевожу разговор на тему сенсационных заявлений Белковского. Имеются ли у него какие-либо доказательства? Кто его информаторы?

Цитируя в качестве своих источников ключевые фигуры администрации президента, Белковский говорит, что Путину принадлежат огромные доли в трех нефтяных российских компаниях. Все это укрыто «непрозрачной сетью оффшорных компаний». «В действительности» Путин контролирует 37% «Сургутнефтегаза» — компании, занимающейся разведкой нефтяных месторождений, стоящей на третьем месте по нефтедобыче в России, и эта доля равна 20 миллиардам долларов, говорит Белковский. Также Путину принадлежит 4,5% в «Газпроме», государственном энергетическом гиганте, и «как минимум 75% в компании Gunvor – нефтяном трейдере, который принадлежит Геннадию Тимченко». Тимченко – питерский друг президента с ранних девяностых. По слухам, он, как и Путин, служил в зарубежном управлении КГБ, что сам он опровергает. Оборот компании Gunvor в 2007 году равен 48 миллиардов долларов, прибыли — почти 500 миллионам долларов, – это огромная сумма даже по галактическим стандартам нефтяной индустрии.

В ходе разговора у меня несколько раз отваливается челюсть. Разговор развивается примерно так:

— Сколько денег у Путина?

— Думаю, минимум 40 миллиардов долларов, — говорит Белковский. – Максимум назвать не могу. Подозреваю, что есть и другие предприятия, о которых я не знаю. Может, и больше. Может быть, гораздо больше. Он самый богатый человек Европы – это уж точно. У короля Саудовской Аравии – 21 миллиард долларов, а это половина путинского состояния.

— Каким образом скрывается состояние Путина?

— Через запутанную цепочку собственников офшорных компаний и фондов с конечной точкой в Цуге (Швейцария) и Лихтенштейне. Путин должен быть собственником-бенефициарием. О чем будет неизвестно любой компании, в которой у него есть интересы.

— Есть ли способ доказать это?

— Это трудно. Может, будет несколько легче, когда Путин уйдет, — говорит Белковский. И добавляет, — Для элиты состояние Путина — давно не секрет. И кстати, заметьте, Владимир Владимирович никогда не преследовал меня по закону.

Сама история — вдруг осеняет меня — нелепа и странна. Но в то же время весьма правдоподобна. Как скажет вам любой автолюбитель Москвы, российская коррупция начинается с дорожной полиции — это те самые ужасные *gaishniki*, которые обычно требуют взятки в 500 рублей (10 долларов) за вымышленные дорожные нарушения. Коррупционная цепочка, кажется, тянется к самым вершинам Кремля.

Официальная кремлевская риторика в середине правления Путина — по-прежнему остро антизападная: Россия то и дело обвиняет администрацию США в планах по размещению систем ПВО в центральной Европе. Россия полемизирует с международным сообществом и по многим другим вопросам: Косово, против независимости которого резко возражают в Москве; ядерная программа Ирана и что с ней делать; провальная война США в Ираке. Россия конфликтует с Евросоюзом по ряду других проблем. Например, по поводу импорта мяса из Польши, по поводу решения Эстонии о сносе памятника солдату-красноармейцу, что провоцирует массивную кибератаку кремлевских хакеров в мае 2007 года на правительство Эстонии.

Впрочем, антизападная кампания Путина гораздо более двусмысленна, чем кажется, — так предполагают Белковский и другие серьезные аналитики его уровня.

И на то есть веская причина – во времена коммунизма верховный чиновник Политбюро мог рассчитывать на удобную квартиру в Москве, роскошную дачу на Черном море и отпуск в Болгарии – стране Варшавского договора. Теперь российская элита хранит свое состояние на Западе. Кстати, она несопоставимо богаче элиты советских времен. В отношениях с внешним миром никто не желает раскалять ситуацию настолько, чтобы замораживались швейцарские счета или же имена чиновников вносили в черные списки. Как говорит Белковский, в первую очередь Путин стремится легализовать на Западе свои активы и активы членов своей «команды». И получить твердые гарантии, что не лишится этих сбережений, когда – если это случится – он отойдет от власти.

Вопрос сбережения чьего-то личного богатства – всегда первостепенный. И особенно актуальный в случае, когда это состояние исчисляется восьмизначными цифрами. Таким образом, любая политическая нестабильность может привести к волнениям среди российской элиты – и даже к панике. (Один американский дипломат сравнивает ситуацию с «сеянием помешательства среди тех, кто занимает высокие посты и боится, что их рыла скоро оттащат от кормушки»). В 2007 году Путин готовится покинуть Кремль, предписав себе подготовленный к маю пост премьер-министра, и нервозность внутри Кремля перерастает в настоящую внутриклановую войну. Это порочное межродовое соперничество продолжается и четыре года спустя, когда Путин успешно возвращает себе старую должность президента. В 2006 году, будучи сотрудником Института журналистики Рейтер в Оксфордском университете и ввязавшись с долгуго эпопею по изучению русского языка, я спрашиваю одного из студентов русского факультета, что он думает о режиме Путина. «Сплошная мерзость», — отвечает он.

К концу осени 2007 года на обычно темные истории Кремля проливается свет. Всплывают и заявления о личной коррумпированности Путина, до этого обсуждаемые только шепотом, появляются и новые интригующие подробности дел внутри Кремля, в которые вовлечены огромные государственные энергетические корпорации и миллиарды и миллиарды долларов. В ноябре 2007 года до этого неизвестный руководитель фонда Олег Шварцман дает интервью российской газете «Коммерсант», в котором заявляет, что он занимается финансами группы, в которую входят высшие

чины ФСБ. Шварцман поясняет, что группа, в которую включены члены СВР – Службы внешней разведки РФ, замешана в махинациях, которые он называет «бархатной реприватизацией». Этот термин может ввести в заблуждение. Но он ссылается на модель государственного капитализма, который Путин и его команда бюрократов выстраивали с самого 2000 года.

В 1990-е небольшая группа бизнесменов – с подачи Бориса Ельцина – стала миллиардерами. Это произошло в момент приватизации секторов государственной российской промышленности, что, естественно, осуществлялось как приобретение ценных национальных активов по неприлично низкой цене. Впрочем, в пост-ельцинскую эру Путин снова заполучил контроль над стратегическими природными ресурсами страны. Внезапно оказалось, что именно государство – в лице кремлевских бюрократов и силовиков – взяло под управление огромные российские резервы нефти и газа. Близкие друзья и союзники Путина стали директорами ведущих российских энергетических компаний.

Игорь Сечин, путинский заместитель руководителя администрации и лидер неуступчивой фракции силовиков в Кремле, является председателем совета директоров российской нефтяной компании «Роснефть» — эту должность он будет занимать до 2011 года. Дмитрий Медведев – бывший юрист и кремлевский инсайдер, которого Путин в декабре 2007 года назначит своим преемником на президентском посту, — управляет государственной газовой монополией «Газпром». Другие министры получили в свое распоряжение российские железные дороги, конгломерат по атомной энергии и авиакосмическую промышленность. Это, как пишет Перри Андерсон в *London Review of Books*, уникальная российская форма *cumul de mandats* – аккумуляции мандатов. Другие выражаются кратко и точно, называя все это «Кремль Инкорпорейшн».

Но эта система управляемого государством бюрократического капитализма состоит далеко не из бескорыстных людей. Чиновники, которые управляют стратегическими индустриями России, становятся действительно баснословно богатыми. Как заявляет Шварцман, высшие чины ФСБ имеют все шансы стать еще богаче – силой «деприватизируя» успешные частные фирмы, угрожая их владельцам жуткими последствиями в случае, если те

откажутся от сотрудничества, и превращая такие фирмы в более крупные и гораздо более неэффективно управляемые государственные корпорации.

Чудовищные разоблачения Шварцмана кажутся отголоском большой битвы власти в Кремле. Удар определенно точно направлен на фракцию силовиков, возглавляемую Сечиным. Эта группа состоит из кремлевских чиновников, в прошлом служивших в армии и разведке России, включая ФСБ. Сюда входит Николай Патрушев, глава ФСБ, депутат Александр Бортников, который занимает место Патрушева в 2008 году как глава ФСБ, и советник Путина Виктор Иванов. Также сюда входит Михаил Фрадков, который в конце 2007 года оставляет пост премьер-министра и становится новым главой СВР, и Рашид Нургалиев, министр МВД.

Как говорит нам WikiLeaks, американские дипломаты много говорят об этих разборках внутри элит. Они рисуют это как битву за душу России между одержимыми холодной войной силовиками и модернизаторами, гораздо более дружественными Западу. Силовики выступают как наиболее весомые оппоненты Вашингтона в переговорах с Москвой – этот факт дипломаты объясняют отсутствием у силовиков опыта общения с Европой и США. Бортников сделал карьеру в ФСБ, работая по экономическим делам, включая должность начальника Департамента экономической безопасности ФСБ. Он также, по общему мнению, выступает в авангарде путинской кампании в ходе разборок с ненадежными олигархами. Фрадков же, наоборот, бывший советский разведчик в 70-е; он имеет по крайней мере некоторые связи за границей и занимает должность российского посла в Евросоюзе между 2003 и 2004 годами.

Белый дом рассматривает эти расхождения как идеологические и концептуальные. Телеграмма от посла США Джона Байерли директору ФБР Роберту Мюллеру описывает силовиков как группу, полагающую, что сильное государство, «практикующее эффективный контроль, – это ответ на большинство политических и экономических проблем». Как заявляет посол, главные враги силовиков – это группа либералов, или модернизаторов. В которую входит Медведев — он, что необычно для ключевой кремлевской фигуры, не имеет опыта работы в репрессивных службах безопасности России. Также в клане Медведева числится Абрамович, имеющий близкие отношения и с семьей Ельцина, и с семьей Путина, а также Алишер

Усманов, миллиардер узбекского происхождения и владелец акций футбольного клуба «Арсенал». Посол США полагает, что модернизаторы осознают, что «Будущее России зависит от интеграции в мировую экономику и что борьба с некоторыми наиболее острыми проблемами в стране – такими как коррупция – требует прозрачности и справедливого применения закона».

Впрочем, за второй чашечкой эспрессо Белковский изящно разносит этот американский тезис по поводу плохих и хороших парней.

— Существует много групп, их гораздо больше двух. Я могу насчитать порядка пятнадцати (внутри российских властных структур), — говорит он, — они могут объединяться по ключевым вопросам. Но в плане идеологии разницы между ними нет. — Он продолжает, — И уж определенно нет ни силовиков, ни либералов. Это не конфликт между либералами и силовиками. Все дело в деньгах и сохранности этих денег. Ничего больше. Все они – конкуренты по бизнесу, у них у всех одни и те же цели и задачи.

Как говорит Белковский, в России имеют значение только деньги. Он описывает команду Путина как «настоящих адептов религии денег. Этот режим – классическая клептократия третьего мира, выстроенная, управляемая и поддерживаемая людьми, у которых нет никаких духовных потребностей, которые полагают, что в мире вообще не существует никаких идеологий». Излюбленный путинский метод решения политических проблем – и действительно, именно так в большинстве случаев он разбирается с политическими и экономическими трудностями – влить деньги, как говорит Белковский. Путин по-прежнему весьма скептически настроен по отношению к либеральным методам как к реформе.

— Он уверен, что деньги – это универсальный стимул. За последние восемь лет у власти Путин получил множество подтверждений, что этот тезис – оправдан, — заключает Белковский.

Например, какие? – спрашиваю я. Белковский указывает на тот факт, что в 2005 году Путин нанял Герхарда Шрёдера – как раз после того, как тот ушел с поста канцлера Германии – на должность председателя скандального консорциума Nord Stream, который тянет газопровод через

Балтику. (Оказалось, что глава проекта — не кто иной, как бывший восточногерманский офицер тайной полиции, которого Путин знал еще по своей работе в КГБ). Белковский добавляет:

— А еще Путин купил Сильвио Берлускони.

Забавно? Верится с трудом, если бы то же самое пару лет спустя не напечатали WikiLeaks.

Осенью 2007 года Россия задыхается от ожесточенной внутриклановой войны. В октябре ФСБ задерживает генерала Александра Бульбова, чиновника ФСКН, члена «либеральной» группы. Его арест — это сюрреалистичная бойня между персональными телохранителями и агентами ФСБ, которые направляют друг на друга пистолеты. В следующий месяц клан Сечина снова берет реванш, когда бородатый российский замминистра финансов Сергей Сторчак — еще один «либерал» — оказывается арестованным по делу о растрате 43,4 миллионов долларов. Его босс, министр финансов Алексей Кудрин, член либерального клана, защищает Сторчака, заявляя о его невиновности. Но этого, впрочем, недостаточно, чтобы вытащить Сторчака из Лефортовской тюрьмы — хотя в итоге его отпускают. (Позднее я познакомился со Сторчаком на одной вечеринке. Я спросил, по какой причине его арестовали. «Понятия не имею», — ответил он. И добавил, что в тюрьме большую часть времени он читал Библию).

Под конец 2007 года вопрос, кто станет преемником Путина на президентском месте, занимает всех представителей нервничающей кремлевской элиты. Это вопрос не только политический пристрастий, но и финансов, и даже, вероятно, чьего-то персонального выживания. Теоретически любой президент может забрать активы у старой элиты, как сделал это сам Путин с олигархами ельцинской эпохи типа Ходорковского. Ельцин оказался достаточно осмотрительным, чтобы заключить сделку с Путиным, своим наследником. И первым делом Путин, заняв должность президента, гарантировал семье Ельцина неприкосновенность от судебных преследований.

— Как только Путин отойдет от власти, его будут судить. Неминуемо. Это давняя традиция. Когда Путин уйдет, ему придется решать вопрос с легализацией своих финансов и активов, а также финансов всех своих

друзей на Западе, — говорит Белковский. – Это очень болезненный и щекотливый для Путина вопрос.

Как говорит WikiLeaks, ключевая проблема заключается в том, чтобы определить, кого Путин назначит своим преемником в Кремле. Весной 2007 года многие делают ставку на Сергея Иванова, первого заместителя премьер-министра – он гибкий, он яркий, он владеет английским. Иванов блестяще выступает на экономическом форуме в Санкт-Петербурге. Но в конце осени Путин выбирает Медведева, гораздо менее харизматичную и более слабую фигуру. Рост Медведева – всего лишь 162 см, он коренаст и коротконог. Он оказывается даже ниже Путина, оказавшись в команде крошечных мужчин. И этот выбор – сказать по правде – довольно удивителен.

Но для Путина избрание Медведева абсолютно логично. В опубликованной на WikiLeaks переписке Дэвид Крамер, заместитель помощника госсекретаря США, ссылается на «спрятанные активы» Путина и предполагает, что они играют ключевую роль в процессе византийского престолонаследования в России. Цитируя оппозиционные источники, Крамер повторяет мнение, что Путин не останется на третий неконституционный президентский срок. Вместо этого, как Крамер пишет к Байерли, Путин «с заметной нервозностью пытается сохранить будущую неприкосновенность и избежать потенциальных судебных расследований в отношении происхождения его предполагаемых незаконных доходов».

Главная забота президента в ходе его подготовки к уходу из Кремля – найти слабого и в первую очередь лояльного преемника, как пишет Крамер в телеграмме к лицам, чьи имена не разглашаются:

«XXX сказал, в Москве бытует мнение, что Сергей Иванов не будет участвовать в президентской гонке. Как он пояснил, Путин боится Иванова, не доверяет ему и подыскивает более слабую фигуру для своего замещения. Он сомневается в том, что Путин хорошо понимает тот факт, что в созданной им системе не существует реальных норм права и что любой человек может быть арестован в любой момент времени и любой бизнес может быть уничтожен. Поскольку предполагается, что активы Путина хранятся на Западе (и он работает через посредников, как олигарх XXX),

Путин переживает, что при сильном преемнике – к примеру, Иванове – ситуация может обернуться против него самого, сделав его объектом судебного преследования и интересов Интерпола».

У меня остается нерешенный вопрос – что делать с этой сенсационной историей о том, как Путин тайно накопил миллиарды долларов и стал одним из самых богатых людей мира. Я осознаю, что слухи о финансах Путина могут быть злонамеренно распространяемыми с определенной целью. Но Белковский – не идиот и не политик, он возглавляет уважаемый московский научный центр – Институт национальной стратегии. Его часто цитируют в прессе, в том числе и в прокремлевской. Он пишет книги, пьесы и статьи. Из WikiLeaks я позднее узнаю, что он является постоянным контактным лицом для США, представители посольства ценят его мнение.

В то же время другие деятели открыто проводят аналогии между российским режимом и мафиозной организацией. Я поражен словами Гарри Каспарова. Опубликованная в Wall Street Journal, эта статья появляется за четыре месяца до моей встречи с Белковским. Каспаров, бывший чемпион мира по шахматам, широко известен как критик Кремля и оппозиционный лидер. Трудно не согласиться с его логикой. Он описывает путинское правительство как «уникальное в истории». Он пишет: «Правительства, подобного правительству Путина, в истории еще не было. Нынешний Кремль — это и олигархия, потому что в нем собралась банда правителей-богачей, крепко повязанных между собой. Это и феодальная система, разбитая на полуавтономные княжества, правители которых собирают дань со своих рабов, не имеющих никаких прав».

Он продолжает: «Что делать, если хочется понять всю глубину путинского режима? Читать. Правда, я не рекомендовал бы ни Карла Маркса, ни Адама Смита, ни Монтескье, ни даже Макиавелли, хотя автор, которого я имею в виду, действительно итальянского происхождения... Обратитесь лучше к беллетристике, выбирайте автора Марио Пьюзо и покупайте сразу все, что найдете».

Каспаров рекомендует студентам, изучающим структуру российского правительства, прочитать для общего развития роман «Крестный отец», а далее не отказываться от следующих произведений Пьюзо – таких как

«Последний дон», «Закон молчания» и «Сицилиец». Я читаю: «Паутина предательства, секретность всего и вся, размытые границы между бизнесом, властью и преступностью — всего это в книгах Пьюзо предостаточно... гораздо более точное представление о власти Путина складывается у того, кто внимательно прочел Пьюзо: жесткая иерархия, вымогательство, запугивание, кодекс секретности и, самое важное, возможность получать крупный и стабильный доход. Иными словами – мафия». Его статья называется «Дон Путин».

Впрочем, даже с помощью целой команды юристов, даже имея в руках распечатки секретных кремлевских документов, разобраться в финансах Путина кажется совершенно невозможной задачей. Но я прихожу к выводу, что у меня хватает материала для написания подробной истории на основании всех этих предположений. Более того, заявления Белковского уже циркулируют в сети.

После моего разговора с Белковским я интервьюирую и ряд других аналитиков, в том числе Елену Панфилову, главу Transparency International в Москве, профессионального эксперта по проблемам российской политической сцены.

Панфилова подтверждает основной тезис. В нормальные времена существует «внутривертикальная лояльность», говорит она, которая не дает кремлевским влиятельным соперничающим группам нападать друг на друга. Теперь, предполагает она, ситуация другая. Группа ФСБ-Сечина и «либеральный» кремлевский клан яростно поливают друг друга грязью. Слухи выдумываются не для того, чтобы добиться большей прозрачности, а для того, чтобы повлиять на Путина, которого Панфилова называет «конечным получателем».

Я решаюсь написать статью для Guardian. Она выходит 18 декабря 2007 года на первой полосе Guardian под заголовком «Путин, кремлевские войны и тайное состояние в 40 миллиардов долларов». Она начинается словами: «Беспрецедентная битва разразилась в Кремле в преддверии ухода Владимира Путина с президентского поста и, как удалось выяснить Guardian, открылись некоторые подробности относительно миллиардного состояния президента. Соперничающие кланы внутри Кремля были

вовлечены в битву за сохранение контроля над активами, в то время как Путин готовится передать бразды правления своему избранному преемнику, Дмитрию Медведеву, в мае».

К середине утра более четверти миллиона читателей со всего мира успевают ознакомиться с этой историей. Я жду, опасаясь худшего. Но Кремль многозначительно молчит. И Кремль, и Дмитрий Песков попросту игнорируют эти заявления, отказываясь от опровержений и даже от комментариев. Gunvor — фирма с главным офисом в Женеве, которую предположительно контролирует Путин, — хотя бы как-то реагирует. Генеральный директор компании Турбьорн Тёрнквист отправляет в Guardian письмо с заявлением, что это «абсолютная неправда» — предположения, что Путин «владеет какой-то долей компании Gunvor или же является бенефициарием». Он добавляет: «Эта компания в основном принадлежит основателям, Геннадию Тимченко и мне, меньшую часть акций держит третий инвестор. Ни одна из акций данной организации не принадлежит президенту Путину или его доверенным лицам».

Тёрнквист также заявляет, что прибыль Gunvor — это «сотни миллионов». Путин и Тимченко действительно были друзьями – ранее Gunvor этот факт никогда не подтверждал. «Мистер Тимченко действительно был знаком с президентом Путиным в те дни, когда последний еще не был столь известен. Однако предположения о том, что они делят наследство КГБ или ведут совместный бизнес, являются полностью голословными».

Однако Госдеп США, кажется, скептически настроен по отношению к заявлениям компании. Две телеграммы из посольства в Москве, опубликованные на WikiLeaks, проливают некоторый свет на Gunvor и темные дела, творящиеся в экспортной нефтяной промышленности России. Одна, отправленная в Вашингтон в ноябре 2008 года, начинается со слов: «Торговля нефтью в России долгое время была довольно непрозрачным бизнесом, прибыль доставалась политически связанным фирмам – таким, как закрытый нефтяной трейдер Gunvor». Цитируя экспертов нефтяной промышленности, телеграмма говорит, что Россия имеет «репутацию страны, совершающей тайные сделки с привлечением фирм-посредников с неизвестными владельцами и бенефициариями». И далее: «Экспорт нефти от принадлежащих государству или находящихся под государственным

управлением нефтяных компаний, как сообщается, осуществлялся через избранных трейдеров, что приносило данным компаниям потенциальный доход в миллиарды долларов. Отдельно нужно подчеркнуть роль компании Gunvor в российском нефтяном бизнесе. По слухам, компания считается одним из источников тайного состояния Путина и принадлежит Геннадию Тимченко, который, по слухам, является бывшим коллегой Путина по КГБ». В той же телеграмме имеются ссылки на «Сургутнефтегаз». Удивительно, но оказывается неясным, кому фактически принадлежит эта компания. «Сургутнефтегаз» считается еще одним «предположительным источником незаконного состояния Путина».

Однако американцы подтверждают, что невозможно узнать правду об индустрии, которая не дает или почти не дает никакой информации. В той же телеграмме — позитивные отзывы о попытках российского антикоррупционного деятеля и блоггера Алексея Навального выбить больше информации из российских нефтяных компаний. Навальный, миноритарный акционер, инициирует серию безнадежных судебных исков против российских нефтяных компаний. Его цель — заставить эти компании обнародовать объемы нефти и условия торговли. В 2007 году Навальный — пока еще темная лошадка. Но к 2011 году он снискал национальное признание; его арестовывают в декабре, после того, как он возглавил протесты против подставных парламентских выборов. Навальный и его антикоррупционный сайт RosPil. info — самая весомая и единственная угроза Кремлю. Он называет партию «Единая Россия» «партией жуликов и воров» — обидный ярлык приклеивается намертво. О нем говорят как о будущем президенте.

Навальный заявляет, что Gunvor «может контролировать до 50% от общего количества российского экспорта». Сама компания в своей глянцевой и абсолютно неинформативной брошюре указывает, что оперирует третью нефтяного экспорта России, доставляемого морем. В 2010 году оборот компании вырастает с 53 до 65 миллиардов долларов, экспорт составляет 104 миллиона тонн. Навальный заявляет посольству США, что он не верит, что Путин владеет «Сургутнефтегазом» или акциями Gunvor. Его логика проста и убедительна: Путину «не нужна прямая связь с активами для того, чтобы получать с них прибыль».

Мои собственные бестолковые попытки сделать интервью с Тимченко оказываются бесплодными. Компания нанимает PR-консультанта из Лондона – Майкла Прескотта, с которым я обмениваюсь любезностями по электронной почте. Я отправляю Прескотту список вопросов. Прескотт соглашается на них ответить. И не отвечает. Gunvor по-прежнему не хочет оглашать подробности природы отношений между Путиным и Тимченко или объяснять, как и где они познакомились. Я не получаю приглашения на интервью с Тимченко, меня не зовут прогуляться по его роскошному особняку в живописном швейцарском кантоне Цуг – это популярное направление для бизнесменов, избегающих международной публичности.

Проходит еще два месяца, и только после этого Путин выдает собственное опровержение утверждений о его личной коррумпированности. Это происходит в Кремле, на грандиозной ежегодной пресс-конференции Путина. Это самое крупное медийное событие года: присутствует порядка 2000 журналистов, в большинстве своем российских, которые собираются в огромной двухуровневой аудитории Кремля, чтобы задать вопросы лидеру самой крупной мировой державы. Впервые я сам посетил кремлевскую пресс-конференцию годом ранее, в 2007 – она тянулась невероятно долго (три с половиной часа), задавали вопросы самого разного толка (включая вопросы по садоводству и воспитанию детей), примечателен был тот факт, что сбежать из похожего на пещеру кремлевского зала было невозможно. Также было понятно, что Кремль тщательно проверяет все вопросы заблаговременно: пресс-конференция, как и вся российская демократия, оставила ощущение огромного надувательства.

На двухчасовой пресс-конференции в 2008 году берет слово Дуглас Берч, шеф американского бюро Associated Press. На ломаном русском он спрашивает Путина о заявлениях о его коррумпированности и о том, является ли он действительно самым богатым человеком Европы. Путин готов к такому вопросу – его лицо преображается, расплывается в кислой полуулыбке. «Мое богатство – это богатство российского народа», — высокопарно заявляет он. А затем пускается в отрепетированное и грубое наступление: «Это все чушь, которую кто-то выдумал и вылил на бумагу. Эти заявления – полная ерунда – то дерьмо, которое люди пишут в своих газетенках. Это ничего не значит».

Путин не пытается ответить на конкретные вопросы о своей собственности бенефициария. Не объясняет он и характер своих взаимоотношений с Тимченко. Нет и пояснений того, по какой причине в течение восьми недель Кремль хранил молчание. (По одной из версий, помощники Путина были настолько перепуганы, что не решились показать ему статью. В отличие от Медведева, Путин не читает газет и не пользуется Интернетом; выражаясь словами одного обозревателя, «он информационно изолирован».) На следующий день на первой полосе Moscow Times появляется материал о пресс-конференции вместе с комментарием от Белковского. «Мистер Путин делает массу заявлений, включая заявление о том, что Россия является процветающей демократией. Учитывая это, я полагаю, что не стоит воспринимать всерьез какие-либо его заявления по поводу его личного состояния», — замечает он.

А в апреле 2008 года Forbes Russia публикует ежегодный список ста самых богатых людей России. Довольно увлекательное чтение. Оказывается, теперь Россия может похвастаться ста десятью миллиардерами, и это количество превышает число богачей в любой другой стране, кроме США – там таких 469 человек. Роман Абрамович съехал с первого на третье место и теперь владеет всего лишь 24,3 миллиардами долларов. По меньшей мере, официально самым богатым человеком России является алюминиевый магнат Олег Дерипаска с состоянием, оцениваемым в 28,6 миллиардов долларов, а за ним следует стальной миллиардер Алексей Мордашов – он на втором месте, и его состояние – 24,5 миллиарда долларов. Что выглядит интригующе, впервые в этом списке появляется Тимченко как самый богатый новичок, с состоянием в 2,5 миллиарда долларов. Еще один друг российского президента – Юрий Ковальчук, владелец банка «Россия» — оценивается в 1,9 миллиардов. Многие из тех, кто появился в этом списке, жили в том же самом эксклюзивном дачном кооперативе в Санкт-Петербурге, где жил и Путин. Тимченко – один из них.

Сам Путин нигде не фигурирует – но, как говорит главный редактор Forbes Russia Максим Кашулинский, этот список не включает «чиновников» и «государственных служащих». На вопрос, помогает ли дружба с Путиным стать миллиардером, Кашулинский отвечает коротко: «Вероятно». Но признается: «Если посмотрите на других людей, которые не являются друзьями Путина, то увидите, что они не настолько богаты».

Глава 4

Победители и побежденные

Молодежный лагерь «Наши», озеро Селигер, 200 миль к северо-западу от Москвы

10 июля 2008 года

«Есть вероятность, что российские правоохранительные органы более Люка Хардинга не беспокоят».

Письмо из ФСБ

Спустя несколько недель после посещения тюрьмы Лефортово ФСБ шлет мне еще одно письмо. Расследование дела Березовского определенно продвигается. Следствие пришло к выводам, что я не располагаю какой-либо информацией относительно самонадеянных «планов» олигарха совершить переворот в Кремле. В ФСБ заявляют, что не собираются предпринимать какие-либо меры против газеты Guardian или ее корреспондентов. Я читаю:

На сегодняшний день существуют доказательства того, что Люк Хардинг не имеет отношения к интервью. Он не контактировал с Б.Березовским и не является свидетелем. Таким образом, он не представляет интереса для правоохранительных органов. В соответствии с этим, есть вероятность, что российские правоохранительные органы более Люка Хардинга не беспокоят.

На первый взгляд это — ободряющие новости. И все же письмо, написанное канцелярским русским языком, вызывает у меня еще больше вопросов. Почему напыщенные разглагольствования Березовского, который прячется где-то далеко от России, вызывают столь яростную реакцию Кремля? И почему под подозрением оказываюсь я – хотя сейчас, похоже, бремя вины с меня снято? Неужели кто-то считает, что я на зарплате у олигарха? Или что я замешан в шпионаже и использую работу в либеральной газете Guardian как маловероятное прикрытие?

Сложно прийти к какому-то разумному заключению. Но, похоже, ФСБ – действительно странная организация: подозрительная, одержимая паранойей, незнакомая с миром за пределами России, склонная к иррациональным и эмоциональным поступкам.

И все же уверения ведомства в том, что меня больше не беспокоят, приносят некое облегчение. К сожалению, это все ненадолго. В воскресенье, 12 апреля 2007 года, я снова возвращаюсь из Лондона в Москву после наших ежегодных летних каникул. Семья остается в Англии еще на две недели.

В ручной клади я везу с собой видео, полученное от старого друга семьи, поэта и актера Хиткоута Уильямса. Это видеокассета с записью выпуска *BBC Panorama*, посвященного расследованию смерти Литвиненко. Еще у меня с собой документальный фильм, снятый другом Литвиненко Андреем Некрасовым. Он называется «Мой друг Саша. Очень русское убийство». В него включены кадры, снятые в больнице после отравления Литвиненко. Хиткоут весьма кстати наклеил на кассету с ТВ-программой вырезки из газет. Среди них – знаменитое фото Литвиненко, на котором он, облысевший, осунувшийся и все еще с дерзким взглядом – лежит на своем смертном одре в Лондоне.

Я выкладываю кассету дома под телевизором. И забываю об этом. Во вторник я возвращаюсь домой с работы и обнаруживаю, что входная дверь заперта на оба замка. Я почти уверен, что когда я уходил утром, я запер дверь только на один замок. Впрочем, других странностей я не замечаю. В субботу меня не было весь день. А следующим вечером, в воскресенье, 19 августа, я остаюсь дома один, и поскольку семья меня не отвлекает, я решаю просмотреть запись о Литвиненко.

Первая часть проигрывается нормально: начинается BBC Newsnight, которую ведет Джереми Пэксман. Показывают Северную Ирландию, затем следует интервью с актером Питером О'Тулом. Но перед самым началом программы о Литвиненко картинка исчезает. Изображение на экране полностью искажено. Все еще слышно закадровые комментарии – только лишь – но звук ускорен, и диктор лопочет таким голосом Микки Мауса. Я считаю, что фильм Некрасова аккуратно стерли. Не осталось никаких изображений вообще – просто экран с дрожащими полосками.

Я пишу Хиткоуту. Объясняю ситуацию. Он говорит, что у него кассета проигрывалась без проблем. Не могу придумать этому никакого другого объяснения, кроме самого очевидного: сотрудники ФСБ снова вломились в мою квартиру, заприметили видео, затаили обиду и решили стереть все спорные моменты записи. Или же это видеокассета с фотографией Литвиненко каким-то образом спровоцировала повторное вторжение? В любом случае становится понятно, что мои гости вернулись. Меня не покидает ощущение, что мы живем в двух разных мирах, в двух противоположных психических реальностях. В одной из них кассета с видео о Литвиненко – это лишь безобидная домашняя запись, сделанная другом. А в другой – это свидетельство зловещего заговора, цель которого – опозорить российское государство.

Отношения между Великобританией и Россией при Владимире Путине в какой-то момент были теплыми – об этом стали частенько забывать. Сам Тони Блэр был одним из самых ярых поклонников Путина. Встав на место Ельцина в 2000 году, Путин первым делом отправился в Британию. Новый президент России – в тот момент фигура загадочная, предмет обсуждений «Кто такой мистер Путин?» — вызывал бурные дискуссии на Даунинг-стрит. Он даже встречался с королевой в Виндзорском замке.

Блэр яростно защищал своего московского гостя, приводят свои контраргументы против критики новой войны, развязанной Кремлем в Чечне, и обвинений в нарушении прав человека. Он провозгласил Путина своим единомышленником-модернизатором, сильным партнером, способным наладить процесс политических и экономических реформ. После успешной двусторонней встречи между лидерами в ноябре 2000 года один из российских чиновников даже заметил: «Трудно припомнить, когда российско-британские отношения бывали столь позитивными – такого не было даже до революции».

Но медовый месяц между Россией и Англией тянулся недолго. К концу срока первого правления Путина стало ясно, что дело идет к разводу. Эта отчужденность имела несколько причин. Растущая авторитарность путинской внутренней политики означала, что многие из его оппонентов решат покинуть страну. Огромное их число осело в Лондоне, де факто в новой столице – как и во времена царизма, когда Ленин разгуливал в Пентонвиле и Блумсбери – для русских диссидентов и опальных революционеров. Кремль и Даунинг-стрит разошлись во мнениях по поводу войны в Ираке. (Путин расценил это как очередной вопиющий пример англосаксонского империализма). И с 2003 года, с момента, когда выступления в поддержку прозападных реформ начали сотрясать Грузию и Украину, паранойя внутри Кремля катастрофически нарастала. Путин – как и ФСБ – пришли к убежденности в том, что украинскую «оранжевую революцию» спровоцировали не только народные уличные протесты, но и шпионы ЦРУ, которые ввезли в страну мешки долларов.

Но наиболее яростную полемику между Россией и Англией вызвала тема правовой взаимопомощи и экстрадиции. Летом 2007 года, за мясным карпаччо, сидя в одном из самых известных итальянских ресторанов, я спрашиваю пресс-атташе Путина Дмитрия Пескова о том, когда начались текущие проблемы между Лондоном и Москвой. Ответ Пескова однозначен – в 2003 году. (Песков также пожалуется мне, что во время полета первым классом British Airways из Нью-Йорка в Лондон стюардесса пошутила: «Надеюсь, на этот раз обойдется без полония, мистер Песков». – «И после этого вы хотите, чтобы я ратовал за поездки в эту страну!» — говорит он).

Почему 2003 год? Дата соотносится с решением Великобритании предоставить политическое убежище Березовскому, злейшему врагу Путина. Судебным решением британского суда в том же году Кремлю было отказано в экстрадиции Ахмеда Закаева, лидера чеченских повстанцев, которого Москва обвинила в терроризме. К 2007 году Россия успела подать двадцать одно заявление об экстрадиции российских граждан из Великобритании, многие из которых были связаны с делами «Юкоса» — обанкротившейся нефтяной компании Ходорковского. Все безуспешно. Британские суды отказывали, основываясь на том, что в России, по их мнению, этих лиц вряд ли ждет справедливое правосудие, и во многих случаях все эти граждане подвергались преследованиям за свои политические убеждения.

И это правда: фраза «телефонное правосудие» означала российскую политически необъективную систему правосудия – с отсылкой на привычку кремлевских чиновников спускать судьям сверху готовые вердикты. Повторное заключение Ходорковского, последующие показательные суды служат этому дальнейшим подтверждением.

Но отказ Британии в экстрадиции Березовского Путин воспринял как личное предательство. Он, как сообщают, гневно заявил, что Блэр не отвечал на его телефонные звонки и не проинформировал его о судебном решении. Сам же Блэр, как мне сказали, постепенно распрощался с иллюзиями в отношении своего бывшего русского союзника. Когда его спросили, что тот думает про Путина, как говорят, Блэр заявил сотруднику Даунинг-стрит: «Он плохой человек». В 2008 году на встрече с сенатором США Джоном МакКейном Блэр описал Путина как «набирающего силу автократа», сказав, что тот «задушил развитие демократических процессов в России». Стратегия Запада, как считал Блэр, должна поставить Россию в «некое отчаянное положение». Он заявил МакКейну, что в отношении России необходимо продемонстрировать «твердость и посеять семена замешательства».

Разница в ценностях этих двух стран – демократической и авторитарной – сравнима даже не с громадным разрывом, а с пропастью без мостов. Невозможно представить, чтобы в рамках путинской системы судья отказался бы выполнять пожелание Кремля. Естественно, Путин истолковал

постановление британского суда не как демонстрацию независимости правосудия, а как осознанное антироссийское выступление, организованное заносчивым британским политическим истеблишментом. Путин никогда не простит Блэра. Его неприязнь к Британии далее распространится и на преемника Блэра – Гордона Брауна.

С этих так называемых знаков пренебрежения начинается серия агрессивных выступлений российского правительства. В январе 2006 года по российскому государственному телевидению показывают съемку, в которой предположительно офицеры британской разведки забирают сведения из искусственного «камня», спрятанного в одном из московских парков. Тридцатисантиметровый камень напоминает маленький, безобидный легкий коричневый голыш – булыжник, знакомый поклонникам сериала «Флинстоны». ФСБ заявляет о том, что проживающие в Москве британские дипломаты использовали этот камень для коммуникаций со своими российскими «агентами». Эти «агенты» работают в российских негосударственных организациях – в группе, на которую Кремль навесил ярлык нелояльной пятой колонны, что является синонимом шпионажа и западного вмешательства. Российские защитники прав человека расценили историю как грязную клевету. Они заявили, что цель акции — дискредитировать законопослушные НКО и ослабить к тому моменту уже и так немощное российское гражданское общество. Однако худшее было впереди.

В те жаркие недели, когда Луговому предъявили обвинение в убийстве, двусторонние отношения претерпели очередное резкое ухудшение. Российское правительство отвечает категорическим отказом на требование Британии об экстрадиции Лугового. Вместо этого делается все, чтобы его обезопасить и не дать предстать перед судом в Лондоне. Путин в ярости – он цитирует Конституцию России, которая – как и любая другая правовая система, восходящая к Кодексу Наполеона – запрещает экстрадицию собственных граждан. Он также клеймит таковой запрос как «самонадеянный», свидетельствующий о колониальном менталитете «безмозглых» британцев.

Этот конфликт – который пришелся по вкусу одному российскому аналитику, известному своей любовью к взаимному оплевыванию –

разгорается летом 2007 года. Я звоню Гарри Каспарову. Он говорит, что Путин боится, что его самого могут вызвать как свидетеля в случае, если дело будет рассматриваться в лондонском суде. Путин оказался в тупике. По мнению Каспарова, его выбил из колеи отказ Лондона замять дело с Литвиненко и стремление поставить ценность одной конкретной человеческой жизни выше вопросов совместного бизнеса.

— Путин полагает, что на все есть своя цена. Он очень подозрительный человек. Если о чем-то нельзя договориться, за этим кроется заговор. Для него такой ход мышления – нормален.

В июле новый министр иностранных дел Дэвид Милибэнд высылает из Лондона четырех российских дипломатов — в знак протеста против отказа Москвы в выдаче Лугового. Милибэнд однозначно дает понять, что, по его мнению, в операции по убийству Литвиненко замешано ФСБ; он прекращает сотрудничество с этим шпионским ведомством и вводит новую, гораздо более жёсткую политику в отношении выдачи виз кремлевским представителям, желающим посетить Лондон. В ответ на это Россия высылает из Москвы четырех британских дипломатов. На этом игра «око за око» — в лучших традициях ФСБ — заканчивается.

Однако неявным образом ФСБ и далее повышает градус напряжения, используя свои излюбленные методы запугивания. Британское правительство не может укомплектовать штат посольства в Москве ввиду визовых ограничений, о чем говорит рассекреченная телеграмма, отправленная в США. Добавляется, что «сотрудники из числа российских граждан также подвергались преследованиям со стороны ФСБ». Некоторые становятся жертвами взлома. Британские дипломаты тоже замечают следы вторжения. Цель таких акций – деморализовать сотрудников посольства, вынудить их уехать раньше положенного срока.

Настроения среди британских дипломатов в Москве – воинственные. Тони Брентон, посол Великобритании, проводит для британских журналистов серию утренних брифингов. Место проведения – резиденция Брентона неподалеку от Старого Арбата, в Большом Николопесковском переулке, в здании в буржуазном стиле, вероятно, выстроенном для купца или крупного чиновника в конце девятнадцатого века. Российские сотрудники – в черной

форме и белых фартуках – вносят тарелки с колбасками и яичницей, подают кофе, апельсиновый сок и тосты. Атмосфера праздничная, на стенах изображены морские пейзажи Британии восемнадцатого века — в сдержанных зеленых тонах. (Что напоминает о визите Петра Первого в Дептфорд, Лондон, в 1698 году, когда тот изучал кораблестроение).

То, что обсуждается на брифингах, разглашению не подлежит. Но убийство Литвиненко – тема номер один, поскольку отношения Британии и России ухудшаются с каждым днем. Скорейших улучшений никто не ждет.

В то же время посол США Уильям Бернс пишет, что российские представители власти не заинтересованы в том, чтобы Луговой предстал перед Британским правосудием. И это неудивительно, сообщает он в Вашингтон, «учитывая сенсационную природу убийства и неясные перспективы того, куда может пойти следствие, задержав Лугового».

Российское правительство открывает еще один фланг наступления, объявляя войну Британскому Совету – культурному представительству правительства Британии за границей. В 2004 году российские власти обвиняют Британский Совет в незаконных коммерческих операциях и уходе от налогов. Налоговики в балаклавах снуют по штаб-квартире Совета, которая делит помещение с несколькими другими культурными организациями в здании Московской библиотеки иностранной литературы, что на берегу Яузы, где вечные пробки.

Использование налоговой полиции – один из излюбленных приемов Кремля. Налоговиков выставляют против политических оппонентов и организаций по защите прав человека. После убийства Литвиненко российские чиновники объявляют, что кампания против Британского Совета прекратится, если Британия согласится прекратить расследование убийства. В декабре 2007 года, после того, как правительство Брауна ясно дает понять, что по делу Литвиненко договориться не удастся, МИД России объявляет о том, что закрывает представительства Британского Совета за пределами Москвы. Приказ вступает в силу с 1 января 2008 года.

Директор Британского Совета в Москве – Джеймс Кеннеди – мой личный друг. За обедом в его московской квартире, расположенной в обшарпанном

здании девятнадцатого века неподалеку от Садового кольца, мы обмениваемся полезными советами по поводу методов противодействия электронной слежке ФСБ. Джеймс говорит – он подозревает, что его квартира начинена жучками, как и машина с персональным водителем, что возит его на работу. Мы оба приходим к выводу, что лучшая стратегия – это игнорировать прослушивания и вести себя так, как будто бы этого всего не существует. В момент скандала с Британским Советом я общаюсь с Джеймсом по телефону почти каждый день. 14 января 2008 года Британский Совет объявляет о своем отказе подчиняться приказу о закрытии и снова открывает филиалы в Санкт-Петербурге и уральском Екатеринбурге. Российское правительство приходит в ярость от такой «провокации».

Ответ ФСБ – незамедлителен, омерзителен и предсказуем. 15 января ведомство призывает сотрудников российского Британского Совета (четверых — в Екатеринбурге и шестнадцать – в Санкт-Петербурге) прекратить сотрудничество с британцами. Методы ведомства никогда не понять до конца: бойцы МВД наведываются домой к шестерым сотрудникам – это происходит после полуночи. В одном случае они предупреждают, что домашний питомец, любимец семейства, может пострадать от несчастного случая, в другом – интересуются здоровьем пожилых родственников. В третьем налоговики заявляют, что работникам Британского Совета грозит уголовное преследование. В тот же вечер дорожная полиция Санкт-Петербурга со съемочной группой на подхвате останавливает машину Стивена Киннока и обвиняет его в вождении в пьяном виде.

Киннок – директор Британского Совета в Санкт-Петербурге, сын лорда (Нила) Киннока, бывшего лидера британской Лейбористской партии.

Британские представители возмущены фактами запугивания и провокаций.

— Это классический метод КГБ, используемый для устрашения наших сотрудников, способ заставить их почувствовать себя беззащитными, — говорит мне один из них. Другой сравнивает методы ФСБ с «избиением библиотекаря». А в Лондоне исполнительный директор Британского Совета Мартин Дэвидсон неохотно признается, что выбора у него нет – он вынужден закрыть региональные представительства.

— Мы наблюдали подобные действия в ходе холодной войны, но искренне полагали, что с такими методами покончено, — вздыхает он.

В частных депешах в Вашингтон Уильям Бернс выражает солидарность со своими загнанными в угол британскими единомышленниками. Он отмечает, что правительство Брауна «надеется пристыдить российское правительство, указав, что действия против Совета нанесут непоправимый вред тысячам российских студентов, которые пользуются услугами Совета – сдают языковые тесты, обращаются к бесплатным ресурсам при поиске подходящих программ для учебы в британских университетах». Посол США обращает внимание на то, что в их число входит огромное количество «детей национальной элиты». Но эта стратегия устыжения не возымела никакого эффекта. Министр иностранных дел Сергей Лавров – собственная дочь которого учится в Лондонской школе экономики – отмечает, что поведение британцев «свидетельствует об их ностальгии по колониальным временам». Генерал-майор Юрий Дроздов, офицер КГБ в отставке, говорит российским журналистам, что работа Британского Совета напрямую связана с «действиями британской разведки, чьи агенты совместно с США разрабатывают план раздробления и порабощения России».

Британские критики России расценивают эти закрытия филиалов как зловещий знак. Денис Макшейн, бывший министр по вопросам Европы, депутат парламента от Лейбористской партии, в выражениях не стесняется – он говорит о «новой омерзительной России, входящей в двадцать первый век... Жаль, что нация Толстого и Чайковского пытается сделать жертвой Британский Совет, который способствует продвижению культурных традиций и сотрудничества между художниками, писателями и музыкантами. Но сегодняшняя Россия медленно возвращается к бескультурному авторитаризму, что донельзя печально».

Я спрашиваю Федора Лукьянова, редактора журнала «Россия в глобальной политике» и своего любимого аналитика по российским вопросам, что из всего этого получится. Действительно ли репутации России может навредить такое «шаблонно советское» поведение?

— Я глубоко убежден в том, что Россию уже давно не волнует ее международный имидж, — говорит он.

Кремль также становится спонсором отвратительной кампании по персональному преследованию Тони Брентона. «Преступление» британского посла заключается в том, что он появился на семинаре гражданского общества в июле 2006 года в одной компании с Эдуардом Лимоновым – российским писателем и лидером запрещенной национально-большевистской партии – свирепой антикремлевской молодежной организации, членов которой регулярно преследует российская полиция и суды. (Позднее я узнал, что и самого Лимонова содержали в Лефортово).

После форума юные прокремлевские активисты таскаются за Брентоном по улицам Москвы и вообще повсюду. Это члены пропутинской группы «Наши», организованной кремлевскими политехнологами на заре оранжевой революции. Активисты из «Наших» забрасывают Брентона вопросами во время его публичных выступлений. Они преследуют его жену, выпрыгивают перед его машиной, заваливают листовками лобовое стекло. Как указывает Бернс, эти акции не происходят спонтанно, – активистам определенно за это платят.

Министерство иностранных дел Британии заявляет МИДу РФ, что такая тактика является нарушением условий Венской конвенции.

После российских парламентских выборов 2 декабря 2007 года, на которых путинская «Единая Россия» одержала «сокрушительную» и, как вероятно, фальсифицированную победу, активисты «Наших» проводят пикет напротив Британского посольства в Москве, что расположено на берегу реки. Активисты выстраиваются вдоль черной Москвы-реки, на улице холодно и промозгло. Демонстрантов – около двадцати, они держат в руках плакаты. На плакатах – увеличенное фото Брентона с подписью Loser — красные чернильные буквы красуются прямо на лбу политика. Впрочем, бывали времена и похуже – на предыдущих собраниях «Наших» Брентона сравнивали аж с Гитлером. Британские официальные представители – из тех, которые верят в силу здравого смысла и диалога – приглашают лидера «Наших» на переговоры. За этим тут же следует еще одна демонстрация – на этот раз плакаты гласят We don't want your tea («Не нужен нам ваш чай»).

— Мистер Брентон – лузер, выборы в России не принесли ему желаемого результата. Он хотел, чтобы здесь произошла оранжевая революция. Но ничего не вышло, — Константин Голоскоков, 21-летний студент Московского университета, сообщает мне это у дверей посольства. И добавляет, — Мы считаем, что мистер Брентон не должен вмешиваться во внутренние дела нашей страны. Мы обратились к министру иностранных дел с просьбой лишить его аккредитации.

Еще одна активистка «Наших» Маша Дрокова говорит мне:

— Я жду, что он извинится.

Стоит ли упоминать, что выборы были проведены нечестным путем: миллионам работников государственного сектора велели проголосовать за Путина, сказав, что в противном случае они потеряют работу. Путин выиграл, а Брентон проиграл. В манихейском мире Путина это настолько просто. В конце концов, активисты из «Наших» прекращают свои дежурства у посольства, как считает Бернс, «вероятно, получив инструкции».

Шестью месяцами позже, летом 2008 года, я сталкиваюсь с активистами «Наших» в их ежегодном выездном лагере на берегу озера Селигер на живописном севере России, неподалеку от Твери, в трех часах езды от Москвы. Сотни палаток стоят в залитом лучами солнца сосновом бору. Тут есть и мобильные туалеты, и умывальники, и все необходимое для приготовления еды. С той стороны озера сияет золотыми куполами православный храм. Этот лагерь мог бы стать обычным летним сборищем бойскаутов – если бы не гигантские портреты Путина, растянутые между деревьями на центральной поляне.

Я обнаруживаю, что теперь самой ненавидимой страной в кремлевском пантеоне демонов является вовсе не Британия, а крошечная Эстония. Россия регулярно устраивает публичную порку Эстонии и ее постсоветским соседям – Латвии и Литве, обвиняя их в «фашизме». Экстрадицией тут и не пахнет, полемика касается истории двадцатого века. В Эстонии по понятным причинам не согласны с заявлениями Кремля о том, что страна была «освобождена» Красной армией от нацистов, — для эстонцев это освобождение – повторная оккупация. Решение Эстонии демонтировать

памятник солдату-красноармейцу встречает яростную реакцию со стороны России, в мае члены «Наших» осаживают посольство Эстонии, притащив с собой огромный надувной танк.

Я обнаруживаю, что на песчаном берегу у активистов «Наших» живет свинья. Они назвали животное Ильвесом в честь президента Эстонии Тоомаса Хендрика Ильвеса. Ответственный свиновод Дмитрий Иванов одет в американский костюм, украшенный пришитыми фальшивыми долларовыми бумажками, и в цилиндр. Он говорит мне:

— Мы не фанатики. Мы просто поддерживаем курс российской правящей элиты. Мы хотим, чтобы люди жили хорошо. Только идиот будет выступать против этого. – Будущее России, по его уверенным предсказаниям, таково, — Мы войдем не в пятерку, а в тройку передовых стран. К 2020 году люди будут стремиться переехать из таких стран, как ваша, в Россию.

Сам лагерь, как я понимаю, — это возможность совместить пропагандистскую деятельность Кремля с бесплатным отпуском и пофлиртовать с противоположным полом. Тут есть скалодром, танцевальные классы, горные велосипеды, спортзал и даже сигвей, лесной воздух пропитан сосновой смолой и гормонами молодости. На песочке загорает женщина в оранжевом бикини, почитывая Конституцию России. Кремль спонсирует «Наших», а Владислав Сурков – главный путинский идеолог – их идейный вдохновитель.

Некоторые из приемчиков этой группы выглядят скорее глупо, нежели устрашающе. Одна из палаток, что стоит на песчаной насыпи, принадлежит Антонине Шаповаловой, ей двадцать лет и она – модный дизайнер. Шаповалова, как и множество других поклонников «Наших», — родом из провинции (в ее случае – из Костромы, что на западе России). В 2007 году она представила сенсационные дизайнерские «трусы Путина». Эта откровенная нижняя часть бикини украшена слоганом «Вова, я с тобой», и слово «Вова» — уменьшительно-ласкательное от Владимир – тянется ровно вдоль промежности.

В лагере также пытаются решать и демографические проблемы России: двадцать молодых пар торжественно завязывают узел во время массовой

церемонии на главной сцене. Каждая из этих пар ночует в отдельной палатке в форме сердца, украшенной красными шариками; год назад на этом же месте во время массовых свадеб уже успели зачать ребенка – Васю – которого сейчас с гордостью предъявили общественности; присутствуют пары из Дагестана в ярких костюмах, на женихах — огромные коричневые шляпы.

Но на самом деле, впрочем, факт остается фактом: «Наши» — это довольно неприятная организация. Российское правительство использует ее как средство демагогии и как способ подразнить своих врагов. Во время моей работы в Москве мишенями организации, наряду с Брентоном и эстонцами, становится и критик Путина Каспаров, а также журналист и советский диссидент Александр Подрабинек.

Неподалеку от места содержания хрюшки мы встречаемся с лидером «Наших» Никитой Боровиковым. Боровиков защищает тактику группы. Он говорит, что не видит ничего плохого в преследовании врагов России – и описывает эти трюки как «фарс». Зачем они привязались к Тони Брентону?

— Он поддерживает фашистов и экстремистов, — отвечает Боровиков. — И это ужасным образом очерняет имидж России. Когда государство ничего не предпринимает, действовать вынуждено общество.

Как выясняется, у России полно врагов – их бесконечное число, как иностранных, так и доморощенных. У главной сцены развешаны баннеры. На одном изображен президент Эстонии в форме офицера SS, на других – Михаил Саакашвили и Виктор Ющенко – прозападные президенты Грузии и Украины, тут же красуется слоган «Злой дух проник к нашим братьям-славянам». В дальнем конце песчаной насыпи я отыскиваю труппу белорусского театра, представляющую сатирическую пародию на «Другую Россию» — продемократическое движение Каспарова. Актеры в масках – в стиле шоу Spitting Image – танцуют канкан под музыку из «Шоу Бенни Хилла», размахивая американскими флагами. Борис Березовский дирижирует, Ходорковский выходит на сцену в наручниках и полосатой тюремной пижаме. Все это в лучших традициях советской пропаганды с ее изображением злобных капиталистов в черных цилиндрах. Внезапно я осознаю, что это еще один пример адаптации Кремлем советской модели – в

данном случае Кремль взял коммунистическую молодежную организацию (комсомол) – и сменил упаковку на более привлекательную для пользователей Facebook.

Вернувшись в Москву, я спрашиваю Илью Яшина, молодого лидера либеральной партии «Яблоко», что тот думает о «Наших».

— Это полностью искусственное движение, созданное президентской администрацией, — говорит он, добавляя, что это позор его поколения русских.

Участники движения вознаграждаются бесплатными билетами в кино, клубными картами в бассейны и престижными стипендиями в государственных корпорациях. Они не глупы – они просто циники, предполагает он:

— Россия пребывает в глубокой психологической и политической апатии.

Яшин полагает, что неверно было бы сравнивать «Наших» с Гитлерюгендом – первых прозвали Путинюгендом – поскольку они никого не убивают. Лучший аналог, как он считает, — хунвейбины председателя Мао. Короткой пугающей сноской можно добавить, что «Наши» вместе с самим Путиным, как выяснилось, еще и благоговеют перед Андерсом Берингом Брейвиком, 32-летним норвежцем, который совершил массовое убийство в июле 2011 года.

Маленький прибрежный городок Сенигаллия расположен на открытом всем ветрам адриатическом побережье Италии. Тихое милое местечко. Есть собственная пристань и набережная. По берегу раскиданы кафе с полосатыми шезлонгами, черноголовые чайки снуют над волнами. В Сенигаллии имеется даже собственный замок и чудесный парк, засаженный араукарией и пихтами. Я приезжаю и вижу запертую дверь туристического бюро. Но в старом городе, под каменными арками, удастся найти кафе, где продают превосходное мороженое.

Сенигаллия – странное прибежище Вальтера Литвиненко, 71-летнего отца Александра Литвиненко. Вместе с женой Любой и другими родственниками

он живет здесь в изгнании – на побережье провинциальной Италии. В марте 2011 года я отправляюсь в их обшарпанную трехкомнатную квартиру, упрятанную в безликом тупике. Семейство покинуло Россию весной 2008 года. Но, как объясняет Вальтер Литвиненко, его проблемы с российским государством начались еще до убийства его сына – история тянется аж с 1998 года, когда Александр – в семье его называют Саша – публично выступил с обвинениями своего работодателя, ФСБ. Шефом ФСБ на тот момент являлся сам Путин. Семейство проживало в Нальчике, городке у подножия гор Северного Кавказа.

Александра арестовали. В Нальчике единокровная сестра Александра Татьяна и ее муж – оба тогда работали в местном подразделении ФСБ – потеряли работу. Загадочным образом погибла бабушка Литвиненко – ее сбила машина, когда та переходила дорогу.

После радиоактивного отравления и смерти Литвиненко в Лондоне проблемы только приумножились. Начались угрозы и запугивания. Российская пресса объявила семью Литвиненко предателями. Родственники прекратили общение. Как говорит Вальтер, ему намекали на то, что его внук-подросток – которого вот-вот должны были призвать в армию – вернется домой в черном мешке. Вальтер был в курсе, что местоположение его младшего сына Максима – который уже успел переехать в Италию – рассекречено. Мало-помалу семья Литвиненко пришла к выводу, что выбора нет — им остается лишь покинуть Россию.

— Я боялся не за себя, а за детей, — рассказывает мне Вальтер – на нем та же плоская кепка, что была надета в тот промозглый день, когда его сына хоронили на Хайгейтском кладбище в Лондоне.

Литвиненко – вынужденные изгнанники: на стене висит карта России, рядом с ней – несколько православных икон, на полке стоит русско-итальянский разговорник.

— Дома я любил ходить за грибами. Но потом я стал бояться соваться в лес. В лесу очень легко убить человека, — говорит Вальтер.

Жизнь в Италии, как выяснилось, принесла одни разочарования. Спустя два года после переезда лидер Италии Сильвио Берлускони отказался предоставить семейству убежище – что Литвиненко-старший относит на счет близких личных отношений Берлускони и Путина. Он говорит, что эта волокита может объясняться нежеланием Берлускони огорчать Кремль.

— Мы стали жертвами в этой политической игре, — говорит Литвиненко. — Берлускони не лучше Путина. Все европейские правительства заигрывают с Путиным. Зависимость Берлускони от Путина и от российского газа означает лишь то, что убежища мы не получим.

Такое заявление кажется мне правдоподобным, хоть и невеселым. Паоло Гуццанти, бывший сенатор партии «Вперед, Италия» (Forza Italia), повздоривший с премьер-министром из-за дружбы последнего с Путиным, говорит, что, вероятно, Берлускони лично не дал хода заявлениям Литвиненко.

— У меня нет этому подтверждения, но кажется очевидным, принимая во внимания братские отношения между Путиным и Берлускони, что будут придуманы любые возможные предлоги для того, чтобы замедлить или вообще остановить процесс по предоставлению убежища, — говорит он.

Итальянское правительство это отрицает. Позднее семья получает разрешение на проживание в Италии, хотя это не аналог убежищу.

Литвиненко также полагают, что семейство подвергается преследованиями и со стороны полиции Италии – полицейские совершили налет на семейный ресторан La Terrazza, расположенный в соседнем курортном городке Римини. Татьяна рассказывает, как один из полицейских схватил ее за руку. Она начала вырываться, тот повалил ее на пол, она отключилась, получила сотрясение мозга. Как считают в семье Литвиненко, неизвестно, является ли это преследование местным феноменом ввиду того, что полиция плохо относится ко всем русским, наводнившим побережье Адриатики, или же направлено персонально против них и цинично инициировано в верхах.

— Я думал, что в Европе на 100% подчиняются законам. В Италии обнаружилось, что это неправда. Все решает мафия и связи. Слово бы мы

были не в Европе, а остались в каком-нибудь российском захолустье, — говорит Татьяна.

Вальтер Литвиненко обвиняет Путина в смерти своего сына. Он полагает, что команда из трех человек – Лугового, Ковтуна и Соколенко, что встречались с его сыном в баре отеля, — действовала по указке Кремля.

— Я знаю, это Путин убил его, — говорит он мне. – Он больной человек. Нормальный человек не стал бы убивать Сашу.

У Литвиненко нет доказательств, но его отчаяние и его публичные обвинения в адрес Путина вполне понятны. Его логика следующая:

— В России существует вертикальная система. Как и в Советском союзе. Только Путин может решать подобные вопросы – он как Сталин. Без одобрения Путина это (убийство Литвиненко) никогда бы не случилось.

Татьяна с отцом не согласна. Она не хочет разбрасываться обвинениями ни в адрес Путина, ни кого бы то ни было еще. Ее упрек адресован Березовскому – вероломному покровителю Литвиненко. Он оставил семейство в беде.

— Мы ему определенно не интересны, а мы не станем унижаться и просить его.

Семья Литвиненко в отчаянном положении. Их основная пища – креветки, что хранятся в холодильнике их неработающего ресторана. За несколько дней до моего прибытия они потратили на яйца последние 10 евро. Местная церковь жертвует хлеб и яблоки, еще они пекут блинчики. На момент моего визита у них нет денег на оплату аренды квартиры за следующий месяц – это 540 евро. Горький постскриптум к истории Литвиненко – убийство, побег, нищета, туманное будущее на чужой земле. И обеспокоенность тем, что проживание на нынешнем месте – по-прежнему небезопасно.

— У какой-то подсознательный страх, — говорит Вальтер Литвиненко. – В Нальчике я не боялся – я знал там каждого в лицо. Здесь все по-другому. В любой момент к нам могут прийти, и это будет конец всего.

В мае 2011 года мне звонит Татьяна. Сообщает новости о семействе. Неутешительные. Люба – которая вырастила Александра Литвиненко – умерла. Правительство Италии по-прежнему отказывается оказывать Литвиненко минимальную государственную поддержку. Вальтер Литвиненко переехал и теперь живет один в однокомнатной квартире. Он остался практически без средств к существованию, у него нет денег на оплату счетов. В его квартире отключили электричество, и он сидит там один — в темноте.

Mikheil Saakashvili

Georgia's pro-western president. Putin promises to "hang him by the balls" but in the end refrains from capturing Tbilisi. Saakashvili – an ally of former US president George W Bush – was punished for daring to escape from Russia's grip.

ZURAB KURTZIKIDZE, EPA

Глава 5

Пять августовских дней

Граница у Гори, Грузия

11 августа 2008 года

«С возвышающимися старыми храмами, башнями и замками, которыми украшен фантастический горный пейзаж, Грузия, вероятно, покажется вам одним из красивейших мест на земле».

Lonely Planet, путеводитель по Грузии.

Когда начнется стрельба, я буду сидеть на берегу моря в Корнуолле. Самый жуткий кошмар для журналиста – оказаться не в том месте в момент, когда на твоём участке разворачиваются грандиозные события. В данном случае

— начинается война в Грузии, маленькой стране с населением в 4,5 миллионов человек, расположенной на подступах к России.

Днем мы с Фиби и детьми – Раскином, 8 лет, и Тилли, 10 лет – нежились в волнах, а затем я возвращаюсь в наш арендованный коттедж, стоящий у самого пляжа. Смотрю на мобильный. Семнадцать пропущенных звонков! Черт. Включаю BBC. И обнаруживаю, что мой друг Ричард Галпин уже передает новости из Грузии. Он вещает, стоя на фоне огромной пробоины в дорожном покрытии, вероятно, это результат российской бомбежки. Грузины совершили бессмысленную и бесплодную попытку заполучить назад мятежную провинцию — Южную Осетию, Россия же ответила на это полномасштабным вторжением.

Новости вообще-то не то чтобы удивительны. Шестью неделями ранее мы съездили из России в Грузию на семейные каникулы. Как оказалось, это был наш лучший отпуск. После ареста российских «шпионов» в Грузии в 2006 году отношения между Москвой и Тбилиси стали предельно напряженными; но, тем не менее, между двумя столицами только-только возобновились прямые рейсы. В Тбилиси мы остановились в дешевой гостинице «У Додо», как рекомендовал путеводитель Lonely Planet. Мы посетили древние пещерные монастыри, выточенные в горах у самой границы с Азербайджаном, мы устроили пикник и ели колбаски, лаваш и грузинский сыр под средневековыми грузинскими фресками с изображением Тайной Вечери.

Еще мы ездили на север по Военно-грузинской дороге в компании других туристов. Дорога, в девятнадцатом веке использовавшаяся для военных поставок, тянется через горы Кавказа, мы шли через альпийские поля, цветут лилии и гвоздики. В заброшенной каменной башне мы с Тилли и Раскином обнаружили горного козла. Граница с Россией закрыта, мы карабкаемся практически по отвесной стене, чтобы попасть в старую церковь, возвышающуюся над приграничным городком Казбеги. Мы ездим и по Гори. В этом городе родился Иосиф Сталин – сын сапожника, человек без будущего. После Гори мы отправляемся в Боржоми, расположенный посреди субтропического леса, — это умирающий имперский курорт, знаменитый своими минеральными водами. Плещемся в открытом серном источнике.

А в Тбилиси я замечаю первые предвестники будущей трагедии. Я беру номер англоязычной грузинской газеты Messenger. Пишут, что госсекретарь США Кондолиза Райс прибыла в столицу на переговоры с прозападным грузинским президентом Михаилом Саакашвили. Саакашвили считают открытым врагом Путина, которого сам он насмешливо называет Лилипутиним. Такое презрение взаимно. Во время этих переговоров над президентским дворцом Саакашвили кружат российские самолеты.

Пришедший к власти в 2003 году на волне продемократических уличных выступлений, Саакашвили не скрывает своих намерений сделать Грузию частью НАТО и евроатлантического сообщества. В Кремле возмущены попытками Саакашвили вывернуться из российской геополитической хватки. Кремль поддерживает Абхазию и Южную Осетию – две сепаратистские территории, отделившиеся от Грузии в начале девяностых. Один московский комментатор – Павел Фельгенгауэр из «Новой газеты» — предсказывает, что политический кризис в отношениях России и Грузии летом приведет к войне. Но ему верят немногие.

А 7 августа действительно начнется война. Долгие годы аналитики будут с горечью обсуждать причины. После нескольких дней яростной приграничной бомбежки, когда поддерживаемые Россией южноосетинские бойцы обстреливали деревни, находящиеся под контролем Грузии, Саакашвили отправляет войска на захват Южной Осетии. И вскоре грузинская армия берет столицу – Цхинвали.

Но в Южную Осетию уже въезжают русские танки – и кукольная администрация страны, и США, и прочие державы полагают, что Цхинвали давно находится под контролем Москвы и ФСБ.

Кремль, только-только оправившись после очередного международного скандала, теперь внезапно оказался втянутым в опосредованный конфликт с НАТО и Западом. Спустя сутки войска Саакашвили, прошедшие подготовку у военных США, хаотично отступают из Цхинвали под шквальным российским огнем. Солдаты порой просто бросают свои «Кобры» – бронированные «Хаммеры» с сорокамиллиметровыми пушками. На улицах лежат тела убитых. Военная авантюра Саакашвили завершилась поражением.

Кажется, конфликт не привлёк внимания мировых лидеров. Президент Джордж Буш, союзник Саакашвили, в этот момент находится вместе с Путиным в Пекине на Олимпийских играх.

Поездом я возвращаюсь в Лондон. Все рейсы в Тбилиси отменены – русские бомбят аэропорт. Поэтому я лечу в Баку – столицу соседнего Азербайджана, что на Каспийском море. Оттуда я в ночи еду на запад, к грузинской границе. Моя точка назначения – Гори. В июне мы побывали в этом городке, а теперь через него проходит линия фронта. Мой коллега по Guardian Том Парфитт пробирается через горы Кавказа. Он случайно оказался во Владикавказе – столице Северной Осетии. Он направляется в Южную Осетию, находящуюся под контролем русских.

Я въезжаю в Грузию. В воздухе разливается серый дым, русские бомбят неработающий аэропорт, оставшийся с советских времен. Несколько часов я еду через восточную Грузию, мы обгоняем запряженные лошадьми повозки, груженные дынями, проезжаем мимо полей с желтыми подсолнечниками.

Россия представляет свое вторжение в Грузию как сугубо миротворческую операцию. Цель миссии, по заявлению Кремля, — защитить гражданское население. Любой журналист, который хоть чуть-чуть изменит фабулу – позднее я и сам окажусь в их числе – будет автоматически заклеен «шпионом». Но когда я прибываю в Гори, становится понятно, что все эти заявления идут вразрез с тем, что случилось с гражданским населением Грузии, пережившим трехдневную воздушную атаку со стороны России. Несколько бомб попали в жилые районы. Я вглядываюсь в развалины дома, разрушенного русским снарядом.

Знакомлюсь с хозяином – его зовут Костя Арсошвили. От его гостиной почти ничего не осталось – он сидит на засыпанном стеклом ковре. Люстра упала на пол. Оконные рамы в детской вылетели. Сосед Кости пострадал еще больше. Он погиб – бомба угодила в крышу его дома.

— Мне повезло. Я вывел детей из дому за пятнадцать минут до бомбежки, — рассказывает мне Костя, показывая на шаткие дверные перемычки и выбитые окна. – Не знаю, кого винить в этой войне. Знаю лишь, что точно не меня.

По видимости, встречные бомбардировщики, которые разгромили дом Кости, целились в грузинскую танковую базу, что в двух милях отсюда. Но бомбы не достигли цели. Ошибку могли допустить случайно – но вообще это больше похоже на целенаправленный акт мести Саакашвили, чьи солдаты и танки спешно отступают в направлении Тбилиси.

Противовоздушная оборона Грузии оказалась неспособной к сопротивлению, и теперь российские ВВС беззаботно кружат над территорией Грузии. Русские бомбардировщики разгромили радиолокационную станцию в столице, на рассвете местные жители в панике выскочили на улицу прямо из постелей. Соседи, живущие напротив Костиного дома, обследуют свои разрушенные жилища; жженные искореженные куски металла валяются по дворам, раскидана одежда, перья из подушек, стоит запах обгорелой плоти. Верхние этажи пятиэтажного здания исчезли, аккуратные виноградные решетки вмяты в стены – будто бы огромным кулаком.

— Мы жили на пятом этаже. Мы успели убежать как раз до начала атаки, — говорит Нана Тетладзе. Ее беременная соседка Марка, жившая на втором этаже, оказалась не столь проворной. — Они с мужем погибли. Оба. Не знаю, что с их семилетним мальчиком, — говорит она. Во дворе я нахожу искалеченные останки белой машины Марки.

В тот вечер в Тбилиси, в лобби отеля, я случайно сталкиваюсь с Ираклием Баткуашвили, начальником департамента стратегического планирования Грузии, — он как раз возвращается со встречи с западными дипломатами. Дальнейшее будущее Грузии видится ему мрачным, он говорит, что русские атакуют по всем фронтам. Они идут с западной стороны, из Абхазии, второй отделившейся грузинской республики, — говорит он, — и уже захватили ключевые точки – Кутаиси и Сенаки. Полковник признает, что «половина Грузии оказалась под контролем России», и говорит, что жалкие остатки армии Саакашвили планируют сформировать защитное кольцо вокруг Тбилиси. «Это классическое полномасштабное вторжение. Это оккупация».

Российское наступление вызывает панику – некоторые иностранные обозреватели заявляют о том, что покидают страну, беженцы ищут пристанища, мобильные телефоны не работают. Неясно, собирается ли

Кремль брать сам Тбилиси. Я спрашиваю Баткуашвили, является ли конечной целью России захват Саакашвили – которого Путин обвиняет в военных преступлениях.

— Идея в том, чтобы наказать Грузию и грузинское правительство, — отвечает он. — И Мишу (Саакашвили). Они ведь ненавидят Мишу.

Еще один грузинский чиновник говорит, что Россия согласна на отвод войск в обмен на поручительство, что Грузия оставит все свои чаяния по вступлению в НАТО и формально примет нейтралитет.

— Это значит, что мы должны отказаться от своих стремлений присоединиться к Евroatлантическому альянсу, — мрачно добавляет он.

Телеграммы Wikileaks последовательно доказывают реальность такой ситуации. За год до войны дипломаты США в Москве и Тбилиси представили подробный отчет о секретных акциях России в Грузии. Они сообщили, что Южная Осетия фактически контролировалась ФСБ – следы работы ведомства прослеживаются по всему региону.

«Несомненно, русским хотелось бы убрать Саакашвили, — пишет 20 августа посол США в Тбилиси Джон Теффт, — но разнообразие и масштаб активных мер предполагает, что существует и более глобальная цель – вынудить Грузию отказаться от евроатлантической ориентации и вернуться в стан России».

На следующее утро вместе с переводчицей Ликой Перадзе, выпускницей академии искусств Тбилиси, и водителем Зурой Кевлишвили я снова отправляюсь в Гори. Зура возил нас в горы, когда мы были тут на семейных каникулах. По мере того, как мы приближаемся к линии фронта, он нервничает все больше и больше. Вдоль дороги мы замечаем следы панического и позорного отступления грузинской армии. Сожженный грузинский танк повален на бок. Крышу срезало. Другие военные транспортные средства Грузии, кажется, просто сломались в ходе злополучного бегства. У одного танка – две спущенные задние шины, экипаж бросил яблоки прямо около пушки. Пара военных грузовиков – со сплюснутыми кабинами. Рядом – брошенные артиллерийские орудия.

Мы едем в Нацрети — это придорожная деревня в восьми милях от Гори. Вынырнув из ниоткуда, в двухстах метрах в белом небе над нами кружит российский военный вертолет. Вертолет сбрасывает несколько оранжевых шипящих ракет. Ракеты летят и врезаются в высокую линию опоры электропередач, и дым рассеивается по дороге. Мы сворачиваем в деревню. Зура расстроен — его машина сломана.

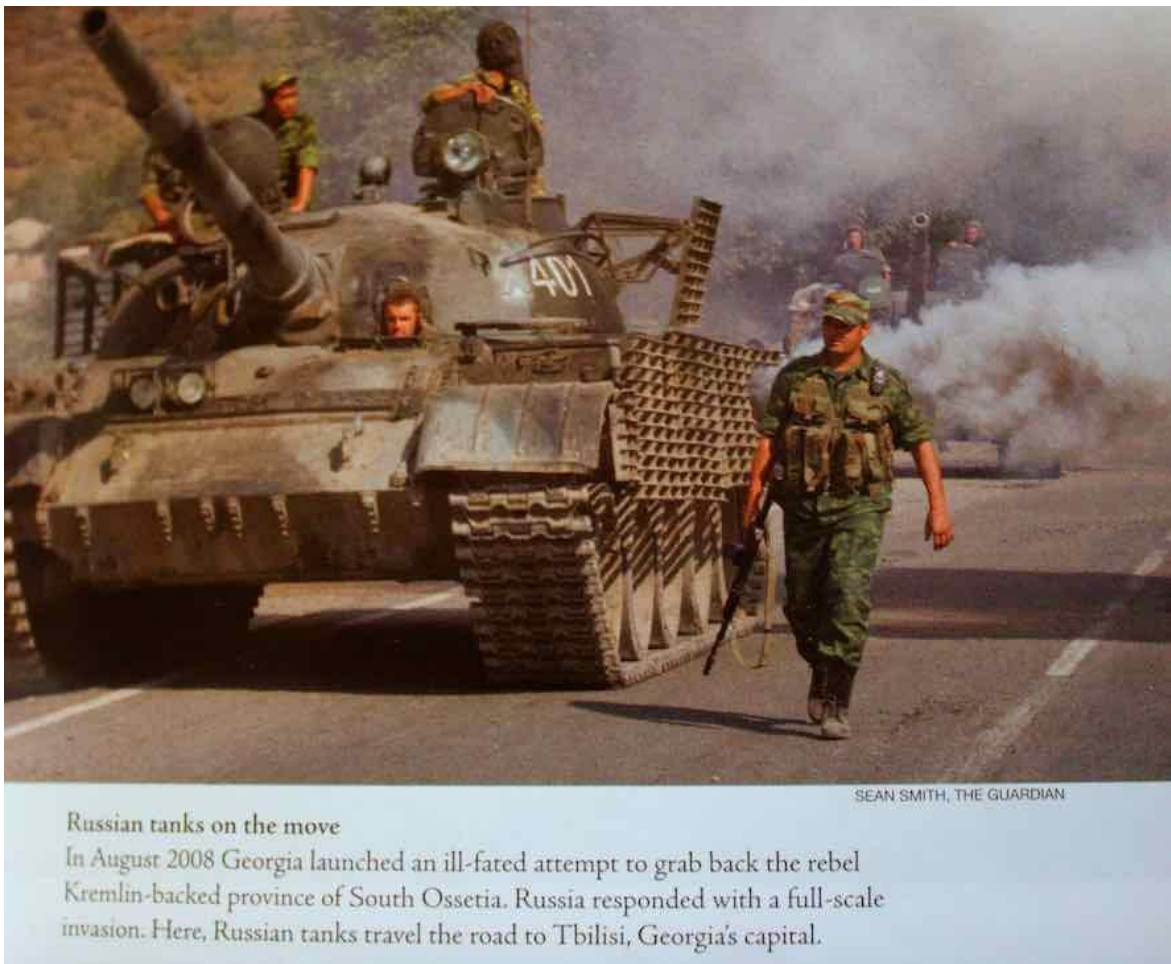
Жители, оказавшиеся на линии фронта, кажется, возмущены тем, что Грузия осмелилась развязать войну с таким могущественным соседом, как Россия.

— Не знаю, какую из сторон в этом винить. Даже не знаю, почему все это случилось, — говорит мне семидесятитрехлетняя Оля Тваурия. Оля рассказывает, как ей вместе с другими женщинами и детьми пришлось провести ночь в соседском подвале, мужчины сбежали в горы, чтобы спрятаться в сосновом лесу. Российские бомбардировщики поднялись в небо в два часа ночи, разгромили здание почты Гори и военный госпиталь — там погиб доктор.

Мы сидим в увитом виноградной лозой доме Оли. По двору бегают куры, ароматные сливы и кабачки распустились яркими желтыми цветами. Многие из ее соседей успели уехать.

— Я осетинка, но хочу жить здесь, — говорит она. Она предлагает Зуре оливковое масло, чтобы унять головную боль, угощает нас лавашем и домашним грузинским сыром.

Теперь, оставшись без машины, мы с Ликой едем в центр Гори вместе с двумя юными грузинами — на панели машины лежит пистолет. По дороге мы встречаем несколько других авто. Я поражен отвагой Лики. А в Москве Медведев объявляет о том, что российские войска прекратили военные операции. Спустя пять дней наступление на запад и в центр Грузии закончено, — заявляет он.

До Гочи Сехниашвили эти новости доходят слишком поздно. Четырьмя часами ранее он стоял на главной площади Гори, рядом с огромной городской статуей Сталина. Выжившие говорят, что бомбежка началась неожиданно.

— Внезапно упала бомба. У нас вылетели окна. Разлетелись стекла. Одни люди кричали и умирали. Другие прятались, — говорит друг Гочи Тамаз Бериашвили. — Я схватил пожитки и бросился бежать. И увидел, что Гоча лежит на брусчатке лицом вниз.

Гоча – не единственная жертва: в ходе нападения погибло по меньшей мере пять мирных жителей, включая 39-летнего голландского журналиста Стана Сториманса. Он вел репортаж и находился неподалеку от огромного музея Сталина, выстроенного рядом со скромным деревянным домом в две комнаты, где вырос диктатор. Статуя Сталина, что удивительно, совсем не пострадала. Грузинские флаги свисают над зданием муниципалитета с колоннами. Рядом брошен покореженный красный «Гольф», на земле лежит

мертвая собака. Трудно понять, во что именно целились русские – более вероятно, их целью было посеять смерть и хаос.

На следующий день мы с Ликой возвращаемся в Гори. Мы нашли нового водителя – Кобу Чхиродзе. Привлекательный и высокий, с небрежной трехдневной щетиной, Коба – житель зоны войны – дружелюбный, бесстрашный и любопытный. Ему 41 год, он служил в Советской армии. На линии фронта он инстинктивно отводит машину от опасных мест на случай, если вдруг нужно будет быстро скрыться в убежище. А еще он патриот – он запальчиво заявляет о том, что уйдет в партизаны, если русские не уберутся восвояси. Мы добираемся до Гори — никаких признаков отвода российских войск не видно; зато мы узнаем, что русские танки из Южной Осетии дошли до центра Гори и стоят у церкви, возведенной из песчаника. Броневики также заняли главную трассу E50 на выезде из города, отрезав таким образом восточную Грузию от западной. Мы оставляем машину у заправочной станции. Сидим в тени елей. Неподалеку от нас появился новый российский пропускной пункт. Офицер поста, этакий майор Крепкий Орешек, оказался остроумным философом. Я спрашиваю, зачем он вторгся в Грузию.

— Между Грузией и Россией нет различий, — отвечает он. И добавляет, — Очень красивый пейзаж. Хотя у нас в Дагестане тоже есть красивые горы.

Спустя несколько часов российская армия снимается с места – череда броневиков с солдатами переваливает за вершину холма. Останавливается – словно для того, чтобы собраться с силами, и затем возобновляет движение в сторону Тбилиси. Вслед за ними на горизонте появляется бесконечная колонна русских военных автомобилей – грузовики, цистерны, помятый «Ниссан». Российская армия в действии.

Непонятно лишь, куда она направляется. Следующие восемь миль – мимо желтых полей, через туманные горные долины – мы едем впереди колонны, которая продолжает торжественное шествие от Гори к столице. Никто не знает, считать ли это формальной российской оккупацией Грузии или чем-то другим: вероятно, ленивой воскресной прогулкой? Колонна движется вглубь грузинской территории. Войска уже в тридцати милях от Тбилиси. И

тут они сворачивают влево. Из машины выскакивает русский солдат. Я спрашиваю, что они собираются делать.

— Нам велено остановиться здесь, — говорит он мне, показывая вниз, на развороченную грязную грунтовую дорогу, ведущую к деревушке Орчосани, что в миле отсюда. — Мы оказались здесь только по одной причине — из-за провокации Саакашвили, — говорит он.

Станный день. Теоретически конфликт между Россией и Грузией должен быть исчерпан: европейские парламентарии во главе с президентом Франции Николя Саркози объявляют о заключении мирного акта. А в реальности я обнаруживаю, что мощная российская военная машина катится по грузинской глубинке. Пара российских грузовиков съезжает в кювет. Один грузовик сломался. Из машины выпрыгивает солдатик с длинным железным прутком в руках и заводит харкающее авто. Откуда он?

— Из Чечни, — говорит тот. — Мы пришли помочь.

Но перепуганные жители Гори и окружающих деревень скажут вам, что это — вопиющая ложь. Беженцы — сельские жители приграничных с Южной Осетией зон — рассказывают о народной армии чеченских и осетинских добровольцев. Эти нерегулярные формирования прибыли вскоре вслед за русскими танками и подразделениями, чтобы присоединиться к оргии мародерства, обстрелов, убийств и изнасилований, говорят очевидцы, добавляя, что эти банды забрали с собой молодых женщин и мужчин.

— Они убили пятнадцатилетнего сына моих соседей. Все в панике бежали, — рассказывает мне Лариса Лазарашвили. — Русские танки вошли в деревню в 11.20. Мы побежали. Бросили все — скот, дома, все пожитки. Ничего не осталось.

— Они убивали, жгли и грабили, — добавляет Ачико Китаришвили из Бербуки. — Они забрали молодежь в заложники и увезли. Это были чеченцы, осетины и казаки. — Он продолжает, — моя деревня находится вне зоны конфликта. Это чистая Грузия.

Вначале в сообщения о зверствах русских верится с трудом. Но среди населения царит неподдельная паника – жители деревень пытаются сбежать в Тбилиси всеми возможными способами. Семейство из восьми человек втискивается в крошечную белую «Ладу», другие едут на тракторах, группа пожилых людей грузится в повозку, запряженную лошадьми. Небо затянуто белым дымом. Череду деревень между Гори и Южной Осетией охватили пожары: горят Тквиави, Каралети, Река, Вариани. Во всей Грузии двести тысяч человек стали беженцами. Нерегулярные формирования забирают машины – под дулом пистолета вышвыривают из-за руля водителей, такая участь постигла нескольких журналистов. Убежавшие говорят, что их предали. Они говорят, Медведев их обманул.

— Я поверил Медведеву, когда тот заявил о мире. Поэтому мы остались дома. Но это оказалось ложью, — говорит мне 62-летняя Ламзира Тушмали.
– Не было никакого прекращения огня.

Война 2008 года между Россией и Грузией – весьма странный конфликт. Передавая из Афганистана в ходе развязанной США войны против Талибана в 2001 году, я иногда оставался спать в машине, в морозной пустыне, неподалеку от северной границы. Часто было нечего есть. В Грузии я живу в пятизвездочном отеле «Мариотт» внизу улицы Руставели, неспешной главной улицы Тбилиси.

В отеле есть скоростной интернет, на нижнем этаже — бассейн. По утрам Лика, Коба и я – вместе с фотографом газеты Guardian Шоном Смитом, который прилетел из Лондона, — ездим Гори, теперь оказавшемся в русской блокаде. Вечерами, закончив писать статьи, мы с Шоном гуляем по старому Тбилиси. Центр города – сплошь милые деревянные домики с решетчатыми балконами и садами, засаженными георгинами и инжиром.

Мы частенько наведываемся в «Шемоихеде Генацвале» — ресторан на мощеной улице Леселидзе. Там подают прекрасные хинкали (мясные пельмени) и хачапури (сырный хлеб). Мы пьем превосходное грузинское вино. Позже, когда конфликт начинает рассасываться, я брожу по Prospero's Books – английской книжной лавке и кафе. Ее владельца зовут Питер Насмит — это очаровательный англичанин, большой фанат Грузии. Он вручает мне роман 1949 года Timeless, написанный грузинским

аристократом Николасом Чкотоа. Насмит переиздал его, обнаружив в книжной лавке в Кэмдене. Это история любви русской царевны и грузинского царевича, действие разворачивается в конце 19 века в далеких горах Кавказа, в Париже, Тбилиси и Давосе.

Российская армия просит журналистов воздержаться от визитов в Гори и поездок в грузинские приграничные деревни к северу от города, примыкающие к Южной Осетии. Мы встречаем все больше беженцев. Когда мимо проходит русский вооруженный конвой, группа прячется в кювете; как только солдаты исчезают из виду, беженцы с криками и плачем поднимаются.

— Повсюду тела погибших. Я видела сотни убитых. Трупы лежат прямо на улицах, — говорит Елене Майсурадзе, пожилая леди 73 лет. — В деревнях Курта, Чала и Эредви — огромное количество трупов.

Елене говорит, она убежала из грузинской деревни Тквиави после того, как в ее дом ворвались две банды вооруженных мужчин.

— Они говорили по-русски. Спросили — где мальчишки и где твоя машина? — вспоминает Елене. — Я не понимаю. Один из них был осетин, он переводил. Я сказала, что машину я продала, и они ушли. Затем пришли другие. Вошли, спросили, где подвал, и открыли огонь. Я плакала. Они говорили — пристрелите ее. Моя соседка — русская, она сказала — не надо ее убивать. Они выстрелили в пол и сказали — на хер Саакашвили.

И лишь спустя три дня новости о зверствах захватчиков просачиваются в прессу — все это время Елене и другие выжившие идут в Гори пешком. Группа передвигается в ночи и питается персиками, яблоками и сливами, одна старушка — Матика Эльбакидзе, 93 года — умирает в дороге.

Еще один беженец — Нугзари Яшавили — рассказывает, как возвращался назад, домой, в Тквиави. Он прятался в полях. В пятидесяти метрах от себя он увидел, как группа странных вооруженных людей подошла к его соседу — Геле Чикладзе.

— Они подошли к Геле, развернули его за плечо и перерезали ему горло, — говорит Нугзари. — Их было пятеро. Они приехали на джипе из Южной Осетии. Ходят по деревням, от дома к дому.

Нугзари — 65 лет, он говорит, что скрывался в кукурузном поле. Он видел, как чеченские и осетинские нерегулярные части вынесли и забрали его мебель и генератор. Внизу дороги они застрелили его двоюродного брата. Я прошу Нугзари, чтобы тот изложило все на бумаге. Он пишет имена, возраста, адреса. Другие беженцы — независимо от него — описывают такую же мрачную картину.

Понятно, что отряд убийц прибыл со стороны контролируемого Россией Цхинвали, что в нескольких милях отсюда. При очевидной поддержке российской армией нерегулярные формирования провели кампанию этнической зачистки — они убивали мальчиков-подростков, угоняли автомобили, мародерствовали, а затем жгли грузинские дома. Несмотря на заявление Москвы о прекращении войны с Грузией, спонсируемые российской стороной карательные отряды по собственной инициативе мстят грузинам, живущим по обе стороны границы Южной Осетии.

Российская армия, которая контролирует данную зону, смотрит на резню сквозь пальцы. Нам не разрешают провести собственное расследование. Мы оказались в ловушке у Гори — дорогу нам преградили российские танки. Какое-то время мы просто сидим. Один танк с грохотом сминает несколько маленьких елей, другие оставляют спиральные следы на сером бетоне дороги. Серый дым струится над разрушенной грузинской военной базой, что в близлежащих горах. Каждые несколько минут слышны рокошующие взрывы, в воздухе пахнет кордитом.

Несмотря на прекращение огня, ситуация остается нестабильной и опасной. Без предупреждения белый внедорожник «Нива» проносится мимо русского блокпоста со стороны Цхинвали. Останавливается прямо перед нами. Из машины выскакивает южноосетинский командир, он пьян, зол и явно на взводе при виде такого количества иностранных съемочных групп. Очевидно, что мы для него — враги. В той же машине сидит солдат — он размахивает пистолетом и кричит нам, чтобы мы убирались прочь. Начинает стрелять в бетон. Русские ничего не предпринимают. Мы бежим к машине.

И лишь спустя два дня нам наконец удастся добраться до Тквиави. Мы огибаем гору, чтобы вернуться в Гори, проезжаем два русских дорожных поста. На главной площади Гори мы наталкиваемся на Александра Ломайя, секретаря совета национальной безопасности Грузии – он во главе гуманитарного конвоя. Мы следуем за ним. Направляемся на север от города. Российские солдаты прогоняют нас еще через несколько блокпостов. Масштабы этнической чистки в районе десяти миль к северу от Гори вскоре становятся ясны. Многие дома вдоль дорог сожжены и разграблены. Позже в своих заметках я обнаружу ссылку на «обуглившиеся балюстрады». С балкона свисает коричневый плюшевый медведь. Местных жителей тут осталось немного.

В селе Карби Джемаль Сагинашвили, семидесятидвухлетний грузин, показывает мне след от российской кассетной бомбы в своем яблоневом и сливовом саду. Деревья скорчились и почернели, остатки бомбы валяются в грязной луже. Крыша его дома продавлена, на стенах соседского дома – следы шрапнели.

— Моей родственнице Додо в легкие попал огромный кусок металла. Мы смогли вызвать скорую, ее отвезли в больницу, но она все равно умерла, — рассказывает он.

В Тквиави разрушений еще больше. Местные говорят, что «чеченцы или казаки» — неясно, кто именно –12 августа убили одного из жителей, Шамили Окропиридзе. Дом Шамили стоит на углу главной дороги, идущей через деревню; он услышал грохот приближающихся танков и выглянул на улицу – как раз в тот момент, когда мимо шествовали русские вооруженные части. И его застрелили.

— Тело неделю лежало на улице. Оно все почернело. Мы хотели похоронить его, но русские не давали, — говорит мне его сосед Рузвельт Метревели.

На его воротах я обнаруживаю следы крови. Повсюду стоит запах смерти. На веранде нахожу тапочки Шамили. Его дом не заперт. На кухне – аккуратно сложенные тарелки. На столе лежит фотоальбом, черно-белые фото Шамили, вот он – подтянутый молодой человек, отдыхает на побережье советского Черного моря. Вооруженный взломщик вторгся в его

спальню и сделал единственный аккуратный выстрел через внутреннее окно.

Я смотрю на фотографии родителей Шамили, что висят в гостиной. Нахожу его сумку – он был готов покинуть дом. На стене рядом с грузинским флагом висит портрет Сталина. Шамили жил один, позже выясняется, что его дочь — в Тбилиси. Днем ранее русские солдаты похоронили его в саду под виноградником. Рузвельт говорит, что в эти дни ему удалось выжить, так как он прятался в полях, обманув южноосетинских и чеченских военных.

Другие деревни к северу от Гори постигла та же участь. Мы едем дальше в долину – она по-прежнему прекрасна и плодородна – вдоль трассы растут дикие персиковые деревья, высокие платаны. Вокруг – все новые признаки разрушений: разграбленные заправки, вздернутая туша коровы, перевернутые тракторы. На перекрестке у Тирдзиси валяются жалкие остатки микроавтобуса, на который напала банда южноосетинских карателей. Микроавтобус лежит на боку, вокруг разбросана чья-то обувь, битые стекла, паспорта.

Медики из нашего конвоя решают обследовать машину, но вонь стоит невыносимая, и они отходят в сторону.

— Этот автобус ехал в Тбилиси. Осетины остановили его и забрали часть пассажиров в заложники. Прочие сбежали, — говорит Тариэль Гулисашвили. – Пятеро из этого автобуса пропали без вести. Мы не знаем, что с ними.

Люди говорят, что грузинская деревня Эредви полностью разрушена огнем. Такая месть понятна – в конце концов, южноосетинское гражданское население тоже погибло после атак грузинской армии.

Но кое-что выглядит не просто как месть: это систематические попытки вынудить грузин покинуть те места, где они жили столетиями, и создать новую моноэтническую карту. В Брюсселе Сергей Лавров, министр иностранных дел России, уверяет весь мир в том, что Москва отводит войска из оккупированной Грузии. Однако по дороге домой я вижу, как русские

солдаты веселятся и купаются в ручье Патара Лиахви, их палатки цвета хаки расставлены на поросшем ивами сверкающем берегу. Кажется, они не собираются никуда уходить.

На следующий день мы минуем Гори и направляемся в горы, в город Ахалгори — этот сонный район был под контролем грузинского правительства. Здесь смешанное население, ранее тут в мире сосуществовали и грузины, и осетины, и армяне, и странные русские. В предыдущий вечер, однако, южноосетинские формирования вторглись в Ахалгори вслед за русскими военными. К моменту нашего приезда грузинское население уже успевает покинуть город. Грузинская администрация Ахалгори тоже в полном составе улетает в Тбилиси, что всего лишь в 25 милях отсюда.

Командующий говорит нам, что теперь город полностью перешел под контроль Южной Осетии. Он был освобожден, заявляет он.

— Он станет частью независимой территории в составе Российской Федерации. — Вокруг столпились его боевые товарищи, вооруженные Калашниковыми. Он поясняет, как будет выглядеть новая карта Грузии. — Раньше это была наша территория. И она наша. И будет нашей, — говорит капитан, обводя рукой земли вокруг Ахалгори.

Солдаты капитана захватили двухэтажное здание полиции города, теперь над ним развевается осетинский флаг, один из солдат волочит по земле флаг Грузии, который только что сняли с крыши. Русские солдаты сидят на броневике. Они расслаблены, пребывают в хорошем настроении, соглашаются прокатить нас с Шоном. Один шутит:

— Поехали прямо в Лондон! Виза нам не нужна.

Захват Ахалгори имеет решающее значение. Кажется, это и есть часть плана Кремля по перечерчиванию карты Грузии — от страны останется маленький огузок, а сепаратистские территории увеличатся. До войны южноосетинские повстанцы контролировали маленький город Цхинвали и ряд деревень. Теперь же Москва заново навязывает старые, более широкие границы Южной Осетии, что были приняты во времена, когда территория

считалась автономной зоной (областью) в составе Грузинской Советской Социалистической республики. Тогда Ахалгори назывался Ленингори.

В центре города я натываюсь на патруль из вооруженных южноосетинских подростков – те разъезжают по пыльным улицам. У каждого на руке – белая повязка, символизирующая их новые обязанности: миротворческий долг. Большая часть населения Ахалгори – где жило десять тысяч – покинуло город. Немногие – в основном этнические осетины и старики – решились остаться.

Я спрашиваю командующего, зачем эти подразделения проводили этнические чистки грузинских деревень между Южной Осетией и Гори.

— Да, мы проводили операции зачистки, — говорит он, используя русское слово «чистить». — Мы искали боевиков. — И продолжает. — Почему вы, журналисты, не сообщаете о гражданском населении, которое погибло от атак грузин в Цхинвали? Там лежат тела грузинских солдат — вот уже неделю. А их правительству на это наплевать.

Ожесточенная война между Грузией и Россией перетекает с поля боя в публичные баталии, а затем — в международные расследования: кого винить и какая из сторон говорит правду? Русские обвиняют иностранных журналистов в прогрузинской предвзятости.

А в Москве прокремлевские медиа представляют собственную версию войны. Опустив, разумеется, ряд определенных деталей. Не сообщив ничего об осетинских формированиях, которые несли смерть, расчищая себе путь через грузинские деревни. И действительно — обычные телезрители России понятия не имеют, что там происходит. Вместо этого журналисты рассказывают исключительно о страданиях жителей Южной Осетии. Кремль — проявив поразительную медлительность и не сообщив публике ничего такого в ранние дни конфликта, по-прежнему полагающийся на грубые советские методы, — разворачивает серию яростных выступлений против иностранных журналистов. Утверждает, что западные репортеры, освещающие конфликт, в действительности являются агентами ЦРУ.

Кремль, без сомнения, имеет собственную версию происходящего: права человека были нарушены с обеих сторон. Несколько десятков мирных граждан погибли в ходе безрассудного выступления грузинских военных в Цхинвали, а с ними – двенадцать русских солдат и южноосетинские полицейские. Город, включая старый еврейский квартал, лежит в руинах. Но Москва беззастенчиво преувеличивает количество жертв – Путин заявляет о том, что погибло около 2000 невинных граждан. Реальные цифры — гораздо меньше. (Европейский комиссар по правам человека Томас Хаммарберг насчитывает 133 жертвы со стороны Южной Осетии, 413 – со стороны Грузии).

Кремль также налагает на журналистов запреты в духе советских времен. Репортеров держат вдалеке от этнических грузинских деревень, внутри захваченной повстанцами Южной Осетии, сожженной в первые дни конфликта. Американские и британские корреспонденты лишены возможности безнадзорно путешествовать по Южной Осетии, вместо этого кремлевские представители возят их каждый день из Владикавказа — города в российской Северной Осетии — в Цхинвали, это три часа тряски в микроавтобусе «Хендай».

Грузины проиграли войну на земле и – как пошутил один из журналистов, «укрепили репутацию «итальянцев на Кавказе»: они ценят поэзию, песни, любят жить в свое удовольствие, в отличие от своих злобных чеченских братьев. Но в текущей медийной битве Грузия побеждает. Саакашвили постоянно показывает CNN. Он принимает Дэвида Кэмерона, Кондолизу Райс, Дэвида Милибэнда и Ангелу Меркель, а также лидеров Польши и стран Балтии.

Грузинские медиа оказались более проворны — ежечасно они шлют новостные обновления. Со всей ответственностью правительство Грузии позволяет иностранным журналистам свободно перемещаться по стране – даже с риском быть застреленными. Помогает с транспортом – группы журналистов летят на вертолете к душному порту Поти, что был спешно оккупирован и разгромлен русскими войсками.

Я стану участником одной из таких поездок. Мы летим на бреющем над полями и горами к субтропическому побережью Черного моря. 8 августа

русские разбомбили морскую базу, погибло пять человек. Утонули три грузинских катера из береговой охраны. Башенка одного из ушедших под воду судов торчит над бирюзовыми водами, еще одна лодка береговой охраны накренилась и была потоплена. Российские солдаты успели как следует обшарить главное здание порта, выбили двери и перевернули кабинеты вверх дном.

Один из солдат написал на белой стене: «Грузинские суки, сдохните, пидорасы хуевы».

— Было 23 броневика. Они забрали все, что тут было ценного, — рассказывает Резо Манагадзе, работник порта. В разгромленном медпункте я нахожу портрет Михаила Саакашвили. Кто-то из российских солдат растоптал его ногами. И написал на портрете единственное слово: «Хуй».

Российская сторона отчаянно пытается опровергнуть оскорбительные грузинские заявления. Кремль даже отправляет в Южную Осетию журналистов, базирующихся в Тбилиси. Цель экскурсии – прослушивание концерта в честь победы под управлением российского маэстро и главного

дирижера Лондонского симфонического оркестра Валерия Гергиева. Гергиев сам родился в Северной Осетии, он – ярый сторонник Кремля.

Похоже, это отличная возможность съездить в Цхинвали. Забившись в переполненный русский военный грузовик, мы едем мимо выжженных деревень, что к северу от Гори. Останавливаемся в Каралети. Несколько домов вдоль главной дороги разбомблены, какая-то брошенная «Лада» валяется в кювете, местная школа разграблена. Днем ранее я опрашивал местных жителей. Они все красочно обрисовали одну и ту же картину: 12 августа осетинские части ворвались в деревни – они жгли дома, забирали имущество и похищали людей.

Однако Саша, наш англоговорящий кремлевский гид, предлагает иное объяснение.

— Дом жителей сожгли особые грузинские формирования, — заявляет он огромной группе иностранных репортеров, некоторые из них оказались в районе впервые.

Я возражаю.

— Я был здесь вчера. Все, с кем я говорил, сказали, что дома подожгли именно южноосетинские банды. Зачем грузинским бойцам поджигать грузинские дома в глухих деревнях Грузии?

Саша меняется в лице. Он определенно не привык к возражениям.

— Дома сгорели из-за протечек газа или короткого замыкания, — запальчиво отвечает он. Затем поворачивается к седому российскому полковнику и – тихо переговариваясь по-русски – приказывает ему увести меня подальше от грузовика.

Я протестую.

— Вы не можете взять и оставить меня здесь. Тут незаселенная земля. У меня нет транспорта. И ситуация небезопасная.

Саша злорадно улыбается.

— Конечно же, мы вас не бросим.

Мне разрешают остаться. Но он отказывается отвечать на мои дальнейшие вопросы. Мы едем дальше.

В Цхинвали, у разрушенного памятника какому-то теперь обезглавленному осетинскому поэту, я встречаю своего коллегу Тома Парфитта. Встреча наша коротка: мы лишь успеваем изложить друг другу бессистемные данные, полученные у обеих сторон конфликта. Том говорит, что во время поездки из Владикавказа на территории поддерживаемой Москвой Южной Осетии он насчитал 270 сгоревших грузинских домов.

Неподалеку перед толпой выступает президент Южной Осетии Эдуард Кокойты, сторонник повстанцев и бывший борец. Он обращается к России с призывом признать независимость Южной Осетии – и Медведев, памятуя о прецеденте с Косово, именно так и поступает. Концерт проходит в разрушенном здании парламента Южной Осетии. Под управлением Гергиева исполняют Ленинградскую симфонию Шостаковича № 7 – она служит вечным напоминанием о героической борьбе русских против нацистской Германии во времена Второй мировой войны.

Несколько грузинских узников – некоторые были похищены бойцами Южной Осетии – смотрят представление из-за решетки. Я диктую репортаж в Лондон. Мои попытки передать сюрреалистический образ происходящего и триумфальные военные настроения смазаны. Я описываю «солдат, сидящих на броневиках, окруженных колючей проволокой». Секретарь на том конце потрескивающей линии, вдалеке от Кавказских гор, не расслышал. Когда на следующий день статья выходит в Guardian, оказывается, что солдаты и впрямь сидят на танках. Но окружены они почему-то резервуарами.

По возвращении в Москву обнаруживается, что официальная политика в отношении западных журналистов – это недовольство и месть. Кремль обвиняет иностранные медиа в неверном понимании сути этой войны. Российское телевидение рисует Саакашвили военным преступником и

безумцем, жующим галстуки. Русской публике втолковали, что это США санкционировало нападение Саакашвили на Южную Осетию.

Такая промывка мозгов выглядит топорно, но работает вполне эффективно. Большинство выступает с поддержкой действий российского правительства. Моя квартирная хозяйка Ольга заявляет, что грузинский лидер психически ненормален. Все, кроме горстки отважных либеральных комментаторов, повторяют, как попугаи, рассказы Кремля о том, что вторжение в Грузию было спонтанной гуманитарной миссией по спасению жизней мирного населения и российских граждан. Альтернативный взгляд – что это была карательная акция с целью унижить Саакашвили и преподать Грузии кровавый урок по геополитике – практически не принимается.

Во вторник, 25 ноября 2008 года, я встречаюсь с Борисом Шардаковым, чиновником из департамента по работе с прессой российского МИДа. Я приезжаю забрать мою журналистскую аккредитацию на 2009 год, которая даст мне право пребывать и работать на территории России. Шардаков – «куратор», ответственный за визы и аккредитации для британской прессы. Он – фигура среднего масштаба: ему под шестьдесят, он носит очки в стальной оправе и седые усы. Год назад мы уже встречались, и я не заметил в нем какого-то особого шарма.

Шардаков встречает меня внизу, в маленьком лобби департамента по работе с прессой. Он в ярости. Он держит статью, которую днем ранее я писал о Михаиле Бекетове – русском журналисте, что был жестоко избит неизвестными и брошен умирать у собственного дома. Бекетов получил повреждения мозга, потерял правую ногу и четыре пальца. Он – редактор местной газеты московского пригорода Химки. Газета публиковала критические статьи по поводу решения о строительстве автотрассы между Москвой и Санкт-Петербургом, которая должна пролегать прямо через Химкинский лес. Главный подозреваемый в избиении Бекетова – мэр Химок, ветеран советской войны в Афганистане. Моя статья объясняет подоплеку дела и цитирует другого химкинского журналиста – которого тоже избили. Он отмечает: «Быть журналистом в России – это самоубийство».

Шардаков с презрением швыряет мне под нос новую аккредитацию. Он явно вне себя от злости после огласки истории Бекетова. Он обращается ко мне

по-русски на ты – обычно такое обращение используется по отношению к друзьям, любовникам, детям и домашним питомцам. И он оскорбляет меня вполне осознанно.

— Зачем тебе надо оставаться в стране? – начинает он. — А твоя семья не боится, что, если ты останешься здесь, будут нежелательные последствия?

Это что, угроза? Похоже на то. Я предлагаю Шардакову присесть и поговорить. Мы усаживаемся в на кожаный диван приемной.

— Борис, вы прекрасно знаете, что я лишь описываю ту ситуацию, в которой оказались некоторые российские журналисты. Бекетов – не первый, кто пострадал от нападения.

— Это дело расследует полиция.

— Я понимаю. Но в России такие расследования, как правило, ни к чему не приводят.

(И это правда. Спустя три года нападавших на Бекетова так и не найдут – а мэр Химок даже подаст на журналиста в суд за клевету. Ответчик же останется прикованным к инвалидному креслу, неспособный говорить).

Но Шардаков не успокаивается. Он говорит, что российское правительство недовольно моими репортажами, что русское посольство в Лондоне активно меня не любит и что лучший выход для меня – собрать вещички и уехать из Москвы. Он заявляет, что мои статьи сеют смуту среди юных россиян – иными словами, заставляют их сомневаться в действиях государства.

— Разве твою жену не беспокоит тот факт, что ты можешь попасть в серьезную передрыгу? – повторяет он. Затем меняет тему и обращается к войне в Грузии. – Ты все наврал! – кричит он. – В Грузии было двести британских журналистов! И все вы обманщики.

Я отвечаю:

— Борис, но вас там не было. У нас в Guardian представлены самые разные мнения касательно причин этой войны. Я вел репортажи с грузинской стороны, а мой коллега Том Парфитт передавал из Южной Осетии, и мы вдвоем попытались нарисовать объективную картину. Я писал о том, что видел своими глазами. Что, возможно, не состыкуется с тем, что показали по российскому телевидению.

Мое последнее заявление немного отрезвляет Шардакова. Но наш разговор, тем не менее, весьма неприятен. Манера Шардакова – запугивание, его тон – сардонический. И, похоже, он сознательно пытается выбить меня из равновесия. Интересно, это исключительно инициатива самого Шардакова или же он следует указаниям сверху?

В лучших традициях КГБ при расставании Шардаков напоминает еще раз, на случай если я вдруг не понял намека:

— Ты не боишься, что с тобой что-то случится?

Мне неприятен этот инцидент с Шардаковым. Но других «врагов» России ждет гораздо более печальная судьба.

Anna Politkovskaya
Russia's most famous crusading journalist, shot dead outside her Moscow apartment in October 2006. Five years on, the Kremlin has been unable to identify the person who gave the order to kill her.

Natalia Estemirova
A leading human rights activist, Estemirova stood up to intimidation and threats from Chechnya's thuggish pro-Moscow president Ramzan Kadyrov. In July 2009 gunmen abducted her from her home in Grozny and executed her.

Глава 6

Смерть на снегу

*Белые палаты, Пречистенка, 1, центр Москвы
19 января 2009 года*

«Люди порой платят жизнью за то, что открыто и громко говорят то, что думают».

Анна Политковская

Подводя горькие итоги российско-грузинской войны, ФСБ возобновляет кампанию против нас. Осенью 2008 года с удвоенной враждебностью и наглостью продолжаются вторжения в наше жилище – теперь мы живем в дачном домике на Соколе, на северо-западе Москвы.

В 2007 году я решил фиксировать все действия ФСБ: в числе их оборванные телефонные звонки, пропавшие электронные письма и как минимум два визита в нашу квартиру на Войковской. Я бегло набросал план своего интервью с майором Кузьминым в Лефортово. Включил в него нарисованный карандашом эскиз окутанного торчащей колючей проволокой здания ФСБ с одиноким деревцем во внутреннем дворе. Я, конечно, не Леонардо да Винчи. И эти заметки – лишь *aide memoire*, которые помогут мне описать мой опыт пребывания в Лефортово. В какой-то момент мои записи исчезли из офиса. Впрочем, невелика была потеря. Хотя для ФСБ они, вероятно, — очередное доказательство факта моего шпионажа и моих враждебных намерений. Как и то, что я использовал скоропись – этому я научился, когда начинал свою репортерскую карьеру в английском прибрежном городе Хастингсе.

Возможно, ФСБ – это новая аристократия России, заполучившая власть целиком в свои руки. Но интересно, сумеют ли они расшифровать мои невнятные кружочки и черточки из Pitman2000?

Я начинаю вести новые записи. На этот раз я фиксирую все случаи преследования ФСБ на обратной странице своей голубой медицинской карты. Вскоре на листе не остается свободного места. Это карта частной медицинской российской клиники, что расположена напротив моего московского офиса. Именно там меня лечат от двусторонней пневмонии. Впрочем, заболел я по собственной вине – после того, как поплавал в январе в замерзшем озере около московского острова Серебряный бор.

В России на Крещение православные купаются в проруби. Я присоединялся к ним каждую зиму, если был в Москве – даже в 2010 году, когда температура упала до минус двадцати. Опыт, конечно, экстремальный – погружаясь под воду, чувствуешь, что в голове происходит нечто вроде атомного взрыва. Но и Москва сама по себе – экстремальное местечко.

Мы уезжаем в Берлин и пробудем там со среды, 20 октября, до воскресенья, 2 ноября 2008 года. Такси медленно тащится из аэропорта – идет дождь, на дорогах пробки. Я решил поболтать с водителем – он из Узбекистана. Мы подъезжаем к дому и сразу замечаем нечто странное: верхняя правая створка окна в нашей спальне распахнута. И это видно с улицы – и кроме

нас, ни один человек, посмотрев на опутанный вьюнами, окруженный штакетником домик с красной крышей, не поймет, что тут не так. Это окно – нечто типа семафора, понимаю я. Это послание – для меня. Оно гласит: «Мы вернулись».

Перед отъездом в Германию я надежно запер все окна. До верхнего окна можно добраться, только зайдя дом; а чтобы открыть внешние окна, надо подняться на второй этаж, убрать задвижки и открыть два внутренних окошка, выходящие на улицу. Итого четыре задвижки. Значит, к нам кто-то пожаловал. Внутри дома пикает охранный система. На следующий день мы вызываем мастера. Он, пораженный, сообщает нам, что из всех устройств системы сигнализации вынули батарейки – все четырнадцать штук.

— В жизни ничего подобного не видел, — говорит он. Идет за батарейками. Сложно не восхититься дотошностью взломщиков из ФСБ. Парни – настоящие профессионалы.

В понедельник, 8 декабря, незваные гости возвращаются. Я – на работе, дети – в школе, жена вместе с группой прогуливается по старой Москве, исследуя улочки города. Только-только выпал первый снег, температура упала ниже нуля. На этот раз мы обнаруживаем, что бойлер с газовым подогревом, который отапливает коттедж, попросту отключили, белый провод выдрали, и теперь в доме дьявольски холодно.

Но худшее еще впереди – как-то в ночи раздается странный тревожный звук – арпеджо из перезвонов. Просыпаются все. Я иду выяснить, в чем дело. Два часа ночи. Кажется, звук раздается из комода, стоящего под лестницей. Заглядываю внутрь. Ничего не вижу. Возвращаюсь в постель. В конце концов загадочный писк «шарманки» затихает. В четыре утра возобновляется. Затем в шесть. Нелегкая тогда выдалась ночь.

Мой отец Джон Хардинг – наш регулярный гость в России, и он тоже не может заснуть. После завтрака, по пути к метро, пробираясь через жилые районы Сокола, детские площадки, мы обмениваемся мнениями, и у нас происходит очень серьезный и важный разговор. Мы приходим к выводу, что тактика ФСБ – это устрашение. И они терпеливы – это пугает еще

больше. Цель вторжений – вымотать жертву, сломать нас, раздавить, разрушить нашу частную семейную жизнь.

Это не пытка в общепринятом смысле. Никто не загоняет мне гвозди под ногти и не бьет электрошоком. Это нечто более хитроумное, более сопоставимое с режимом, который печется о своей международной репутации, это такая форма идеального психологического террора – ибо он невидим и абсолютно недоказуем. Если угодно, это умная пытка. Или – мягкая пытка.

Ясно, что цель ведомства – вынудить меня покинуть Россию. Но что если я отказываюсь понимать такие намеки? Отец согласен с тем, что об этом стоит сообщить редактору Guardian Алану Расбриджеру. Он должен знать, что в моем случае преследование со стороны государства постепенно набирает обороты. Впрочем, на публике мы ведем себя так, как будто ничего не происходит. (Скорее всего, любые проявления паники с нашей стороны ФСБ будет интерпретировать как успех операции). Однако я постоянно думаю о том, сколько еще мне придется играть с ФСБ в эти игры разума.

Все чаще и чаще я работаю из дома, я оказался в осаде. Однажды утром замечаю, как некий молодой человек шныряет по нашему саду. Затем вижу автомобиль BMW с тонированными стеклами, который целенаправленно паркуется аккуратно напротив нашего дома. 19 декабря 2008 года ФСБ вламывается в квартиру ассистентки редактора Guardian. Она живет одна, ей 41 год, она не замужем. Она приходит домой и видит, что ее берет валяется ровно посередине гостиной, на полу. (Когда в то утро она уходила на работу, берет привычно висел в прихожей на вешалке).

Об инциденте она рассказывает матери. Мать ей не верит. Я пытаюсь объяснить ситуацию и убедить ее в том, что она не сошла с ума. Моя помощница напугана, расстроена, она плачет. В течение нескольких месяцев после этого происшествия она пребывает в депрессии. Увольняется. Обрывает все контакты с Guardian. И больше мы с ней никогда не пересечемся.

Все продолжается в том же духе. В большинстве случаев ФСБ заявляет о своем присутствии уже знакомыми методами. 20 января 2009 года я

прихожу на работу и обнаруживаю, что двойной замок на передней двери с трудом поддается. Захожу в комнату. На экране моего ноутбука была заставка – фотография Фиби и детей на фоне прекрасных заснеженных вершин Кавказа, я сделал это фото во время нашей поездки по Грузии, после бодрой прогулки у горы Казбек. Дети вспотели и покраснелись.

Но кто-то решил убрать эту заставку. Фото семьи исчезло. Экран заблокирован. Человек, который стер фотографию, заодно протер и клавиатуру. Грязи и пыли не осталось. Какое-то время после этого ноутбук бьет слабыми электрическими разрядами. 3 февраля 2009 года я отправляю электронное письмо в посольство Британии. Оно возвращается в мой почтовый ящик со словами NULL, напечатанными большими зловещими буквами. В 2.45 звонит телефон. Кто-то бросает трубку.

К тому моменту мне кажется, что вездесущие русские спецслужбы готовы продолжать свою кампанию до тех пор, пока я наконец не пойму намек и не уеду из Москвы. Эти странные вторжения сопровождаются своеобразными пошлыми шутками. Однажды я нахожу у кровати дешевую потрепанную книгу на русском. Эта книга не принадлежит ни мне, ни моей жене. Я беру книгу с прикроватного столика. С любопытством ее изучаю. Она называется «Любовь, свобода, одиночество – новый взгляд на отношения».

Ее автор – Ошо, один из последних мистиков Индии, секс-гуру и фанат Роллс-ройсов, более известный своим поклонникам под именем Бхагван Шри Раджнеш. Я не знаком с работами Ошо. Но кто-то решил помочь мне и оставил закладку на странице 110. Я читаю: «Истинный оргазм наступает, когда внутренний мужчина и внутренняя женщина сливаются воедино».

Значит, ФСБ решило оставить у моей кровати учебник по сексу. Что они хотели этим сказать? Что за мной наблюдают даже в постели и полагают, что с их помощью я справлюсь лучше? Я оставляю книгу. Это превращается в забавную тему для обсуждений на званых обедах – что делает еще более пикантным тот факт, что наша гостиная нашпигована жучками, и ФСБ слышит, как мы хохочем над этим странным, отталкивающим подарком.

*ПОЗДНЕЕ Я ОБНАРУЖУ, ЧТО ОСТАВЛЯТЬ ПОРНОГРАФИЧЕСКИЕ
МАТЕРИАЛЫ В СПАЛЬНЕ ЖЕРТВЫ – ЭТО ОДНА ИЗ НАИБОЛЕЕ
НЕОБЫЧНЫХ ТАКТИК КГБ, КОТОРАЯ ДОВОЛЬНО ЧАСТО
ИСПОЛЬЗОВАЛАСЬ ВО ВРЕМЕНА ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ.*

Современные шпионы Путина по-прежнему обращаются к ней – или взяли ее на вооружение из старых учебников КГБ. Определенно они не могли придумать ничего более оригинального. Это не контрразведка. Это какая-то «Кама Сутра».

В понедельник, 19 января 2009 года, адвокат Станислав Маркелов выходит на улицу Пречистенка. Впереди – златоглавый храм Христа Спасителя, разрушенный Сталиным и восстановленный Ельциным и мэром Юрием Лужковым. За ним возвышается Кремль – охровые башни и стены.

Маркелов – адвокат, специализирующийся на защите прав человека, друг погибшей журналистки Анны Политковской. Он направляется к метро. Он только что дал пресс-конференцию, где заявил о протесте против досрочного освобождения военного офицера, осужденного за изнасилование и убийство. Рядом с ним идет журналистка Анастасия Бабурова. Ей двадцать пять лет, и она – внештатный сотрудник ведущей оппозиционной «Новой газеты». На тротуарах лежит пушистый снег.

Маркелов так и не дойдет до метро. Никем не замеченный юнец в лыжной маске последует за ним от самого выхода из маленького московского независимого пресс-центра. У белого дворца – исторического московского здания, которое почему-то не тронули застройщики – убийца вплотную приблизится к Маркелову сзади. И выстрелит в затылок. Дважды. Как говорит следствие, Бабурова попытается схватить бандита при попытке ретироваться. И тоже получит выстрел в голову. Бабурова останется лежать на тротуаре без сознания, тяжело раненная, Маркелов умрет на месте. Ему было тридцать четыре года.

К моменту моего прибытия на место преступления – около пяти вечера – тело Маркелова уже успеют убрать, полиция устанавливает на тротуаре временный кордон. Багряные брызги крови все еще видны на снегу. Информации очень мало. Маркелова убили у Белых палат – строения семнадцатого века с толстыми стенами, маленькими окошками и сводчатыми залами в стиле раннего барокко. Адрес строения – Пречистенка, 1. Здание закрыто. Охранники соседнего офиса ничего не видели. Ничего не видела и женщина из старой аптеки, что расположена напротив – она говорит, что сразу же после стрельбы зашел покупатель и что она вызвала скорую. А киллер не оставил никаких следов.

Толку от этого всего – никакого, и я начинаю обращать внимание на детали, не имеющие отношения к происшествию. Неподалеку от сцены убийства снегом стоит запорошенный снегом памятник Фридриху Энгельсу, установленный в семидесятых. Анархист из дворянских слоев – Петр Кропоткин – родился в доме неподалеку отсюда, что расположен в переулке. Маркелов, как я узнаю позднее, интересовался работами Кропоткина и его коллеги, радикального философа Михаила Бакунина. Интересно, что бы сделал Кропоткин с этими разросшимися модными пекарнями и кафе, которые обслуживают холеных жителей Пречистенки.

Не найдя ничего интересного, я возвращаюсь в офис. Бабурова – единственный оставшийся свидетель – не сможет дать описания убийцы, в тот же вечер она умрет в больнице. И, как и во всех случаях, когда в России от пуля погибают адвокаты, оппозиционные журналисты и другие критики Кремля, полиция, которая при прочих обстоятельствах не сводит глаз с обычных граждан, теперь загадочным образом отсутствует.

В тот вечер я пишу отчет в Guardian — и решаю подсчитать, сколько правозащитников погибло с того момента, как Путин оказался у власти. Список получается длинным. Я начинаю с тех, что были связаны с «Новой газетой», — это издание — вечный источник раздражения Путина и его окружения.

С 2000 года были убиты четыре журналиста. Самая известная из них – Политковская, специальный корреспондент «Новой» (ее застрелили на выходе из лифта у ее московской квартиры в октябре 2006 года). Юрий

Щекочихин (загадочным образом отравленный в июле 2003 года) и Игорь Домников (забитый до смерти молотком у своей квартиры в июле 2000 года). Маркелов и Бабурова стали жертвами номер три и четыре. За ними следует Литвиненко, отравленный в Лондоне через месяц после смерти Политковской. В число других жертв войдет Магомед Евлов, журналист и основатель оппозиционного вебсайта в кавказской республике Ингушетии – его застрелят во время задержания полицией в 2008 году. Список будет дополнен.

Убийства противников Кремля – журналистов, адвокатов и критиков российских спецслужб – имеют один и тот же почерк. Во всех случаях люди, вызывающие недовольство государства, погибли, и их гибель стала прямым следствием их профессиональной деятельности. Друзья и коллеги погибших не сомневаются в том, что убийства имели под собой политическую подоплеку и осуществлялись или непосредственно представителями российского государства, или силами его союзников. Однако чиновники обвиняют в убийствах врагов Кремля. Заявляют, что преступления совершались с целью очернения имиджа России на международной сцене. Такой аргумент выглядит все более и более нелепо по мере того, как растет число трупов.

Потрясенный событиями этого дня, я звоню друзьям Маркелова.

— Мы не знаем, кто его убил. Но мы знаем, что его убили за то, что он делал свою работу, в этом нет ни тени сомнения, — говорит Татьяна Локшина из московского представительства Human Rights Watch. И добавляет, — Стас (Маркелов) был одним из тех, кто готов рисковать жизнью ради идеи. Он был веселым, неподражаемым, иной раз невыносимым. Он был коллегой и другом. Вечно шутил, рассказывал анекдоты, в том числе и весьма пошлые. Не могу поверить, что его больше нет.

Людмила Алексеева, советский диссидент и глава московской Хельсинкской группы, говорит, что не находит слов:

— Убийство такого человека – это позор нашей страны.

Я решаю проверить, сделал ли Кремль какие-либо заявления, осуждающие убийство Маркелова. Но Путин и Медведев хранят молчание.

Государственное телевидение последовательно игнорирует эту смерть. Это пренебрежительное отношение напоминает высказывание Путина спустя три дня после смерти Политковской – он отзывался о ней как о «крайне незначительной фигуре, хорошо известной только на Западе».

Как оказалось, Маркелов, как и другие российские защитники прав человека, был ярким, веселым и проказливым человеком. Его жизнь была полна парадоксов: он обожал караоке, но пел отвратительно, он был любящим отцом двоих детей, но зачастую надолго отлучался из дома — ездил в анархические летние лагеря в усадьбе Бакунина; он пил водку, но был вегетарианцем. Как адвокат он прославился благодаря серии известных дел, касающихся противников Кремля, – он защищал антифашистов, оппозиционных журналистов и жертв бесчеловечных московских войн в Чечне.

Как и другим членам тесной российской богемы оппозиционных журналистов и активистов, занимающихся правами человека, Маркелову регулярно угрожали расправой. На это он реагировал мрачными шутками.

— Типичный разговор у нас был такой: «Ты уже написал завещание?», — говорит Локшина. – За этим следовал ответ: «Нет, я тоже не написал».

В длинной статье для Guardian я пишу о том, что убийство Маркелова вызвало резонанс далеко за пределами его собственной страны и что в своем бесстыдстве оно схоже с убийством Политковской – еще одного отважного критика Кремля. Все это произошло на фоне официально санкционированного преследования и травли российских организаций по защите прав человека – фактически всех, кто отважился оспорить монополию Кремля на власть.

Как я узнаю позднее, ФСБ обвинит правительство США в финансировании терроризма путем поддержки действий негосударственных организаций, работающих на Кавказе. Ведомство предупреждает Вашингтон, что невыполнение требования о прекращении «некомпетентных» действий приведет к отказу в выдаче виз гражданам США. Следует полагать, что

кремлевские операции с НКО зиждутся на паранойе – оранжевую революцию в России надо предотвратить любой ценой. Однако Алексеева говорит мне, что гонимые правозащитники не заинтересованы в свержении режима. И они не являются шпионами США. Они просто хотят, чтобы российское правительство соблюдало права человека и уважало человеческое достоинство.

В следующие несколько дней я обдумываю возможные зацепки к убийству Маркелова. Маркелов представлял интересы семьи восемнадцатилетней чеченской женщины, которую в 2000 году изнасиловал и убил пьяный полковник российской армии. Этот случай – один из наиболее громких в скандальной истории чеченских войн. Полковник Юрий Буданов похитил Эльзу Кунгаеву, выкрав ее из отцовского дома во время ночного рейда, и убил ее в своем вагончике – это некое подобие трейлера – а затем приказал солдатам тайно закопать тело. Его осудили за убийство в 2003 году, несмотря на заявления о временном умопомешательстве и о том, что он по ошибке принял ее за снайпера.

После вынесения приговора «патриоты» неоднократно нападали на Маркелова. В 2004 году его избила группа юнцов. Буданова выпустили из тюрьмы за неделю до убийства Маркелова. На последней пресс-конференции Маркелов заявил, что подает апелляцию против досрочного освобождения Буданова. (Самого Буданова застрелили в 2011 году).

Но это лишь одно из направлений расследования. Маркелов также представлял интересы жертв полицейского произвола и участвовал в организации антикремлевских протестов. Он пытался добиться справедливости для одной из жертв осады мюзикла «Норд-Ост» в 2002 году, когда спецназ решил пустить отравляющий газ во время штурма московского театра, захваченного чеченскими террористами. Одним из его последних клиентов был Михаил Бекетов — журналист, которого жестоко избили за то, что тот осмелился бросить вызов властям подмосковного города Химки.

В 2005 году Маркелов выступил за судебное преследование федерального военнослужащего, похитившего чеченца, который затем пропал без вести. Маркелов неоднократно ездил в Чечню и часто работал с Политковской.

Благодаря его усилиям стало известно о тайной тюрьме пыток, принадлежавшей Рамзану Кадырову. Я понимаю, что все единогласны лишь в одном – у него было много врагов.

Подозрение также падает на процветающее российское движение неонацистов, которое особенно сильно ненавидело Маркелова. В 2006 году он представлял интересы семьи Александра Рюхина — антифашистского активиста, убитого скинхедами. Несколько человек, причастных к убийству Рюхина, получили тюремный срок. Но профессиональный почерк убийства Маркелова не имеет ничего общего с нападениями неонацистов. Тут скорее можно проследить военную сноровку. Павел Фельгенгауэр – колумнист, точно предсказавший войну в Грузии, — указывает на причастность ФСБ.

Он пишет:

«По мнению сотрудников «Новой газеты», к числу которых я принадлежу, главными подозреваемыми являются российские спецслужбы или неконтролируемые элементы в них. Столь дерзкое нападение, совершенное киллером-одиночкой среди бела дня, могло быть совершено только при условии профессионального предварительного планирования и наблюдения и сознательного невнимания спецслужб, которые держат этот район под плотным контролем».

«Новая газета» выходит с черной рамкой. Фото на первой полосе – Маркелов, лежащий на обледенелом тротуаре. Заголовок отдает должное его смелости. Он гласит «Страха нет».

Через три дня после убийства я отправляюсь на похороны Маркелова. Кладбище расположено в тени мерцающей Останкинской телебашни на севере Москвы, спецназ окружает вход. (Власти боятся, что похоронная процессия превратится в митинг протеста). Работники кладбища везут тело Маркелова на каталке, могила уже выкопана, из березовых зарослей у заснеженной могилы слышны крики ворон. Сырой и серый день. На кладбище собралось около двухсот человек. С гроба сняли крышку.

В молодости Маркелов носил длинные, собранные в хвост волосы, но его хоронят в костюме и галстуке — униформе адвоката. Его брат Михаил говорит:

— Сейчас не время, чтобы обсуждать случившееся. Сейчас время прощания.

Родственники – у Стаса осталась молодая вдова Галина родом из Беларуси и двое маленьких детей – целуют его в лоб. Присутствующие забрасывают гроб красными гвоздиками. Крышку гроба забивают. Откуда-то слышен сдавленный, животный крик. Представителей Кремля здесь не наблюдается.

После, стоя в грязном снежном месиве у кладбищенских ворот, я буду разговаривать с друзьями убитого адвоката. Они скажут, что невозможно ответить на вопрос, кто убил его, и вопрос этот бессмыслен. Значение имеет лишь то, полагают они, что теперь Россия превратилась в бандитское государство: формально это демократия, но в действительности ничего похожего не наблюдается – критиков Кремля дозволено убивать в любой момент. Соответственно, или государство напрямую несет ответственность за уничтожение своих противников, или же попустительствует действиям темных внешних сил.

— Это убийство отражает ситуацию беззакония в нашей стране. Кремль поддерживает группы экстремистов, в своей риторике различные реакционные силы находят поддержку, — говорит Алексей Гаскаров, друг Маркелова и антифашист. – Если кого-то известного убивают в любой другой европейской стране, власти обязательно предпринимают меры. Здесь же они молчат.

На похоронах Маркелова присутствует Наталья Эстемирова. Ее все зовут Наташей, она дружила с Маркеловым и Политковской, она возглавляет представительство «Мемориала» — группы правозащитников – в столице Чечни Грозном.

*— ДУМАЮ, ПРЕСТУПНИКАМ УДОБНО ЖИТЬ С ТАКИМ
ПРАВИТЕЛЬСТВОМ, КОТОРОЕ У НАС СЕЙЧАС. А ЗАЩИТНИКАМ
ПРАВ ЧЕЛОВЕКА — СОВСЕМ НЕУДОБНО, — ГОВОРIT ОНА.*

Эстемирова считает поведение властей странным и говорит, что российское правительство целенаправленно путает правозащитников с предателями. В своей статье в «Новой газете» она описывает Маркелова как «очаровательного, жизнерадостного, озорного и не видящего перед собой препятствий». Статья заканчивается словами: «Убийство Маркелова – это объявление войны. Теперь вопрос — на чьей стороне государство?»

4 ноября 2009 года ФСБ арестовывает двух подозреваемых в убийстве Маркелова. Это Никита Тихонов и Евгения Хасис. Они – члены ультранационалистической группы «Объединенные бригады-88». ФСБ заявляет, что представители этой группы убили Маркелова, отомстив таким образом за его попытки упрятать за решетку их товарища-ультранационалиста после убийства Рюхина в 2006 году. Тихонов был одним из подозреваемых в том убийстве, но ушел в бега – тогда его так и не смогли задержать, но он знал, что многие его друзья отправились в тюрьму. По словам Александра Бортникова, главы ФСБ, Тихонова поймали во время разгона группы экстремистов в Москве – после чего он признался в преступлении. В квартире Тихонова нашли огнестрельное оружие – пистолет «Браунинг» 7,65 мм, выпущенный в 1910 году и предположительно использовавшийся как орудие убийства, а также патроны и глушитель. Несколько видеокамер на Пречистенке зафиксировали перемещения Хасис – она была одета в темную одежду и выполняла роль наблюдателя.

По большому счету, активисты находят предложенную ФСБ версию преступления правдоподобной, — как передают дипломаты США в Вашингтон в своих тайных депешах. Но активисты сомневаются в том, что эти двое подозреваемых были единственными участниками преступления, и надеются, что расследование продолжится. Один из правозащитников заявляет американцам, что «маловероятно, чтобы двое подозреваемых действовали в одиночку» и что организатор убийства по-прежнему на

свободе. Однако в Кремле твердо намерены закрыть дело и уйти почивать на лаврах, решив, что громкое убийство успешно раскрыто. В телеграммах упоминается самодовольный тон встречи Медведева и Бортникова, на которой обсуждался арест «патриотичных Бонни и Клайда». В мае 2011 года московский суд признает обоих виновными, хотя дело требует дальнейшего расследования. Тихонова приговаривают к пожизненному заключению, Хасис получила восемнадцать лет.

* * *

За неделю до убийства Маркелова на горизонте появляется Умар Исраилов. Исраилов – политический эмигрант из Чечни. Ему 27 лет, и он бывший повстанец. В 2003 году его арестовали в Чечне, мусульманская республика в тот момент была под контролем отца Рамзана Кадырова Ахмада, бывшего сепаратиста, пользовавшегося поддержкой Москвы – позднее он погиб в результате взрыва. Исраилов заявил, что во время содержания под стражей он подвергался пыткам электрошоком, он сказал, что был свидетелем того, как других заключенных избивал сам Кадыров и другие представители власти. После амнистии он недолгое время работал охранником Кадырова, а затем бежал в Австрию. В 2006 году Исраилов подал жалобу в Европейский суд по правам человека, сообщив, что Кадыров лично пытал его в тайной тюрьме. Это был смелый поступок.

По заявлению чеченских источников, эмиссары от Кадырова прибыли в Вену, чтобы заставить Исраилова отозвать жалобу. Тот отказался, мало того – он озвучил свое недовольство в интервью «Нью-Йорк Таймс». В Чечне президент Кадыров отправил за решетку отца Исраилова. Цель Кадырова была ясна: заставить Исраилова отозвать заявление. Отца пытали и незаконно держали под стражей в течение десяти месяцев. После освобождения он подал собственную жалобу в Страсбургский суд. В Вене, где обосновалась чеченская диаспора, Исраилову приходится всерьез обеспокоиться вопросом собственной безопасности. Он сообщает австрийской полиции о фактах преследования. Но заявление игнорируется.

Затем 13 января в Вене, где Исраилов живет с беременной женой и двумя маленькими детьми, трое неизвестных подкарауливают его на выходе из местного супермаркета. Час дня. Исраилов понимает, что происходит, и пытается скрыться – он перемещается перебежками по людным улицам, но

его настигают четыре выстрела. Затем он получает выстрел в голову. На убийцах – брюки военного образца. Австрийская полиция оперативно арестовывает троих подозреваемых, обнаружив след, ведущий к Кадырову и его помощнику Шаа Турлаеву. Мобильный телефон принадлежит Рамзану Эдилову, чеченскому организатору убийства, в нем хранятся фотографии обнимающихся Кадырова и Эдилова.

Убийство Исраилова – это лишь одно из серии громких политических убийств за границей, следы которых ведут в Чечню. Одна из правозащитниц сообщает мне: «Можно критиковать Медведева и даже Путина. Но очень опасно критиковать Кадырова». Она говорит, что сейчас атмосфера страха, царящая в Чечне, напоминает времена Сталина. Правда это или нет, оппонентов президента Чеченской республики настигает страшная насильственная смерть — как в России, так и за ее пределами. Проживание в Евросоюзе не гарантирует защиты от чеченских бригад смерти, которых отправляют, чтобы заткнуть критиков Кадырова. Еще один враг президента Чечни – Мохмадсалах Масаев – пропадет в августе 2008 года после своего интервью «Новой газете». Он расскажет, как его неоднократно пытали в тайной тюрьме, что расположена в родной деревне Кадырова Центорой. С тех пор мусульманский священник там не бывал. Маркелов работал по делу Масаева. И Маркелов, и Исраилов были убиты профессионалами – интересно, думаю я, связаны ли эти убийства?

Изгнанные группы чеченцев полагают, что только Кадыров – уже уличенный в причастности к смерти Анны Политковской – вполне мог дать добро на осуществление таких преступлений в Европе. Кадыров отрицает это, его официальные лица заявляют, что Исраилов занимался нелегальными махинациями, связанными с перевозкой беженцев, и был убит в результате внутренних разборок. Но у трупов есть своя версия этой кровавой истории. В феврале 2008 года Муса Атаев, бывший «министр иностранных дел» сепаратистского Кавказского эмирата, был убит в Турции. В конце марта Сулим Ямадаев, военачальник, примкнувший к российской военной разведке, один из главных политических оппонентов Кадырова, был застрелен в Дубае. Его убийство последовало за убийством брата Руслана, депутата Государственной думы, которого застрелили, когда тот сидел в своей роскошной «Мерседесе» у Британского посольства в Москве. Убийцы Сулима выстрелили из золотого пистолета,

предположительно нелегально переправленного российской дипломатической почтой. Полиция Дубая обвинила Адама Делимханова – близкого товарища и кузена Кадырова – в организации этого убийства и выдала ордер на его арест.

Конфиденциальные дипломатические телеграммы США подтверждают: Белый дом тоже считает, что за чередой этих хладнокровных убийств стоит Кадыров. Одна из телеграмм, отправленная дипломатами США из Осло 24 июня 2009 года, рассказывает о том, с какой опасностью столкнулся отец Исраилова Али, вынужденный прятаться за границей после убийства сына. В телеграмме говорится, что «вероятно, на предмет убийства Исраилова консультировались с ФСБ — и получили одобрение». Дипломаты США добавляют: «Жалоба Али в Европейский суд по правам человека в Страсбурге – это один из немногих открытых вызовов системе беззакония в Чечне, которую выстроил Кадыров. Недавние два убийства (Ямадаева и Атаева) подтверждают готовность Кадырова использовать убийство как инструмент». С точки зрения Кадырова, такие убийства имеют «прагматичный характер, а не совершаются из мести», делают выводы дипломаты, добавляя, что «чеченский лидер оказался довольно сообразительным». Они подчеркивают: «Дела, связанные с защитой прав человека, ставят российское правительство в неловкое положение, и, по логике Кадырова, убийство, возможно, лучший выход, нежели продолжение рассмотрения этих дел в Страсбурге».

В феврале 2009 года я снова сталкиваюсь с Наташей Эстемировой. Мы встречаемся на судебном процессе над четырьмя подозреваемыми, которых обвиняют в причастности к убийству Анны Политковской. Место действия – маленький переполненный зал в Московском окружном военном суде – желтом неоклассическом здании на Старом Арбате. Четверо подозреваемых сидят в клетке. Двое из них – братья-чеченцы Джабраил и Ибрагим Махмудовы. Коренастые, с неряшливыми темными отросшими волосами, идиотским выражением лиц. Третий подсудимый – Сергей Хаджикурбанов, бывший московский полицейский. Четвертый – подполковник Павел Рягузов, сотрудник ФСБ. На Рягузове — черная кожаная куртка.

Все четверо обвиняются в соучастии в убийстве Политковской и слежке за ее квартирой на Лесной улице. (Дом Политковской находится всего в паре кварталов от моего офиса, неподалеку от шумного Белорусского вокзала). Но предполагаемый наемник – третий из братьев Махмудовых, Рустам, который мог застрелить Политковскую на лестничной клетке у ее московской квартиры, – исчез. Следователи говорят, что он сбежал за границу. В 2011 году его арестуют в Чечне. Однако человек, заказавший убийство журналистки и организовавший всю операцию, также отсутствует. Полиция говорит, что не может его вычислить.

Эстемирова рассказывает, что судебное заседание – это «фарс», что не было предпринято никаких серьезных попыток расследовать дело Политковской.

— У нас нет киллера. И у нас нет людей, которые стояли за убийством, — говорит она. — Это не настоящий суд. Это делается для создания видимости правосудия.

Многое в этом судебном деле выглядит странным, добавляет она. Слушая показания свидетелей, я понимаю, что Эстемирова права. Не только само расследование выглядит фальшивым и неадекватным – это как раз обычное дело в российских судах. В случае с Политковской пропали многие вещественные доказательства.

Как заявили ее коллеги из «Новой газеты», коррумпированные российские спецслужбы целенаправленно мешали расследованию этой смерти. Сим-карты, компьютерные диски и даже фото Рустама Махмудова, который предположительно бежал в Западную Европу, — все это исчезло. Пленка с записью, на которой убийца выходит из подъезда Политковской, также куда-то затерялась. На смазанном видео убийца показан со спины: темноволосый, узкоплечий мужчина, лицо скрыто под бейсболкой. Время, в соответствии с видео, — 16:04. Адвокат Махмудова показывает видео, снятое на мобильный телефон, где Рустам плавает в чеченской реке. И у него широкие плечи.

Во время перерыва я отправляюсь на обед с Эстемировой, а также с Фредерике Бер, исследовательницей из Amnesty International, и Кристианом

Эшем, московским корреспондентом Berliner Zeitung. Мы сидим в подвальчике немецкого пивного бара. Эстемирова рассказывает про Англию и Оксфорд – она провела часть лета в университетском городке со своей дочерью-подростком. Также мы обсуждаем ее правозащитную деятельность в Грозном – она говорит, что после суда собирается вернуться в Чечню.

Ей пятьдесят лет, она выглядит моложе – удивительно элегантная в простой черной водолазке. Эстемирова – смелый человек, нужно быть донельзя бесстрашной, чтобы работать в Чечне и выступать оппонентом Кадырова. Но мне кажется, что еще больше в ней какой-то необычайной, сверхъестественной отваги и воли. Она оставляет мне адрес электронной почты: estemirova@gmail.com. Я обещаю, что свяжусь с ней, если окажусь в Грозном.

Суд по делу Политковской выносит оправдательный вердикт всем четверым подозреваемым. Судьям обвинение показалось неубедительным. И это неудивительно, учитывая запутанное и плохо проведенное расследование и показушный процесс. После оглашения вердикта мы выходим из здания суда: адвокат Махмудовых Мурад Масаев доволен единогласным решением судей. Он говорит, что теперь российские власти должны искать «реального» убийцу Политковской. Добавляет, что растянувшееся на три месяца судебное заседание – это «фиаско» для Следственного комитета России – которому было поручено расследование преступления – и «победа» для России.

— Такие преступления уносят лучших людей нашего общества. Единственный способ остановить убийства — найти реальных преступников, — говорит он.

Я спрашиваю – кто, по его мнению, является убийцей Политковской.

— Я действительно не знаю. В какой-то момент следователи решили упрятать в тюрьму этих парней (Махмудовых), а настоящие убийцы гуляют безнаказанными.

Через полчаса двое чеченских братьев выходят на улицу. Они, кажется, ошеломлены, их семьи довольны. Я спрашиваю Ибрагима, как его самочувствие.

— Я чувствую себя свободным.

Что он теперь собирается делать?

— Собираюсь помолиться.

Семья Политковской разочарована вердиктом. В тот вечер на пресс-конференции сын Анны Илья заявляет, что он с уважением относится к решению суда, но полагает, что «те четверо, которых сегодня отпустили, имели отношение к смерти матери». Адвокат семейства Каринна Москаленко выражает сожаления по поводу расследования, находя странным тот факт, что следователи не сумели опросить Кадырова по делу об убийстве журналистки. Также она распекает следователей за то, что те проигнорировали тот факт, что убийство произошло на 54-й день рождения Владимира Путина. (По одной из теорий, Политковскую убили, чтобы преподнести президенту кровавый подарок. Через два дня свой 30-й день рождения отметил и Кадыров).

— Этот факт можно отнести к убийству, а можно и не относить. Но игнорировать его нельзя, — говорит она.

В июне российский Верховный суд отменяет вердикт. Согласно постановлению, подозреваемые должны быть судимы повторно.

Я сижу в своем московском офисе. Звонит мобильный. 15 июля 2009 года. На проводе – Марк Райс-Оксли, мой лондонский коллега из международного отдела Guardian. Марк работал в Москве в девяностые, он говорит по-русски и хорошо разбирается в мрачных делах страны.

Марк говорит:

— Тут дело, которое, вероятно, тебе придется освещать. В Чечне произошло очередное убийство. Убили правозащитницу.

У меня падает сердце.

— Кого?

— Наталью Эстемирову.

Через три дня я лечу в Грозный. Я останавливаюсь у одного чеченского журналиста в его квартире на окраине города, где он живет вместе с пожилой матерью и пятнадцатилетним сыном. В феврале 1944 года его мать вместе с семейством – как и все чеченское население – по приказу Сталина депортировали в Среднюю Азию как предателей. Она вернулась из Казахстана в Грозный только в конце пятидесятих. Я сплю на матрасе — на юге России тепло, в квартире раздается храп.

На следующее утро мы с моим приятелем отправляемся в квартиру Наташи. У дома припаркованы машины чеченских служб безопасности. Мы ждем. Наконец они уезжают, мы заходим, беседуем с соседями.

Факты, связанные с ее похищением и убийством, следующие: обычно Наташа выходила из своей квартиры в Грозном в 8.30 утра и шла на автобусную остановку. До работы она добиралась за 15-20 минут – именно столько занимала поездка на маршрутке по ухабистой дороге с зелеными жилыми башнями. Вдоль проспекта развешаны гигантские плакаты чеченского военачальника — президента Кадырова — и несколько портретов премьер-министра Путина.

На этот раз она так и не добралась до работы. В ста метрах за подъездом десятиэтажного дома – окна которого смотрят на заросший травой пустырь и жалкую рощицу ореховых деревьев – ее ждали четверо вооруженных боевиков. Они схватили Эстемирову, затолкали ее в белый автомобиль «Жигули» и увезли. Один из прохожих стал свидетелем преступления — он слышал, как она кричала: «Меня похищают!». Похитители отправились в направлении Ингушетии, соседней с Чечней республики. Вероятно, они ехали по трассе М-29, хотя могли выбрать и заросшую проселочную дорогу, опоясывающую холмы. Эта дорога очень красивая – она пролегает через

темный тоннель из платанов, на обочинах женщины продают дыни из багажников грузовиков. Похитители без труда проезжают через несколько КПП.

Спустя два часа Эстемирова мертва. Проехав границу с Ингушетией, бандиты останавливают машину. Оказавшаяся впереди группа вооруженных исламистов, заметив правительственную машину, открывает огонь. Вероятно, похитители Эстемировой в тот момент запаниковали. Со связанными руками ее вытащили из машины на обочину. И пять раз выстрелили в грудь и в голову – не тронув ни деньги, ни паспорт, ни удостоверение. Это было не ограбление. Это нечто иное: низкая, трусливая, мелочная, организованная государством казнь – неприкрытый намек небольшой группе правозащитников, работающих в Чечне, неконтролируемой республике России.

Поклонники Эстемировой полагали, что ее известность на международной арене поможет ей избежать опасности. Но, как и с Политковской — еще одной фигурой, которая, казалось бы, находилась вне досягаемости профессиональных убийц, – этого оказалось мало. В ретроспективе ее смерть кажется страшной и прогнозируемой. После Политковской, которая была частым гостем в скромной квартире Эстемировой, последовал Маркелов. После Маркелова – Эстемирова – предсказуемая следующая мишень.

Сидя в кафе у офиса «Мемориала» в Грозном, где работала Эстемирова, я звоню Локшиной – ее подруге и коллеге.

— Она была потрясающим, дарующим вдохновение человеком, помешанным на стремлении к справедливости, — говорит Локшина. – Она была милой и дружелюбной, всегда улыбалась, всегда стильно одевалась, несмотря на маленькую зарплату, и даже могла пококетничать.

По словам Локшиной, Эстемирова знала, на какие идет риски.

— После убийства Стаса она полетела на похороны в Москву. Поздно вечером мы с ней сидели и обсуждали ситуацию. Мы спрашивали себя: кто следующий? Следующей оказалась Наташа. Она не удивилась бы тому, что

ее саму похитят и убьют, — говорит Локшина. — Эстемирова работала в «Мемориале» в Грозном с 2000 года.

Историк по образованию, она как ведущий правозащитник отделения «Мемориала» в Грозном документировала и распространяла информацию о нарушениях, совершенных чеченскими правоохранительными органами и силами безопасности – де факто осуществляемыми под контролем Кадырова – а также активистами-джихадистами.

Собирая, регистрируя, организуя такую информацию, она искала высшей справедливости в регионе, раздираемом постоянными конфликтами, морально уничтоженным. Каждый день длинная очередь из женщин выстраивалась у ее офиса, что находится неподалеку от главной улицы Грозного – проспекта Путина. (После того, как Кадыров в порыве почтения к Путину переименовал эту улицу, Эстемирова отказалась даже ходить по ней). И эти женщины приходили каждая со своей историей – о родственниках, застреленных солдатами Кадырова, о пропавших сыновьях, которые ушли на работу и не вернулись, о домах, которые подожгли бандиты в масках и военной форме. Эстемирова незамедлительно отправляла письма местному поверенному – чиновнику, работающему в соответствии с российским законодательством, и он должен был дать начало расследованию и открыть дело о преступлении.

Во времена, когда мир перестал слушать стенания Чечни, Эстемирова осталась в Грозном. Она продолжала освещать незаконные убийства, похищения, пытки и прочие преступления. Она писала отчеты для «Мемориала» и статьи для «Новой газеты». Она сотрудничала с Amnesty International и Human Rights Watch. Она верила в силу закона. Она была бесценным источником информации для западных журналистов, которые – во второй президентский срок Путина – посещали Чечню крайне нечасто.

Это неизбежно привело к конфронтации с Кадыровым – чеченским царьком-головорезом, человеком, которого дипломаты США наблюдали на одной безумной свадьбе в Дагестане «неуклюже танцующим с засунутым под ремень джинсов золоченым автоматом». Бывший повстанец превратился в промосковского верноподданного – Кадыров возглавил свой собственный,

поддерживаемый Кремлем мини-сталинский режим в мусульманской республике – где Кремль вел войну с 1994 по 1996 и с 1999 по 2004 годы.

***Я ЕДУ ПО ЧЕЧНЕ, И ЭТО ПОХОЖЕ НА ЭКСКУРСИЮ ПО
ГИГАНТСКОМУ ФОТОАЛЬБОМУ СЕМЕЙСТВА КАДЫРОВА – СТОЛЬ
МНОГОЧИСЛЕННЫ РАЗВЕШАННЫЕ ПОРТРЕТЫ ОТЦА И СЫНА.***

Это правда, что Кадыров положил начало масштабному восстановлению республики и заново отстроил разрушенный войной Грозный. И он же превратил Чечню в собственное феодальное поместье, свободное от каких бы то ни было законов. Его агрессивная тактика – замаскированная под антитеррористические операции – применялась не только против исламистских повстанцев, прячущихся в чеченских лесах и горах, но также и против многочисленного и запуганного гражданского населения.

Изучая историю Эстемировой, я обнаруживаю, что она получала угрозы от ближайших помощников Кадырова. В марте 2008 года Кадыров вызвал ее на встречу и выразил крайнюю неудовлетворенность ее работой и протестом против нового указа, обязывающего чеченских женщин носить платки – гендерное правило чеченских традиций. Эстемирова рассказала коллегам о том, что Кадыров ей угрожал. Она процитировала его слова:

***«ДА, МОИ РУКИ ПО ЛОКТИ В КРОВИ. И Я ЭТОГО НЕ СТЫЖУСЬ. Я
УБИВАЛ И БУДУ УБИВАТЬ ПЛОХИХ ЛЮДЕЙ».***

Она — бывшая школьная учительница — его упрекнула. Но встреча была явно зловещей. За две недели до ее смерти Адам Делимханов – кадыровский помощник, предположительно осуществляющий убийства – дал интервью чеченскому телевидению, в котором заявил, что защитники прав человека в Чечне – это суть те же террористы; и те и другие, по его словам, должны получить достойный ответ.

Парадная дверь офиса «Мемориала» закрыта, организация заявляет, что продолжать работу теперь слишком опасно. Я обхожу вокруг и вижу заднюю

дверь. Стучу. Внутри нахожу Шакмана Акбулатова, коллегу Эстемировой. На стене висит цветное фото Эстемировой. Он говорит, что за принятым в апреле 2009 года решением Кремля о формальном окончании войны России в Чечне, которое требовало проведения неких мер предосторожности, стремительно возросло число нарушений прав человека по всей республике. Внезапно на Наташу обрушился шквал новых дел – войска Кадырова похищали мирных граждан – в некоторых случаях даже убивали – и затем клеймили их повстанцами. Акбулатов уверен, что смерть стала наказанием за ее профессиональную деятельность, которая мешала режиму Кадырова.

— Это было сделано, чтобы она замолчала, — говорит Акбулатов. — Она была невероятно храбрым человеком – вы даже не представляете. Она знала, что все это было очень опасно.

Неясным остается вопрос, почему для убийства Эстемировой ее недруги выбрали именно этот момент. Она занималась расследованием дела Мдины Юнусовой – двадцатилетней женщины, муж которой был убит 2 июля 2009 года в ходе специальной операции в селе Старая Сунжа неподалеку от Грозного. Официальное заявление звучит неправдоподобно – Мдина стреляла из Калашникова и планировала убить Кадырова. Юнусова была ранена в перестрелке, но выжила. Затем при загадочных обстоятельствах умерла в больнице. Далее последовал классический пример коллективного наказания. 4 июля в 3 часа дня мужчины в камуфляжной форме появились в доме родителей Юнусовой в городе Аргун. По словам соседей, они подожгли дом, заперев семейство в сарае.

Расследуя дело, я нахожу дом покинутым. Сгоревшая одежда лежит в саду у клумбы с желтыми георгинами. Юнусовы бежали. Чьи-то шлепанцы остались валяться на веранде под виноградной решеткой; заглядывая в разбитое окно, я пытаюсь различить очертания выгоревшей спальни и обугленного матраса.

Выступая в Москве, глава «Мемориала» Олег Орлов напрямую обвиняет Кадырова: «Мы знаем, кто несет за это ответственность. Мы знаем, какую он занимает должность. Он работает президентом Чечни, — говорит он. — Рамзан лично ненавидел Наташу. Он оскорблял ее и угрожал ей. Мы не

знаем, сам ли Рамзан отдал приказ убить Наташу или же это были его приближенные. Но, кажется, президент Медведев доволен тем, что в одной из российских республик правят убийцы».

Отвечает Кадыров характерно вкрадчиво. Он отрицает свою причастность, называет это убийство «чудовищным преступлением» и затем перекладывает ответственность за него на Березовского. Медведев характеризует это преступление как «возмутительное», но отвергает заявления о причастности Кадырова как «примитивные и неприемлемые». Расследование ее смерти почти не продвигается – хотя личность убийцы широко известна.

Я уезжаю из Грозного. Я еду в Кошкельды, в район Чечни Гудермес. В этой деревне – родовой дом Эстемировой, здесь по-прежнему живет ее тетя и другие члены семьи. Родственники-мужчины сидят в тени у старого дома, выкрашенного синей краской. Меня провожают во двор – мы располагаемся в залитой солнцем комнате. На тарелках разложена баранина и арбузы. На ковре в другой комнате уселись женщины. Время от времени кто-то разражается рыданиями и всхлипываниями.

Появляется пятнадцатилетняя дочь Эстемировой Лана. Она поразительно сдержанна. Какое-то время мы просто сидим. Она говорит по-английски. Признается, что ее мама понимала, в какой оказалась опасности:

— Я знаю, что ей угрожали. Она не рассказывала, но я это знаю. Я никогда не просила ее бросить работу. Я знаю, это было важно для многих людей. Она жила не для себя. Она жила ради тех, кто нуждался в ее помощи. – По словам Ланы, она никогда не ездила с охраной и не придавала особого значения собственной безопасности. – Она волновалась только за меня. Если я пропускала ее звонок или ставила телефон в режим вибрации, она обычно говорила: «Ты с ума сошла? Когда ты не подходишь, у меня сердце разрывается».

Муж Эстемировой погиб во время первой чеченской войны – после чего она решила оставить работу учителя истории и начать карьеру журналиста и правозащитника. Они с Ланой и с пушистой кошкой Ванессой жили в маленькой квартирке в Грозном, заставленной книгами и международными

премиями. Лана говорит, что в России она не видит для себя будущего – она хочет учиться в Англии.

— Даже теперь я не верю, что это случилось со мной. Я не смотрела на нее мертвую. И только когда я увидела ее тело (на похоронах), я поняла, что осталась одна.

Я отправляюсь на деревенское кладбище, где теперь похоронена Эстемирова. Ее могила – на зеленом холме. Тихое место. Отец похоронен поблизости. Белые бабочки порхают среди исламских надгробий, веет легкий ветерок.

На ее надгробии надпись:

Наталья Эстемирова
28.02.1958 – 15.07.2009

Минуту я стою перед могилой, затем иду попрощаться с Ланой.

Когда Лана была маленькая, Маркелов и Политковская регулярно наведывались в скромную квартирку Эстемировой в Грозном. Эти трое засиживались допоздна, говорили ночи напролет – Политковская была сурова и сосредоточенна, Маркелов смеялся и травил анекдоты. Вначале Анна, потом Стас, потом ее мать – я осознаю, что за три года убили троих взрослых, сыгравших важную роль в жизни Ланы. За дверью снова слышны рыдания.

— А у меня больше нет слез, — говорит она.

В доме Эстемировой я ожидал встретить толпу журналистов. А оказалось, что я тут один. Где все остальные?

Alexander and Evgeny Lebedev

Britain's most curiously dressed press barons, on their way to Downing Street and ownership of London's *Evening Standard* newspaper. Alexander Lebedev, a former KGB spy, became one of my best Moscow contacts. He first read the *Standard* in the late 1980s as an agent in the Soviet embassy.

Глава 7

КГБ! Предъявите бумаги!

Ресторан «Бистро», Большой Саввинский переулок, Москва

13 января 2009 года

«Новости из России – это анекдот».

Малькольм Маггеридж, «Зима в Москве».

Если считать со времен большевистской революции, то я – восьмой штатный корреспондент, который пишет для Guardian из России. Мои предшественники – весьма достойная компания. Первым был Артур Рэнсом, больше прославившийся своими рассказами для детей. Рэнсом проживал в одной квартире с членом Политбюро Карлом Радеком, играл в шахматы с Лениным и имел страстный роман с секретаршей Льва Троцкого, на которой в итоге женился и которую увез к себе в Британию. (Об этом я узнал от

Мартин Уокер, еще одного моего предшественника, который работал в Москве в восьмидесятые). Вторым корреспондентом Guardian – тогда, естественно, газета называлась Manchester Guardian – был Малькольм Маггеридж, он проработал в Москве с 1932 по 1933 год.

И именно с Маггериджем я ощущаю невероятное родство. В предисловии к его книге «Зима в Москве» Майкл Эшлиман пишет: «... предполагалось, что Маггеридж будет положительно описывать тот дивный новый мир, который строили Советы. В конце концов, он был сын депутата-социалиста, родственник Фабиана Уэббса и корреспондент либеральной газеты. Однако, напротив, Маггеридж ужаснулся увиденному. В Советах царила тирания, цензура, лицемерие, жестокость, нищета – все то, что Андре Жид в послевоенном сборнике эссе разочаровавшихся экс-коммунистов «Падший бог» назвал «великим обманом».

Маггеридж специфическим, только ему свойственным образом высмеивал западных журналистов, которые, словно тайно сговорившись потакать великому обману, отсылали домой пропагандистские депеши из России и игнорировали или приуменьшали ужасы сталинских времен. В начале 1933 года Маггеридж сумел обойти цензуру и описал голод на Украине и Северном Кавказе, разразившийся по вине Сталина. Он задокументировал факты умышленного геноцида советских крестьян – фактически в результате массового убийства, спланированного и одобренного правительством, было уничтожено четырнадцать с половиной миллионов человек.

Маггеридж секретно переправил свои репортажи в Guardian через британскую дипломатическую почту. Газета напечатала их – хотя и без особой охоты – в марте 1933 года. Реакцией на эти статьи стала ярость. На западе разоблачения Маггериджа встретили с большим недоверием, его обвинили во лжи. Более он не смог работать журналистом – так как нарушил консенсус либералов, которые, как он писал, по-прежнему весьма снисходительно наблюдали за экспериментом коммунистов под лидерством Сталина. Он был вынужден уйти из Guardian. И он больше не мог возвращаться в Советский Союз.

Давно распроданная книга «Зима в России» была написана в 1934 году – по возвращении Маггериджа из СССР. Он дает острую сатирическую оценку западным журналистам, которые сознательно игнорировали ужасы и голод сталинских времен – чудовищные преступления в истории человечества – и обманывали читателей, рисуя выдуманный образ советского режима. Маггеридж также едко отзывался об интеллектуалах левого толка, которые стали жертвой этого обмана.

С особым сарказмом он описывал Уолтера Дюранти, корреспондента New York Times, лауреата Пулитцеровской премии. Дюранти появляется в его романе в образе персонажа Джефферсона. Это квинтэссенция «полезного идиота». В своих репортажах для Вашингтона Дюранти отрицал сам факт голода – именно он помог убедить Рузвельта признать на дипломатическом уровне одиозный тиранический режим Сталина.

В своем предисловии Маггеридж пишет о «положении иностранных журналистов в России и том, в каком виде новости из России попадают во внешний мир».

Он сообщает:

«Конечно, существует жесткая цензура, но не всем известно, что иностранные журналисты, работающие в Москве, находятся под постоянной угрозой лишения визы и, соответственно, потери работы. Они вынуждены соглашаться (и большинство на это идет) на урезание информации до такого объема, который – по их мнению – не вызовет недовольства диктатуры пролетариата. В ином случае им грозит длительная травля».

Такая травля, по словам Маггериджа, может варьироваться от «утомительной волокиты» в получении визы до «тюремного заключения и ссылки друзей и родственников, которые, к своему несчастью, оказались советскими гражданами».

Он добавляет:

«Результат прост: новости из России – это анекдот, их пишут люди, выдрессированные долгим пребыванием в Москве... те же, кто хотел бы

сказать больше, чем дозволено, вынуждены по причинам личным и вполне объяснимым сохранять благоразумие и осмотрительность. Нет даже ничего необычного в том, что агенты советского правительства оказывают существенное давление на редакции изданий, если корреспонденты работают, по их мнению, неудовлетворительно».

Маггеридж также упоминает о «повсеместном присутствии» ОГПУ. ОГПУ – секретная полиция Сталина – предшественник КГБ и сегодняшней ФСБ, бывший босс которой Владимир Путин ныне правит Россией. Я знаю, о чем говорит Маггеридж. Спустя восемь десятилетий изменилось совсем немного.

Приглашение оказалось неожиданным. Январь 2009 года. Звонит мобильный. На линии Артем Артемов – помощник русского миллиардера Александра Лебедева. Артемов спрашивает, не желаю ли я отобедать с Александром. Неделей ранее я написал для газеты Observer благожелательный отзыв о Лебедеве – бывшем депутате Госдумы и российском медиамагнате. Guardian сообщает, что Лебедев ведет переговоры с лордом Ротермиром о возможной покупке убыточной лондонской газеты Evening Standard. Прочем, похоже, переговоры зашли в тупик, и сделка по Standard сорвалась.

До этого я дважды пересекался с Лебедевым. Я был одним из многочисленных гостей на его сорок девятом дне рождения, который праздновали в обветшалом здании, где ютится его оппозиционная «Новая газета». Лебедев определенно не похож на среднестатистического олигарха: он, например, носит кеды, хотя и дорогие. Внешне он больше был похож на сидящего певца из старого бойз-бэнда, странствующего с шальным прощальным турне – в этом своем остромодном черном костюме с узким галстучком. Если я не ошибаюсь, еще в тот момент он носил на запястьях браслетики в стиле Гластонбери.

Вечеринка была скромная, как раз под общий мрачный настрой после экономического коллапса 2008 года. Не было девиц, танцующих на столах, не было шампанского. Вместо этого гости чавкали над тарелками с салом и опрокидывали стопки с водкой. Друзья и коллеги пропели поздравление, кто-то играл на аккордеоне. Среди гостей были журналисты и шпионы.

Предложение отобедать вместе кажется интригующим. Лебедев – не только бизнесмен с политическими амбициями, он еще и бывший агент КГБ. Он работал в советском посольстве в Британии в конце восьмидесятых. Мы договариваемся встретиться в модном бистро у его офиса – трехэтажного желтого современного особняка, расположенного неподалеку от Москвы-реки и Киевского вокзала. Я заказываю новозеландского ягненка, Лебедев – пасту с осьминогом. Ресторан, отделанный в пышном восточном стиле, пуст.

Лебедев говорит, что ему понравилась моя статья о нем. Я спрашиваю, почему сорвались переговоры о покупке Evening Standard. Что пошло не так? На безупречном английском, наклонившись над низким стеклянным столиком, Лебедев мягко отвечает:

— Переговоры не срывались. — И как бы между прочим добавляет, — В четверг я покупаю Evening Standard.

Я изо всех сил стараюсь сохранить беспристрастный вид. Но такая новость – бомба. Такое в журналистской карьере – исключительная редкость. Я сорвал большой куш.

История просто фантастическая – из нее можно было бы сделать отличный триллер про холодную войну. Юный советский шпион Лебедев работает в роскошном здании посольства в Кенсингтоне, его обязанность – прочитывать английские газеты. Каждое утро он листает Financial Times, Guardian и таблоиды в поисках малейшего намека на крах капитализма. Вообще-то таковых не находится. Он пишет дипломатические телеграммы и отправляет их в Москву – в Первое главное управление КГБ. Самые примечательные из них кладут на стол Политбюро. Лебедев сочинял депеши на темы, актуальные для века ушедшего, – кампания по ядерному разоружению, партия лейбористов – на тот момент оппозиционная, как и сейчас – и профсоюзные движения.

Когда WikiLeaks публикует тысячи секретных дипломатических телеграмм США, Лебедев окидывает их профессиональным взглядом, а позднее сообщает мне, что и сам писал сотни подобных депеш.

— Некоторыми можно зачитываться, как Чеховым. Другие же скучны, — рассказывает он про коммюнике, отправленные в США. Его собственные телеграммы до сих пор хранятся в пыльных архивах КГБ.

Спустя два десятилетия после его службы в Лондоне капитализм по-прежнему никуда не делся, хотя и не то чтобы сильно процветает. Советский Союз развалился. Зато собственные сбережения Лебедева приумножились. (В 2011 году журнал Forbes оценил его состояние в 2,1 миллиарда долларов – он оказался на 45-м месте среди самых богатых людей России). Я сижу за обедом и улыбаюсь. Новый владелец Standard – бывший вражеский шпион, который впервые начал читать свою газету во времена службы – на тот момент в звании подполковника — в управлении внешней разведки КГБ.

Позднее сын Лебедева Евгений вспомнит, как в детстве он часто гулял мимо здания, в котором теперь располагаются принадлежащие его семье издательства Standard и Independent. Раньше здесь, на Кенсингтон Хай-стрит, был магазин Barkers — всего лишь в нескольких сотнях ярдов от здания советского посольства, где работал Лебедев. Какой постмодернистский ход – Джон Ле Карре, с такой иронией писавший о временах холодной войны, мог бы отлично это обыграть.

Лебедев не желает обсуждать подробности исторической сделки, благодаря которой в январе 2009 года он станет первым российским олигархом, купившим британскую газету.

Он отказывается разглашать детали сложных переговоров с лордом Ротермиром — наследником империи Daily Mail, которого он панибратски зовет Джонатаном.

— Джонатан – очень хороший человек. Это наследство для него – бремя, а не любимое дело, — говорит он.

Лебедев всячески акцентирует мое внимание на том, что выделяется из толпы других русских олигархов, скупивших британские компании. У него нет ничего общего с Романом Абрамовичем – англофилом и владельцем ФК «Челси», говорит он, – или с Алишером Усмановым, еще одним

соотечественником-миллиардером, который приобрел четвертую долю «Арсенала» — лондонского соперника «Челси».

— «Челси» — это просто машина для зарабатывания денег, — презрительно фыркает он. Себя он ставит существенно выше прочих супербогатых русских, коих считает сборищем жадных, необразованных, полуграмотных хамов. Жалуется, что они ни черта не понимают в ранней итальянской живописи. — Они не читают книг! Они не ходят на выставки! Они думают, что произвести впечатление можно только покупкой яхты.

Последний из медиамагнатов Британии также утверждает, что будет вести себя разумно и исповедовать принципы невмешательства в газетные дела. Заявляет, что никак не будет влиять на редакционный курс Standard.

— Я повторяю снова и снова — было ты нетактично, если бы русский стал вмешиваться в британскую политику. Мое влияние будет равно нулю, — говорит он. Он сдержанно хвалит Гордона Брауна, которого британские избиратели год спустя выставят с Даунинг-стрит.

В Британии же никакой истерии по поводу покупки Лебедевым газеты Standard не наблюдается. Однако о том, что приобретение обошлось ему в один фунт, напишут на первых страницах газет и обыграют смешными заголовками. Один гласит: «Я из КГБ! Предъявите бумаги!». Когда я вспоминаю об этом моменте, Лебедев замечает: «Подобный юмор — это одно из лучших качеств британских медиа». Лебедев настаивает на том, что движем идеалистическими мотивами и далек от оппортунизма. Он с восторгом относится к Британии и к местным газетам и говорит, что в Соединенном Королевстве медийный климат гораздо мягче — в сравнении с ситуацией в России, где практически вся пресса и телеканалы оказались под колпаком у Кремля.

— И вот это англичане понять не в состоянии, — рассказывает он. — У меня в Британии полно друзей — в каждом социальном сословии. И все они говорят: «Эти проклятые газетенки». Попробуйте представить себе общество без свободной прессы. Именно эту мысль я и пытаюсь донести: британская пресса — одна из наиболее серьезных гарантий того, что ваша

бюрократия не погрязнет в коррупции и бездействии и не начнет уродливо разрастаться.

За обедом Лебедев заявляет, что покупка Independent не входила в его планы. Как и Standard, Independent переживает финансовые трудности. Но это издание больше соотносится с прогрессивными взглядами Лебедева и отвечает его интересу к немодным темам типа статей про Дарфур. Это газета, кажется, подходит Лебедеву больше, чем узконаправленная, порой шовинистическая газета Standard, которая входит в ту же категорию, что и реакционная желтая Daily Mail.

А в марте 2010 года Лебедев покупает у ирландских собственников Independent и Independent on Sunday. Последующий выпуск i – удешевленной мини-версии Indy – увеличивает число принадлежащих Лебедеву английских изданий до четырех. Он, конечно, не Руперт Мердок, чья британская медиаимперия начинает рушиться в 2011 году — после того, как Guardian публикует серию статей про преступную деятельность сотрудников его изданий, включая факты телефонного прослушивания частных лиц. Но влияние Лебедева на общественную жизнь Британии постепенно растет.

Лебедев начинает мне нравиться. У нас есть и кое-какие расхождения во взглядах: например, он был весьма недоволен, когда я написал в Guardian, что сотрудники «Новой газеты» не получают зарплату. (В 2006 году Лебедев на пару с бывшим президентом СССР Михаилом Горбачевым выкупил у сотрудников газеты 49% предприятия. В итоге зарплату всем выдали, а Лебедев заявил, что задержка выплат произошла в связи с финансовыми трудностями другого его детища — немецкой авиакомпании Blue Wings, ныне покойной).

Однако, в общем, он становится хорошим, надежным контактом. Мы общаемся по телефону. Его британская медиаимперия растет — и я снова беру у него интервью. Я нахожу его весьма словоохотливым и умным, он для меня – источник забавнейших слухов, большая часть которых не подлежит печати. Он умеет выбить собеседника из колеи, непонятным образом прыгая от одной темы к другой: вероломные партнеры по бизнесу, глобальная коррупция, высшее общество Британии. Бывает, что он

многословен до занудства. Но при всем этом он неподражаем, очарователен и открыт для общения. Что подкупает еще больше – это единственный миллиардер, которому я могу позвонить в любое время суток.

Как-то раз на Рождество он прислал мне бутылку кьянти. (Я отдал ее в местное благотворительное сообщество). На следующее Рождество я получил в подарок эксклюзивное издание «Лагуны» — стихотворения Иосифа Бродского, иллюстрированное настроенческими черно-белыми фото Венеции. Читаю строчки:

Адриатика ночью восточным ветром

канал наполняет, как ванну, с верхом,

лодки качает, как люльки; фиш,

а не вол в изголовьи встает ночами,

и звезда морская в окне лучами

штору шевелит, покуда спишь.

В отношении подарков в Guardian очень строгие правила. Но эти стихи я оставил себе.

Как и неугомонный космополит Бродский, Лебедев курсирует между двумя мирами и двумя языками – русским и английским. В Москве Лебедев скорее внутри политической элиты, нежели вне ее. Он живет на Рублевке – это эксклюзивная дачная колония российской столицы, облюбованная знаменитостями и политиками, включая Путина и Медведева. Как и прочие очень богатые люди, он определенно привлекает молодых женщин: его вторая жена – гламурная бывшая модель. Он определенно принадлежит к российскому истеблишменту и наслаждается всеми возможными привилегиями.

Но Лебедев представляет себя и как полуоппозиционную фигуру. В своем блоге он называет себя «капиталистом-идеалистом». (Там же он пишет о

своем неверном понимании природы мирового капитализма, а заодно рассказывает, как вульгарные русские богачи веселятся на празднике в Сан-Тропе). Но действительно ли является он врагом мистера Путина? Британский журнал Private Eye предполагает, что Лебедев гораздо ближе к российскому правительству и его властным структурам, нежели сам желает демонстрировать.

Определенно правдой является то, что Лебедев аккуратен в высказываниях и избегает прямой критики в отношении российского правящего дуэта, гораздо охотнее он высказывает презрение в адрес жадных российских бюрократов – что очень напоминает то, как в старину осуждали бояр – то есть дворянство – но не царя. Он называет себя «лояльным оппозиционером» — человеком, мечтающим о реформах, но не о свержении российского правительства. Когда одна из его газет – «Московский корреспондент» — публикует материал о предполагаемом романе Путина с красивой олимпийской гимнасткой, Лебедев быстро закрывает газету. А с 2002 по 2007 год он – лояльный член прокремлевской партии «Единая Россия» и депутат Думы.

Но мне кажется, открытое спонсорство Лебедевым «Новой газеты» означает то, что он является ненадежной фигурой для существующей власти. Это издание — одно из немногих отважившихся критиковать Кремль. Газета продолжает писать на темы, которые медиа, находящиеся под контролем государства, предпочитают игнорировать – коррупция, права человека, преступления в Чечне и соседних республиках Ингушетии и Дагестане, темные делишки ФСБ. После убийства Политковской Лебедев объявляет награду в миллион долларов за информацию, которая поможет найти и арестовать киллера. Он звонит мне спустя несколько часов после убийства Маркелова, говорит, что сотрудники «Новой» страшно рискуют жизнью, волнуется за них, — считает, что журналисты должны носить с собой оружие.

По информации от журналистов «Новой газеты», Лебедев – это находка. Магнат-интеллектуал, да еще и озабоченный проблемами общества.

— В большинстве случаев российские олигархи привыкли отговариваться фразами «Мы ничего не можем сделать». Они проводят время в Куршевеле,

пьют вино, едят икру и любят, как девушки танцуют на столах, — рассказывает мне колумнист «Новой» Юлия Латынина. — Еще найдутся такие, кто скажет, что у нас все в полном порядке. — Она продолжает. — А Лебедев пытается хоть что-то сделать, чтобы в стране стало лучше. Но он понимает — если эти действия затронут тех, кто у власти, наказание будет неизбежным.

(Я познакомился с Латыниной на праздновании дня рождения Лебедева. Она пишет статьи о коррупции и о загадочном нефтяном трейдере «Ганвор». Также она предполагает, что Россия планировала вторжение в Грузию задолго до самого конфликта. Я спрашиваю, все ли у нее в порядке.

— Все нормально, — отвечает она. — За исключением того, что господин Кокойты (лидер Южной Осетии) пытается меня убить. — На несколько месяцев газета предоставляет ей телохранителей.)

Журналисты из «Новой газеты» говорят, что в дела редакции Лебедев не вмешивается — хотя иногда, если с кем-то не согласен, он пишет свою колонку и излагает собственные взгляды. Я познакомился и с главным редактором газеты — Дмитрием Муратовым. Он говорит, что редакторы и Лебедев расходятся во мнениях по поводу природы российской власти.

— Мы полагаем, что коррупционная система России — это вертикаль, созданная лично Путиным, — говорит Муратов. — А Лебедев и Горбачев так не считают. Они полагают, что это недобросовестные российские чиновники не дают России превратиться в нормальную европейскую страну.

Муратов говорит, что уважает Лебедева. Но отношения с магнатом нельзя назвать близкими: они общаются формально, на вы. Когда я сталкиваюсь с Муратовым на круглом столе, организованном «Новой», я спрашиваю, почему нет Лебедева. Он отвечает: «Откуда же мне это знать?»

Остается загадкой, как умудрилась выжить «Новая газета» — особенно если помнить о том, что Кремль продолжает сжимать тиски, в которые попали русские медиа, и учитывать общую медийную ситуацию — один американский дипломат заявляет, что русские «питаются из одного информационного корыта». После приобретения Лебедевым газеты Standard

я провел целый день в редакции «Новой». Я спрашивал журналистов, почему издание все еще выходит – с завидной регулярностью продолжая метать стрелы в стоящих у власти.

Заместитель главного редактора Андрей Липский предлагает весьма убедительный анализ. По его мнению, газета играет на руку российскому правительству. Во-первых, говорит он, благодаря существованию «Новой» Кремль парирует заявления Запада об отсутствии свободы слова в России. Во-вторых, добавляет он, газета является источником правдивой информации для издерганных российских политиков, обреченных на изматывающую и долгую битву за должности, деньги и влияние. Эта газета гораздо лучше освещает происходящее внутри страны, нежели вся бесчисленная агентурная сеть ФСБ – обычно агенты сообщают своим начальникам лишь то, что последние хотят услышать.

— «Новую» читают в президентской администрации и во всех региональных правительствах. Ее читает Путин – или его помощники, — говорит Липский и жалуется, — они (правительство России) уничтожили уйму ценных источников информации, начиная с телеканалов.

В роли владельца газеты Лебедев преуспел больше, нежели в роли политика. Он долго бодался с мэром Москвы Юрием Лужковым – до тех пор, пока, в 2010 году, Кремль не сместил его с поста. В 2003 году Лебедев выдвинулся против Лужкова и проиграл. В сентябре 2008 Лебедев и Горбачев – который помог основать «Новую газету» — объявили о намерении основать новую социально-демократическую партию. Но проект провалился – в основном ввиду того, что любая политическая активность в России невозможна без одобрения Кремля, а также из-за отсутствия интереса у электората.

В телеграмме, отправленной из московского посольства США 10 октября 2008 года, говорится о том, что Лебедев отказывается примкнуть к новому оппозиционному движению «Солидарность» из-за присутствия Каспарова. По неким неясным причинам вместо этого Лебедев решает основать собственную партию. «Опросы показывают, что Лебедев и Горбачев не находят поддержки среди избирателей», — сухо замечено в телеграмме.

Политические амбиции Лебедева не оправдались, и он, похоже, развернулся в сторону Британии. Здесь, по крайней мере, он может общаться с ведущими политиками и прочими членами британского высшего света. У него в друзьях – Джорди Крейг, редактор Tatler, которого Лебедев назначает новым главным редактором Standard. Знаменитости блистают на его роскошном ежегодном благотворительном приеме в Хэмптон Корт. Хью Грант, Джоан Роулинг, Ванесса Редгрейв – его постоянные гости, выступает Элтон Джон. Сын Лебедева Евгений, проживающий в Англии, — заметная фигура на лондонской общественной сцене. (В 2009 году фото Лебедева-младшего с вечеринки в Хэмптон Корт будут напечатаны в русской версии журнала Hello! – с бородой в стиле Романовых, в сияющих черных ботинках и траурном фраке он выглядит как опереточный граф).

Евгений – о нем отзываются как о человеке дружелюбном и скромном — берет в свои руки газетный бизнес отца. Осенью 2010 года Евгений получает британское подданство. Однако триумфальное выступление семейства Лебедевых впечатляет не всех. После покупки Standard и Independent на одном из приемов Евгений знакомится с принцем Уэльским – наследником британского трона.

— Мне было бы интересно знать, что он думает о наших газетах, поскольку наши издания о нем писали. Или же услышать его мнение о нравственности или безнравственности журналистов. Но нет. Он задал лишь один простой вопрос: «Вы всю жизнь интересовались футболом?» — вспоминает Евгений. – И на этом все. Может, он принял меня за Абрамовича? Или решил, что все русские должны любить футбол...

Спустя несколько месяцев после приобретения Standard огромная бизнес-империя Александра Лебедева становится объектом нападок. Летом 2009 года он вызывает меня в свой московский особняк. Эта встреча – словно кадры из фильма о Джеймсе Бонде. Обстановка офиса говорит об уверенности и богатстве владельца. Хорошенькая девушка-секретарь в шелковом мини-платье встречает меня в лобби, в приемной висят картины эпохи Ренессанса. Меня провожают наверх – Лебедев, новый барон британской прессы, ждет меня на балконе. Тут не хватает лишь пушистого белого кота.

Лебедев сообщает: из «многочисленных источников» поступили сведения, что его вот-вот могут арестовать и отправить за решетку. Непонятно, говорит он, кто именно стоит за этим заговором. Но, по его словам, «есть некто, готовый выложить 50 миллионов долларов» за то, чтобы упрятать магната в тюрьму. Он полагает, что группа теневых инвесторов за определенную сумму пытается подкупить работников правоохранительных органов. Доверенные лица Лебедева среди властных структур говорят, что самым разумным решением для него было бы покинуть Россию в ближайшие полгода.

Сложно понять, реален ли этот заговор – может быть, это выдумка или преувеличение. Лебедев говорит, что он готов к тюремному заключению – но предпочел бы избежать доли Ходорковского. Я спрашиваю, готов ли он сидеть в Лефортово – технически это не тюрьма, а центр досудебного заключения и изолятор. Он нравоучительно отвечает: «Если жить здесь, то нужно быть готовым ко всему».

2 ноября 2010 года мрачные предсказания Лебедева, похоже, сбываются. Группа вооруженных военных в масках устраивает показательный обыск его московского особняка. Операцию организует ФСБ – в частности, управление «К», которое занимается экономическими преступлениями. Офицеры изымают документы и файлы. (Они заявляют, что обыск связан с уголовным расследованием в отношении другого банка).

В тот момент, когда в контору врывается спецназ, Лебедев плавает в бассейне, что расположен в подвальном помещении банка.

— Я действительно подумал, что они пришли меня арестовывать, — рассказывает он и добавляет, — и решил, что продолжу плавать – хотелось в последний раз получить удовольствие от бассейна.

Но в итоге Лебедева так и не задержали. Он с горечью рассказывает мне про «маски-шоу» в исполнении ФСБ — так в России называют показушные полицейские рейды времен девяностых. На следующий день новости еще более неутешительные – бригада налоговиков в Украине прошла по роскошному гостиничному комплексу Лебедева, что расположен на крымском побережье.

Вывод о том, что оба рейда скоординированы, напрашивается сам собой. В конце концов, Украиной правит промосковский Виктор Янукович. Лебедев говорит, что не поддастся давлению и не уедет из России.

— Я все еще здесь. Я здесь живу, — говорит он. Но все же признается, — при наихудшем сценарии посыл вполне понятен. «Убирайся из России».

В разговоре со мной Лебедев утверждает, что Путин не имеет отношения к этим, как он выражается, учатившимся и хорошо организованным попыткам увести у него бизнес. Он винит оппортунистов темной российской бюрократии. Он считает, что чиновники пытаются отхватить кусок от его богатства, используя его хорошие отношения с Кремлем как политическое прикрытие.

Мы кратко затрагиваем тему вторжений ФСБ в частные жилища, а также грубые попытки службы госбезопасности выдворить меня из России.

— Это типичное преследование. Они хотят сделать вашу жизнь невыносимой, — сообщает Лебедев. И добавляет, что даже сами офицеры ФСБ измучены политическими битвами, которые идут за закрытыми дверями, и гнетущей политической обстановкой в стране. — В России они будущего тоже не видят, — говорит он, добавив, — а уровень новобранцев ФСБ — чудовищно низкий.

В мае 2011 года Лебедев объявляет о том, что уходит из бизнеса и присоединяется к новой политической инициативе. Он говорит, что собирается поддержать путинский так называемый «Народный фронт» — движение, единственная цель которого, как кажется, — вернуть Путина в Кремль в 2012 году. Решение Лебедева выглядит как тактический маневр, который поможет отразить атаку ФСБ на банк. Комментаторы полны сарказма — они сравнивают народный фронт — предположительно беспартийную национальную коалицию — с Блоком коммунистов и беспартийных, основанную Сталиным перед советскими «выборами» в 1937 году.

Для критиков такой ход – доказательство существования связей Лебедева с Кремлем. Сам он это отрицает. А в это время «Народный фронт» решает, что в качестве члена организации Лебедев им не нужен.

* * *

В декабре 2009 года пассажиры, следующие на работу в Лондон, с удивлением разглядывали огромный плакат с Бараком Обамой. На плакате голова президента США красовалась рядом с головой Махмуда Ахмадинежада, вздорного правителя Ирана. Под головами шла надпись: «Кто представляет наибольшую ядерную угрозу?» Для многих ответ очевиден – в конце концов, это не Обама грозился стереть Израиль с лица земли. Но для Кремля враждебный образ Обамы – это очередная амбициозная попытка создать новую пост-советскую пропагандистскую империю.

Спустя два десятилетия после краха государственной газеты «Правда» кремлевский круглосуточный телеканал, вещающий на английском – Russia Today – запускает первую масштабную рекламную кампанию в Англии. Клеветники окрестили канал двойником северокорейского телевидения – Russia Today придерживается неприкрытой пропутинской позиции, заявляя, что работает в противовес «предвзятому» западному взгляду BBC и CNN.

Когда я наведываюсь в их модный головной офис в Москве, станцию переименовывают в RT. Здание расположено в двух минутах ходьбы от метро «Парк культуры». Также в нем находится новостное агентство «РИА Новости» и Moscow News. Я встречаюсь с Маргаритой Симонян – это главный редактор RT, ей двадцать девять лет.

— То, что мы привыкли видеть как черное и белое, может оказаться не черным и не белым. И люди начинают пересматривать собственные стереотипы, — объясняет она. – Мы предлагаем альтернативу общепринятому мнению.

И конечно, рекламная кампания RT провокационно вызывающая – например, RT подвергает сомнению существование проблемы изменения климата, которую обсуждали на саммите в Копенгагене, или сравнивает

британского полицейского констебля с татуированным футбольным хулиганом. Кто-нибудь вообще собирается смотреть этот канал?

— Я не верю в беспристрастные новости. Конечно, мы принимаем пророссийскую позицию. BBC тоже открыто заявляет, что продвигает британские ценности, — замечает она. Бывший член путинского пресс-пула, она получила работу в 2005 году, когда канал только-только запустили – на тот момент ей было 25 лет. Это вызвало шквал слухов – возможно, ничем не обоснованных – что у Симонян нашлись почитатели в высших эшелонах власти.

Долгое время в Кремле не понимали, чем именно «предвзятость» отличается от позиции западных медиа. А теперь Кремль создает свою альтернативную информационную реальность. В 2011 году российское правительство планирует вложить 1,4 миллиона долларов в международную пропаганду – больше, чем в кампанию по борьбе с безработицей. Кроме английского канала, RT располагает и испанской службой, вещающей на Латинскую Америку – регион, геополитический интерес Кремля к которому растет. Также канал вещает и на арабском языке. Правительство утруждает бюджеты основных государственных новостных агентств «РИА Новости» и ИТАР-ТАСС, несмотря на экономический кризис, постигший Россию. (Оба агентства существуют за счет того, что транслируют прокремлевский взгляд на происходящее в мире, а в советские времена агентство «РИА Новости» было виртуальным оружием КГБ). Еще существует проплаченное ежемесячное приложение к британской Daily Telegraph – Russia Now, и к тому же снова начинает работать радиостанция советской эпохи «Голос России». Прочие спонсируемые российским правительством приложения появляются у Washington Post и New York Times и у ведущих европейских газет.

Больше того – Кремль нанимает PR-гиганта Ketchum и дочернюю компанию Gplus. Их офисы раскиданы по всему миру, в Лондоне их обслуживает Portland PR. И плюс еще блоггеры – зловещая армия разгневанных русских патриотов. Изначально блоггеры работали только на русских вебсайтах, поливая грязью критиков российского режима. Однако теперь эти кибер-националисты также активничают и на сайтах западных газет, включая Guardian. Любой, кто отважится критиковать российских лидеров или

упомянуть про какие бы то ни было проблемы в стране, будет немедленно заклеен агентом ЦРУ или хуже. (Один из этих назойливых блоггеров окрестил меня северокорейским шпионом и апофеозом западной блядской журналистики. Интересно, как это во мне сочетается?) В июле 2011 года один предположительно кремлевский блоггер заводит в Твиттере фальшивый аккаунт под моим именем. Мой настоящий — @lukeharding1968. Двойник именует себя так же, но в начале он заменяет L на прописную I. Он даже использует мои фото и биографию. Мой клон публикует пресс-релизы Дмитрия Медведева.

Некоторые эксперты полагают, что эти блоггеры – просто спонтанно возникшая группа патриотов-энтузиастов. Существует, впрочем, более убедительная точка зрения – возможно, Кремль намеренно финансирует этих анонимных проправительственных комментаторов с целью дискредитации оппонентов и продвижения авторитарной московской политики.

— Они (Кремль) начали понимать, что информация важна, а еще важнее контролировать информацию, которая распространяется по всему миру, — говорит Евгений Морозов. В своей книге *The Net Delusion: The Dark Side of Internet Freedom* («Сетевой обман: темная сторона интернет-свободы») он утверждает, что авторитарные режимы используют интернет для подавления инакомыслия. Писатель и ученый, рожденный в Беларуси, — он говорит, что после войны в Грузии Кремль стал практиковать более «агрессивный» подход.

Тот конфликт с точки зрения PR стал для Москвы катастрофой. В очередной раз, в ходе двух недавних газовых войн с Украиной, Кремль натолкнулся на всеобщее непонимание, заставив своих европейских потребителей содрогаться от ужаса.

— Они поняли, что, только контролируя то, что публикуется в зарубежной прессе, можно продвигать свою жесткую политику, — говорит Морозов.

Морозов без восторга отзывается о Russia Today – указывая, что у канала странная любовь к экстремистам и сумасшедшим теоретикам заговора. В коммунистические времена российские государственные медиа писали о

капиталистическом западе исключительно плохо, а о родине – исключительно хорошо, то и дело используя фотографии улыбающихся рабочих и счастливых доярок. Russia Today работает по тому же принципу: Америка обычно представляется как опасное, криминальное местечко, кишасщее сумасшедшими, которое швыряет от катастрофы к катастрофе. Во время одной программы в 2011 году на RT администрацию Обамы сравнили даже с нацистской Германией.

— Я считаю, что это комедийный канал, — говорит Морозов. — Стоит его смотреть хотя бы для того, чтобы понять, как уродливы попытки России повлиять на настроения за рубежом.

Такой подход теперь практикуют многие медиа – старые и новые. Россия, говорит Морозов, ушла от «Правды» к «Правде 2.0».

Во время моей работы в Москве я познакомился с несколькими корреспондентами канала. Как говорят знающие люди, в том числе некоторые британские и американские журналисты и дикторы, профессионализму работников RT надо отдать должное.

— В основном это довольно талантливые люди. Но никто не испытывает никаких иллюзий по поводу происходящего, — рассказывает мне один из бывших сотрудников. — Чудовищный недостаток объективности.

Это приводит меня к мысли, что западные журналисты, усердно трудящиеся на благо канала, принадлежат новому поколению «полезных идиотов», которых Маггеридж – если сегодня он был бы жив – узнал бы моментально. У RT даже есть свой собственный Уолтер Дюранти, ведущий из США. Своим фанатичным отношением к Кремлю он заработал прозвище Лорд Ха-Ха.

Став президентом, Путин первым делом закрыл независимое телевидение. Начал с канала НТВ. В статье для англоязычной газеты Moscow Times бывший директор НТВ Евгений Киселев, отметив десять лет с момента смерти канала, сказав, что сегодняшним студентам факультета журналистики будет сложно поверить, что в России когда-то было независимое ТВ. ФСБ инициировало обыски в московских офисах владельца НТВ Владимира Гусинского, после чего канал перешел в собственность

прогосударственной компании «Газпром Медиа». Также «Газпрому» принадлежат влиятельные газеты «Известия» и «Комсомольская правда», — сейчас обе они выступают как группа поддержки режима.

Спустя десять лет государство сумело завладеть, напрямую или косвенно, почти всеми российскими телеканалами. Киселев рассказывает о правилах, которых придерживаются нынешние государственные станции. Включая воздержание от расследований по фактам коррупции и другим преступлениям, совершенным высшими чиновниками, добровольный отказ приглашать на эфиры персон из «черного списка», в который вошли оппозиционные политики и критики, исполнение приказов из Кремля показывать или не показывать те или иные программы и запрет на злую сатиру, если поводом стали недостатки и ошибки государственных фигур. Самоцензура, как и в советские времена, царит повсюду. Редакторы знают, каких тем надо избегать, — например, нельзя освещать случаи нарушения правительством прав человека или критиковать государственную политику на северном Кавказе. В беседе Киселев рассказывает мне, что профессионалы ТВ полностью утратили культуру вещания в прямом эфире — в России больше не осталось передач, которые шли бы живьем. Правительственные чиновники абсолютно недоступны для журналистов, добавляет он.

— Режим Путина, выстроив пресловутую вертикаль власти, не может позволить себе такой роскоши, как независимые телевизионные станции, которые были бы свободны от государственного контроля и вещали на всю страну, — жалуется Киселев.

Один из критиков Кремля, отстраненный от эфиров на государственном ТВ, — Владимир Рыжков, бывший независимый депутат Госдумы и историк. Он говорит, что источником 85% общественной и политической информации в России служит телевидение — «под полным контролем Кремля». Он сравнивает это с периодом Горбачева и Ельцина, говоря, что в то время делались попытки построить более открытую, пеструю и конкурентоспособную политическую систему с разнообразными политическими движениями, более или менее независимыми судами и свободными медиа формата девяностых.

— Государственные ТВ-каналы показывали пьяного и больного Бориса Ельцина, — замечает Рыжков. — При Путине все эти свободы исчезли, — говорит он. — Газеты в России не играют никакой роли. «Ведомости» продают 60000 экземпляров в день. «Коммерсант», наиболее влиятельная политическая газета, — 100 000 экземпляров. У нас есть четыре независимых политических газеты, и продажи — это 1%. Интернетом пользуются 20%. Если спросите, сколько человек имеют ежедневный доступ к политической информации, то окажется, что не более 5%. Следовательно, контроль ТВ означает контроль всего. Классическая авторитарная система.

Интернет – единственное яркое пятно на российском прогосударственном медийном пейзаже. Там царит свобода, но сеть не является источником новостей для большинства русских.

РТ дают больше свободы, нежели внутренним каналам, контролируемым правительством. Допустима общая критика режима, однако существует негласное понимание того, что самого Путина критиковать нельзя – как и обсуждать его предположительное богатство. Об этом мне рассказывает бывший сотрудник канала. То же табу действует и в Moscow News, англоязычной газете, которая выходит дважды в неделю – ее издает «РИА Новости».

— Нам предоставлена полная свобода, есть только одно исключение, — признается один из редакторов. — Можно критиковать Медведева. Но не Путина.

Другие люди, знакомые с кремлевской медиа-стратегией, говорят, что чиновники высшего звена России давно перестали понимать, по каким законам живет западный мир.

— Они считают, что хороший PR заставит мировое сообщество забыть всю дурную славу вокруг событий в России. Очевидно, что это не так, — говорит Ангус Роксбург, бывший московский корреспондент ВВС, нанятый Кремлем в качестве PR-консультанта. Я спрашиваю, есть ли у Кремля шансы улучшить свой образ в глазах Запада. Он едко отвечает, — Например, для начала можно перестать избивать оппозиционных демонстрантов.

В марте 2009 года я возвращаюсь в Лондон, чтобы обсудить с начальством ситуацию с ФСБ – день за днем становится все хуже. Редактор Guardian Алан Расбриджер и редактор международного отдела Харриет Шервуд на моей стороне. Мы приходим к заключению, что это преследование российскими службами безопасности становится невыносимым. Но можем ли мы положить конец этой тайной войне?

Расбриджер организует встречу с Майклом Девенпортом. Девенпорт – глава департамента по России, южному Кавказу и Средней Азии Министерства иностранных дел и Содружества. Фактически это главный британский дипломат в России.

Мы встречаемся за круглым столом в кабинете Расбриджера. Комната расположена на втором этаже Guardian, здесь находится отдел новостей. Окна выходят на Риджентс-канал с камышницами и плавучими домами. Девенпорт носит очки, ему под пятьдесят. Он мне сочувствует. Говорит, что МИД Британии хорошо знаком *modus operandi* ФСБ. Он также рассказывает, что Советский союз поделился техниками КГБ не только со странами коммунистического блока, но и с дружественными секретными службами прочих государств – включая Ближний Восток.

Девенпорт вспоминает, как сам оказался жертвой вторжений в стиле КГБ – но не в холодной Москве, а в жарком Каире. А в роли взломщиков выступили офицеры египетской тайной полиции, бандитского «Мухабарата», который перенял у КГБ азы мастерства.

Девенпорт подтверждает лишь то, что нам и так известно: только КГБ может столь загадочным образом вламываться ко мне домой. Он пытается подбодрить меня, однако мне сложно описать всю ту атмосферу психологического давления и вражды – словно из времен холодной войны, что стала частью нашей жизни в Москве. Девенпорт признает, что вести диалог с Москвой всегда было непросто. Он изрекает мудрую вещь: «Проблема с русскими в том, что они думают не так, как им, по нашему мнению, следует думать». Позже я отыщу имя Девенпорта в текстах телеграмм, опубликованных на WikiLeaks. Ему принадлежит еще одна крылатая фраза – он клеймит Россию «коррупционным самодержавием».

После той встречи британские дипломаты в Москве ставят мой случай на повестку обсуждения со своими российскими коллегами. Иными словами, они жалуются. Удивительно, но это срабатывает. По крайней мере, на несколько месяцев. Теперь вторжения происходят не так часто. Я заглядываю в свои заметки и вижу, что призраки из ФСБ вернулись в офис Guardian 4 или 5 июня 2009 года. На этот раз они открыли запертое на двойной замок переднее окно. Придя на работу, я смотрю, как тополиный пух от растущих напротив белых деревьев волной влетает в комнату. Удивительно красивое зрелище.

Западным корреспондентам, работающим в Москве, понятны мои проблемы с ФСБ. Эндрю Осборн из Daily Telegraph, Шон Уокер из Independent и Тони Халпин из Times становятся моими близкими друзьями. Тони даже станет свидетелем одного унижительного эпизода, и это произойдет не в Кремле, а в ином театре военных действий – на футбольном поле.

Moscow's Luzhniki stadium

My *Guardian* colleague Tom Parfitt and I kick a ball around Luzhniki stadium, the venue for the opening match, final and a semi-final in the 2018 World Cup, hosted by Russia. The decision to award the tournament to Moscow is mired in controversy.

Глава 8

Политический футбол

Финал Лиги чемпионов УЕФА

Chelsea VS Manchester United

Стадион «Лужники», Москва

21 мая 2008 года

«The World Cup will help us make a different people and a new nation». («Чемпионат мира поможет нам стать иным народом и новой нацией»).

Мой собственный спортивный режим в Москве вряд ли можно назвать строгим. Зимние пробежки по обледенелым улицам столицы – занятие сомнительное и трудное, очень мерзнут чувствительные нижние конечности. Я вернусь к тренировкам лишь в апреле, после многомесячной летаргии, когда окончательно растает снег. Эти тренировки, как правило, сводятся к неуклюжим пятнадцатиминутным прогулкам вокруг нашей пасторальной деревеньки.

Иногда я пересекаю дорогу, по которой с грохотом катятся троллейбусы, и отправляюсь бегать в близлежащий мемориальный парк. Это парк славы русских солдат царской армии, сражавшихся в Первую мировую войну – однако те жертвы, которые понес русский народ в 1917 году после захвата власти большевиками, несопоставимы по своим масштабам с теми военными потерями. Здесь поставили большой крест и памятник. Поодаль расположен кинотеатр. На обратном пути я прохожу мимо огромной жилой башни, которая призрачно возвышается над этим урбанистическим пространством.

Пару раз журналистский корпус собирается, чтобы сыграть в крикет на территории Московского государственного университета. Особенного таланта к этой игре ни у кого не наблюдается. Гораздо чаще мы играем в мини-футбол. Поле находится в пяти минутах ходьбы от стадиона «Лужники» — его строили к Олимпийским играм в 1980 году, и это самое престижное футбольное поле столицы. Именно там я пережил минуты своего унижения. 17 октября 2007 года, перед отборочным матчем Англия-Россия, предваряющим Чемпионат Европы, который состоится годом позже, я принял участие в дружеском матче между английскими и российскими журналистами.

Принял участие – это громко сказано. Игра проходила на седьмом поле Лужников. Я умудрился сделать пас Джейми Реднаппу, бывшему международному английскому комментатору, перешедшему на Sky TV. Затем у меня отобрали мяч. И незамедлительно забили нам гол. Исключительно по моей вине. Через десять минут после этого меня заменили. Российские «журналисты» — которые подозрительным образом скорее напоминают мне профессиональных футболистов, а не обрюзгших

представителей четвертой власти – выигрывают со счетом 9-3. Мне лишь остается доковылять до станции метро «Воробьевы горы», которая высится на огромном мосту через Москва-реку. Оттуда открывается великолепный вид на университет и зеленые холмы.

Этот дружеский матч становится предвестником событий того же вечера – Англии предстоит сыграть с Россией. По официальным данным, все 80 000 мест на стадионе распроданы. Но за 48 часов до игры я без труда приобретаю два билета у *спекулянтов* – это вороватого вида юнцы, которые рыскают у касс Лужников. Кассы расположены недалеко от стадионной парковки, у огромной статуи Ленина. Я купил места в российскую фан-зону. Мне продал их Серега – этот услужливый делец, как выяснилось, оказался еще и фанатом Вест Хэм.

Тот октябрьский матч проходит на фоне растущего мрачного напряжения между Англией и Россией. Вследствие убийства Литвиненко, которое произошло меньше года назад, политические отношения ухудшились донельзя — впервые за долгие десятилетия. Летом Путин успел обвинить Британию в заносчивости и «колониальном мышлении», а за несколько дней до матча он сказал, что российская демократия — лучше британской. В качестве аргумента он заявил, что сам он – в отличие от Гордона Брауна, британского премьер-министра и единственного кандидата на место Тони Блэра – был избран честным путем. Технически это так и есть. Но если помнить о систематическом уничтожении Кремлем любой политической конкуренции в России, то такое заявление звучит весьма забавно.

Среди обычных фанатов — и с той и с другой стороны — не прослеживается никакой враждебности.

— Спорт – не политика. К тому же наши играют лучше ваших, — говорит Серега, когда я протягиваю ему хрустящую купюру в 5000 рублей (100 фунтов) за два билета на матч. Подход Марка Перримана, возглавляющего группу футбольных болельщиков из Лондона, столь же прагматичный. Он говорит:

— Я не собираюсь разгуливать по Москве закутанным в британский флаг. Впрочем, по большей части те страны, в которых мы играли, или бывали с

нами в состоянии войны, или когда-то являлись частью империи, или в какой-то момент истории были оккупированы англичанами.

Я звоню Василию Уткину — самому здравомыслящему футбольному обозревателю России. Он говорит, что в Москве сейчас – бум англофилии. Причиной стал выпуск русского перевода Гарри Поттера.

— Кого волнует политика? Эти два дня все читали Гарри Поттера. И это – лучшее отражение наших взаимоотношений, — говорит Уткин.

На матч Англия-Россия я беру с собой отца. Когда мы приезжаем в Лужники, стадион уже битком забит болельщиками, атмосфера оживленная и доброжелательная. Перед началом игры российские фанаты разворачивают огромный 120-метровый баннер – он закрывает целую секцию стадиона. На баннере изображен страшный русский медведь с желтыми клыками. Слоган весьма патриотичен – «Россия, вперед!».

Уэйн Руни забивает уже в конце первого тайма, и я подпрыгиваю и начинаю свистеть. В тот же момент чувствую, как на меня смотрят полных ненависти сотни глаз. Хотя обстановка вокруг и дружеская, но влезать в медвежью берлогу болельщиков противника было определено рискованным предприятием. На середине матча счет 1-0 в пользу Англии. К моему облегчению, Англии забивают два гола во второй половине – один благодаря Аршавину, другой как пенальти. Проигрыш Англии со счетом 2-1 будет решающим в отборочном матче для Евро-2008 и станет поводом для последующего увольнения Стива Макларена — тренера английской сборной. Неубедительное выступление сборной можно объяснить рядом факторов – как понимаю это я – включая мерзкую погоду, пластмассовое покрытие Лужников и чудовищную некомпетентность МакКларена. Россия сыграла лучше и оказалась более дисциплинированной.

Но также этот проигрыш означает то, что мы с отцом теперь можем спокойно покинуть «Лужники», сохранив целыми все свои конечности. После триумфа над Англией, родиной футбола, русские болельщики пребывают в хорошем настроении, они великодушны, игривы и любопытны.

— Как ты оказался на этой стороне стадиона? – спрашивает у меня один из русских болельщиков – он в полном замешательстве. – Почему вы не сели на другой стороне, вместе с фанатами Англии?

— Я работаю в Москве, — отвечаю я. – Мои поздравления российской сборной. Ваши отлично сыграли.

Эта игра оказалась для меня прекрасным наглядным уроком. Во-первых, я понял, что бывают моменты, когда лучший выход из ситуации – придержать язык. А во-вторых – и это более важно — я начал осознавать, что в путинском видении России как возрождающейся великой державы спорт вышел на первые позиции. Спорт был очень развит в Советском Союзе. Но после развала страны система молодежных спортивных клубов тоже развалилась – а тренеры по легкой атлетике, лыжам, конькам ушли в частный бизнес или нашли другую работу.

К моменту моего приезда в Россию русский футбол уже успел постепенно обрести приемлемые формы и выкарабкаться из плачевного состояния, в коем пребывал в девяностые – и это несмотря на то, что российская лига лезла из кожи вон, пытаясь привлечь ключевых мировых игроков, и страдала от позорных проявлений расизма среди фанатов.

Роман Абрамович — один из наиболее влиятельных футбольных болельщиков в России. В число других миллиардеров, поддерживающих спорт, входят алюминиевый магнат Олег Дерипаска и нефтяной магнат Вагит Алекперов. Тем не менее, Российский футбольный союз придерживается политики Петра Великого — тот приглашал из Голландии кораблестроителей в стремлении основать достойный флот. РФС приглашает на работу голландского тренера Гуса Хиддинка. Он становится тренером российской национальной сборной. Именно благодаря Хиддинку команда начинает играть слаженно и четко, чего ранее не наблюдалось. После победы над сборной Англии Россия, под руководством Хиддинка, выходит в полуфинал Еврокубка-2008 – и на нее возлагают всяческие надежды.

В мае 2009 года «Лужники» переживают второе вторжение британских фанатов – на этот раз тут проходит финал Лиги чемпионов, матч между «Манчестер Юнайтед» и «Челси». Впервые обе английские команды сумели

выйти в финал. Игра – как окажется позднее — была предвестником Кубка мира — 2018, который также пройдет в России. Тысячи британских болельщиков прибывают в Москву, чтобы посмотреть матч. Газета «Московский комсомолец» пишет, что это самое массовое вторжение со времен захвата немцами города в 1941-1942 году. Газета замечает, что по численности такой наплыв иностранцев могла превзойти только армия Наполеона во времена войны 1812 года.

Я отправляюсь на Красную площадь. Там развернулся настоящий неформальный футбольный фестиваль – сотни фанатов топчут знаменитую брусчатку. Выясняется, что англичане в основном летели чартерными рейсами из Британии. Кто-то проехал через страны Балтики, некоторые прилетели из Сиднея.

— За все про все мы заплатили 4000 фунтов, — говорит Пол Саутгейт, фанат «Манчестер Юнайтед». – Летели через Дубай и Сингапур. И на каждой пересадке к нам присоединялась очередная толпа английских болельщиков.

А что же он думает о противниках «МЮ»?

— «Челси» – это просто русская игрушка. Это не настоящая команда, — едко отвечает он. — У этой команды нет фанатов. Стадион на 90% будет заполнен фанатами «МЮ».

Рядом со знаменитой пирамидой — мавзолеем Ленина — разбита площадка для мини-футбола. Болельщики – по большей части россияне – выстроились в очередь, чтобы сфотографироваться рядом с кубком Лиги чемпионов. Фанаты толпятся вокруг палаток «МЮ» и «Челси», покупают фирменные футболки УЕФА за тысячу рублей (20 фунтов). Самые инициативные отправляются посмотреть на Ленина.

— Он будто восковой, как статуя из музея Мадам Тюссо, — говорит мне Джон Харт, фанат «Манчестер Юнайтед» из Белфаста. И добавляет. — Там жутковато. Холодное черное пространство. Смотришь на его лицо – и понимаешь, что у него растут волосы. – Харт говорит, они с друзьями забронировали билеты заранее и прибыли в Москву с пересадкой через

Ригу. – Мы остановились в дешевой гостинице. Вся поездка обошлась в 200 фунтов.

Для самих игроков условия проживания куда более комфортные. Команда «Челси» поселилась в пятизвездочном отеле Ritz Carlton – это одно из самых роскошных мест столицы. В дни финала цены на номер начинаются от 750 фунтов за ночь. Завтрак подают восхитительный. Отель находится прямо у Красной площади. У собора Василия Блаженного я замечаю вратаря «Челси» Петра Чеха – он вышел осмотреть достопримечательности.

— Здорово, что здесь тоже любят футбол, — говорит он. Вокруг столпились туристы и фотографируют его на мобильные телефоны.

«Манчестер Юнайтед» поселили в столь же роскошном Crowne Plaza — отель находится недалеко от Белого дома, у которого в свое время с танка вещал Ельцин. Обычные фанаты ночуют где придется: на окраинах Москвы, в хостелах и даже на корабliках, пришвартованных по берегам грязно-коричневой реки Москвы.

Политический климат между Россией и Соединенным Королевством более или менее теплеет. Перед игрой Кремль снимает визовые ограничения для всех болельщиков, купивших билеты на матч. Болельщики, с которыми мне удалось поговорить, заявляют, что русская иммиграционная служба практически не чинила им никаких препятствий. Министр иностранных дел России Сергей Лавров говорит, что подобная визовая политика характеризует Россию как «цивилизованную страну». Похоже, что глобальные противоречия между Лондоном и Москвой на время забыты. Выясняется, что обычные россияне рады британским гостям.

— Британцы – вовсе не чудовища, — говорит Ольга Подыганова, студентка – она изучает политологию. – На официальном уровне отношения ужасны, но между обычными людьми трений нет.

У кого больше шансов выиграть?

— Я думаю, что у «Челси», – говорит она.

Перед игрой я посещаю московскую школу № 232. Школа находится на Трубной улице – именно здесь учился миллиардер Абрамович, нынешний владелец «Челси». С тех пор прошло тридцать лет, и его команда вот-вот победит в Лиге чемпионов. Стадион «Лужники» – в полчаса езды на метро. Бывшие учителя Абрамовича описывают юного Романа как милого, доброго, но довольно посредственного мальчика – в те времена он не подавал никаких признаков будущего успеха.

— Он был обычным советским ребенком, — вспоминает Надежда Ивановна, учительница истории. — Сидел на задней парте. Легко заводил друзей. Он был больше обеспечен, чем другие дети, но на его поведении это не отражалось.

Выясняется, что Абрамович учился практически на одни тройки: удовлетворительная, но не впечатляющая оценка. (В русской школе оценивают по шкале от 1 до 5). Я рассматриваю черно-белые фотографии из школьного архива. На них – группа советских подростков на экскурсии, они стоят на фоне военного мемориала в городе Волгограде – бывшем Сталинграде. Один школьник держит цветы. Выглядит смущенно. Это и есть Абрамович.

В то время он жил у дяди в центре Москвы, в районе Цветного бульвара, неподалеку от школы № 232. Его родители умерли. Он окончил школу в 1983 году. У меня сложилось ощущение, что бывшие учителя желают Абрамовичу добра. Однако я замечаю, что они пребывают в некотором недоумении – им непонятно, каким образом этот послушный и опрятный школьник сумел накопить многомиллиардное состояние и стать владельцем престижной английской футбольной команды.

— Я думаю, ему помогла семья и просто повезло, — говорит Ивановна. — Он был милый мальчик, попал в очень хороший класс – один из моих лучших. Но при всем при этом я не думаю, что я в чем-то глупее Романа.

Абрамович, естественно, сыграл важную роль в возрождении российского футбола. Для своей старой школы он выстроил площадку для мини-футбола с высоким ограждением, и теперь новое поколение школьников гоняет в футбол под кленами и липами. Он отремонтировал лабораторию в классе

биологии и компьютерный класс, теперь на дверях этих классов висят таблички с его именем. Таким же образом Абрамович спонсирует Российский футбольный союз и национальную сборную – он платит зарплату Хиддинку вплоть до самого момента скандального отъезда голландского тренера в 2010 году. Абрамович профинансировал строительство круглогодичных футбольных площадок по всей Российской Федерации. Несомненно, он хочет творить добрые дела. Впрочем, Кремль вынуждает своих состоятельных граждан делать жесты патриотической филантропии. Никто не может отказаться.

Финал Лиги чемпионов начинается лишь в 10.45 вечера по московскому времени. К этому моменту болельщики, по большей части, измотаны, пьяны или начинают мучиться от первых симптомов похмелья. Заметно холодает. С моего места — в центральной секции стадиона – открывается хороший обзор. Матч идет с дополнительным временем. С серией пенальти. Начинается дождь. Капитан «Челси» Джон Терри поскальзывается и промахивается. Победа за «Манчестер Юнайтед». Два часа ночи.

Под надзором московских полицейских, закутанных в серые плащи, фанаты «Манчестер» выкатываются со стадиона. Похоже, многие измотаны вконец и не в состоянии праздновать победу, хотя несколько голосов нестройно затягивают *Que Sera Sera, Now it's three, it's three* – поют про третью победу «Манчестер» в Еврокубке. Некоторые останавливаются, чтобы сфотографироваться рядом с памятником Ленину. Пытаются укрыться от дождя под полиэтиленовыми пакетами.

В поезде, на обратном пути в центр Москвы, фанаты «Юнайтед» по-братски сочувствуют болельщикам «Челси». В последнем вагоне кого-то стошнило на пол. Кто-то из болельщиков прикрыл лужу русской желтой газеткой.

На следующее утро я отправляюсь с визитом в отель, где остановились «Манчестер Юнайтед». В честь победы команды все 350 гостей «Манчестер», включая самих футболистов, их тренера — сэра Алека Фергюсона, жен, подруг, прихлебателей – закатали пышную вечеринку и праздновали до самого утра. Я появился слишком поздно – и успеваю лишь увидеть, как команда грузится в автобус, следующий в аэропорт. Серебряный кубок с завязанными красными ленточками уезжает вместе с

командой в специальном чемоданчике. Но зато я застал картину, оставшуюся после празднования в зале приемов на первом этаже – пол усыпан пробками из-под шампанского, раскиданы пустые бутылки Veuve Clicquot Ponsardin Brut, валяется забытый кем-то тюбик с пурпурной помадой Chanel.

Вовсю идет уборка, рабочие разбирают сцену, с которой футболисты «Юнайтед» приветствовали своих гостей. В грудe мусора я замечаю листок с текстом песни, которую исполняют на таких вечеринках. На бумаге отпечатался след подошвы. Я поражаюсь словам песни – памятуя о непростой истории и цене этой победы. Слова следующие:

I don't wanna work today

Maybe I just wanna stay

Just take it easy cause there is no stress.

Да, это типичная вечеринка после матча: команда перепела хит французского Tribal House ди-джея Лорана Вульфа 'No Stress'. Трудно вообразить, во что бы превратил такую вечеринку сэр Бобби Чарльтон – бывший футболист «Юнайтед» и участник команды, сумевшей заполучить для Англии Кубок мира в 1966 году.

Внизу я натыкаюсь на 17-летнего Дэнни Уэлбека — это запасной игрок «Юнайтед». Он одиноко слоняется по лобби отеля. Вероятно, тренер уехал без него полчаса раньше – исчез вместе с кривлякой Криштиану Рональду и молчаливым Уэйном Руни.

— У нас была скромная вечеринка, — говорит Уэлбек. Но почему он опоздал на автобус? – Я пять минут назад проснулся. – А как прошла вечеринка? – Естественно, мы были очень счастливы, — говорит он, а затем направляется на поиски такси.

— Была прекрасная вечеринка, — рассказывает один из официантов, Сергей. – Играло живое трио. Была дискотека – ставили музыку

восьмидесятых и современные песни. Я разливал вино. Футболисты танцевали и пели. Был фуршет.

Кто-то вспомнил, как на балкон вышел Рио Фердинанд – защитник «Юнайтед», он хлопал в ладоши и пел «Манчерстер ла-ла-ла!» болельщикам, что стояли внизу.

Другой официант, Вячеслав, заявляет, что русские привыкли к празднованиям и обильным излияниям. Показывает мне стоящие в ряд мусорные контейнеры, до краев заполненные пустыми бутылками из-под пива. Тут же рабочие убирают увядшие цветочные украшения традиционного красного цвета «Манчестер Юнайтед».

— Вы, британцы, пьете много, — говорит Вячеслав. — Но мы, русские, пьем еще больше. Видели бы вы, что тут творилось на новый год.

* * *

Море – синее-синее, словно на открытке. Туристы прогуливаются по усыпанному черной галькой пляжу. В открытом бассейне, который расположен на территории моей гостиницы, плавают брассом спортсмены. Я сижу на лавочке в субтропическом саду, и отсюда их фигурки кажутся совсем крошечными на фоне лазурного прямоугольника. Я живу в гостинице «Жемчужина». По-русски название звучит очень красиво. Хотя архитектура чудовищна – это одно из уродливых огромных советских строений на черноморском побережье Сочи.

Сочи – любимое место отдыха Путина. Он явно эмоционально привязан к этому месту. Если Петр Великий сделал своей северной столицей Санкт-Петербург, то Путин определенно выбрал Сочи – уютный южный город. Именно здесь пройдут Олимпийские и Паралимпийские зимние игры-2014. Крупнейшее в России и самое яркое спортивное событие — со времен московской олимпиады в 1980 году. Вдали красуются снежные вершины Кавказа – это самые высокие горы Европы. На курорте Красная поляна будут проходить лыжные соревнования и другие олимпийские мероприятия – участникам и зрителям придется курсировать между склонами и побережьем.

Сочи с его санаториями и спа с советских времен считался очень популярным направлением для отдыха. Именно сюда приезжали кремлевские боссы, чтобы оттягиваться на полную катушку. Сталин имел несколько дач на побережье, включая домик у дивной заводи в Абхазии. У Путина тоже есть собственные дворцы – один официальный, другой неофициальный. Сделанные из космоса фотографии этой резиденции в 2010 году появились на российском вебсайте, посвященном крупным правонарушениям.

После того, как Международный олимпийский комитет в 2007 году отдал право на проведение Зимних игр России, в Сочи развернулось строительство чудовищных масштабов. Масса противоречий и спорных моментов. Экологи обвиняют власти в нарушении экологических норм. Лидеры национальных меньшинств также выступают с протестами. Этнические черкесы призывают Москву к ответу, требуя признания «геноцида» в 1864 году, осуществлённого имперской русской армией. Жертвы геноцида похоронены в могилах неподалеку от будущего Олимпийского горнолыжного комплекса в Красной поляне, который еще предстоит построить. Черкесы жалуются, но безрезультатно.

Я отправляюсь в Сочи в апреле 2009 года. За месяц до финала Лиги чемпионов. Повод для визита – предстоящие мэрские выборы в Сочи. На какой-то миг создается впечатление, что эти выборы действительно будут честными — в отличие от подставных голосований, к которым уже успели привыкнуть российские избиратели. Вопреки мрачным ожиданиям, лидер оппозиции Борис Немцов – автор смелого памфлета «Путин: Итоги» — успешно регистрируется в качестве кандидата на пост мэра.

Другие кандидаты на эту должность – их чуть больше двадцати – представляют собой весьма разношерстную толпу. Среди них и Александр Лебедев, газетный магнат и несостоявшийся мэр Москвы, и балерина и любимица желтой прессы Анастасия Волочкова, и порнозвезда Елена Беркова, и местные пенсионеры. Андрей Луговой, предполагаемый убийца Александра Литвиненко, заявляет о том, что тоже собирается баллотироваться, но затем снимает свою кандидатуру. Выдвиженец от Кремля и партии «Единая Россия» — Анатолий Пахомов, нынешний мэр Сочи. А еще он бывший тракторист.

Однако вскоре я осознаю, что все это – лишь вывеска. В реальности Кремль опять готовится к привычным выборным подтасовкам. Я встречаюсь с Немцовым — бывшим заместителем премьер-министра — в санатории, где он выступает перед группой местных рабочих. Загорелый, красивый, уверенный в себе, в облегающих синих джинсах и черном пиджаке, Немцов легко и быстро находит контакт с женской аудиторией. (Позже я узнаю, что у него четверо детей от четырех разных женщин). Немцов тоже уроженец Сочи. Независимые опросы свидетельствуют о том, что в случае честной борьбы он победит с большим отрывом.

Испугавшись, что кандидат от властей может проиграть, чиновники отстраняют Немцова от телеэфиров на местном телевидении и запрещают писать о нем в местных газетах. Национальные каналы отказываются транслировать репортажи с выборов в Сочи, в которых фигурирует Немцов. Его и других кандидатов от оппозиции запугивают, обвиняют в мошенничестве, в ход идут и другие эксцентричные методы. За неделю до моего прибытия на побережье один из приспешников Кремля из числа молодежной группы «Наши» выплескивает в лицо Немцову кока-колу с аммиаком – последний вынужден обратиться за медицинской помощью.

Немцов едет на встречу с избирателями, я интервьюирую его по дороге. Мы усаживаемся на заднем сиденье ржавого микроавтобуса, который трясется, взбираясь по крутым холмам Сочи. Немцов утверждает, что Олимпийские игры вряд ли послужат на благо местным жителям и что спортивные мероприятия должны проходить и в других городах России – особенно там, где выпадает больше снега.

Около 2600 местных жителей вышвырнули из собственных домов, чтобы отдать территорию под строительство дороги к олимпийской деревне. Игры обойдутся России в 6 миллиардов долларов. Что в три раза превышает затраты на предыдущую успешно проведенную Олимпиаду.

— Огромные дополнительные расходы списывайте на коррупцию и бандитизм, — говорит Немцов.

Он утверждает, что сами выборы тоже не обошлись без грубых провокаций. Кто-то перевел 5000 долларов на его банковский счет, целенаправленно нарушив правила выборов.

— Эти деньги принадлежат или преступникам, или ФСБ, — говорит он.

Немцов замечает, что некоторые олигархи, пообещавшие профинансировать Олимпийские игры в Сочи, ввиду финансового кризиса решили пока придержать средства. К примеру, Дерипаска поручился за строительство нового терминала аэропорта. Но пока терминал выглядит как пустая коробка. К моменту прибытия инспекции из Международного олимпийского комитета местные бюрократы в панике нанимают учителей и переодевают их в пассажиров. Учителям велено разгуливать по недостроенному терминалу и притворяться туристами. Одна из таких «туристок» заявляет делегации, что летит в Бангкок – звучит неправдоподобно, ведь из Сочи нет рейсов в Таиланд. Когда делегаты МОК уезжают, рабочие выключают в аэропорту свет. С таким же фокусом Потемкин – князь, именем которого названы деревни – сумел одурачить Екатерину Великую. Он бы гордился своими наследниками.

Попытки Немцова участвовать в российской политике также терпят череду неудач. На выборах 2011 года чиновники отказываются регистрировать его партию Народной свободы, основанную совместно с бывшим премьер-министром, нынешним оппозиционером Михаилом Касьяновым. И хотя опросы говорят, что партия имеет все шансы получить места в парламенте, ее отстраняют от участия в выборах в Государственную думу, которые проходят в декабре 2011 года. Прочие оппозиционные группы при попытках регистрации сталкиваются с теми же проблемами. Летом 2011 года Геннадий Тимченко, которого был обвинен Немцовым в корыстном злоупотреблении предположительной связью с Путиным, обратился в Федеральную службу судебных приставов. По запросу Тимченко Немцова не выпускают из страны. Служба издает приказ. Поскольку Немцов на тот момент уже находится в Страсбурге, это должно заставить его принять решение не возвращаться в Россию. Однако Немцов возвращается, и таковое судебное решение провоцирует настоящий международный скандал. Все это весьма напоминает советскую тактику борьбы с

неблагонадежными антикоммунистами, столь популярную в семидесятые годы.

В тот же вечер я встречаюсь с Дмитрием Капсовым. Капсов – активист и член организации Environmental Watch на Северном Кавказе. Мы идем с ним выпить в Tinkoffs – крошечную прибрежную пивоварню, затерянную среди бесконечных кафе и неоправданно дорогих ресторанов, понатыканных вдоль многолюдного сочинского променада. Капсов одержим политикой, он изъясняется весьма доходчиво и аргументированно – что большая редкость среди равнодушных российских юнцов. За месяц до этого министр экологии Юрий Трутнев, сам того не ведая, положил начало кампании Капсова – признавшись, что некоторые строительные площадки Олимпиады в горах «выглядят ужасно».

По словам Капсова, строительство превратилось в катастрофу – вырубались деревья, не соблюдались правила обращения с национальными парками, популяция медведей в Сочи сократилась втрое. Строители выкопали такое количество песка из городской речки Мзымта, что разрушилась целая экосистема.

— Мы можем с уверенностью утверждать, что биологическое разнообразие уже пострадало, — говорит он мне. — Весь проект – это глупость, особенно во времена инфляции цен и растущей безработицы.

Капсов говорит, что он написал протест президенту МОК Жаку Рогге. Однако Рогге ему не ответил и передал письмо в Российский олимпийский оргкомитет.

Днем позже я беру интервью у Лебедева – он летит в Сочи, чтобы приступить к мэрской предвыборной кампании. Лебедев не обращает внимания на обвинения в дилетантстве и говорит, что уверен в своей победе в этой гонке.

— Кремль недоволен региональными властями и ходом подготовки к Олимпиаде. Повсюду вопиющая коррупция, — говорит он.

Впрочем, предвыборная кампания Лебедева коротка — он успевает пожать руки паре-тройке человек. После этого московские таблоиды обзовут его «английским шпионом в кедах». (В свою очередь, «Известия» окрестили миллиардера «чудаком»). А затем суд снимает кандидатуру Лебедева с голосования — такое решение сам Лебедев называет «безумием». В своем блоге Лебедев сравнивает выборы в Сочи с выборами в Зимбабве. Фильм, показанный одновременно с этим по сочинскому ТВ, выставляет перед зрителями Немцова как агента иностранного влияния.

Региональная администрация также не остается в стороне — учителей, врачей, военных и работников санаториев развозят на автобусах, чтобы они проголосовали досрочно — эта тактика, по заявлениям оппозиции, позволяет использовать фальшивые бюллетени.

— Выборы ненастоящие. Кандидат назначается Кремлем, доля голосования среди местных невелика, — жалуется кандидат от Коммунистической партии Юрий Дзагания. — Наши рекламные щиты сняли под покровом ночи. Нам запретили раздавать агитационные материалы. У меня нет эфиров на ТВ. Я никогда не был в Зимбабве, но сравнение недалеко от истины.

Федеральные элиты России, похоже, индифферентно смотрят на то, какой огромный ущерб вследствие использования «административных ресурсов» — так здесь называют мошенничество — нанесен репутации всей страны. В думских выборах 2011 года будет повсеместно использован тот же способ мошенничества, и это станет причиной массовых уличных протестов. Я понимаю, что Москва заинтересована лишь в одном — чтобы ключевую должность занял одобренный верноподданный. Иными словами, все снова сводится к власти. И к деньгам. Огромным деньгам.

— У соратников Путина есть серьезная финансовая заинтересованность в регионе Сочи, — говорит глава предвыборного штаба Немцова Илья Яшин. — Важно найти человека, которого можно контролировать и который будет закрывать глаза на факты коррупции.

Выборы интересны еще и вот каким аспектом: голосовать имеют право также и жители соседней Абхазии. В 2008 году Медведев принял решение о признании Абхазии, и это стало послужило на благо территории и ее

сепаратистского правительства – со штаб-квартирой на восхитительном морском побережье города Сухуми. Абхазия только выиграет, если олимпийские миллиарды рекой потекут к ее приграничным районам. Впрочем, в том, что Москва решила поддержать немногочисленную абхазскую нацию, нет никакого альтруизма. Микротерритория имеет для России стратегическую ценность. Здесь расположен глубоководный порт, 900 миллионов баррелей нефти есть на суше, а на морском терминале – еще больше. Московские строительные фирмы, занятые возведением олимпийских объектов Сочи, пользуются ресурсами Абхазии.

Это, конечно, очень нервирует грузинскую сторону. Грузия призывает к всемирному бойкоту зимних Олимпийских игр в Сочи-2014, что напоминает инициированный в свое время США бойкот московских игр в 1980 году, объявленный после вторжения советских войск в Афганистан. Несмотря на то, что Евросоюз выражает Грузии всяческое сочувствие, такой призыв вряд ли встретит глобальную поддержку. Грузинские парламентарии говорят, что для страны, оккупировавшей прилегающую территорию, безнравственно проводить такое масштабное мероприятие, как Олимпийские игры, менее чем в десяти милях от оккупированной территории. Также они заявляют, что Олимпиаде грозит и другая, более серьезная опасность – в Сочи весьма вероятно появление джихадистов с Северного Кавказа.

Я посетил Абхазию в 2008 году. За четыре месяца до войны с Грузией, как раз в период зловещей напряженности на неофициальной границе между Грузией и ее отколовшейся провинцией. Абхазия стала для меня открытием. Она тянется лишь на сто пятьдесят миль – и кажется дремлющим прибрежным раем. Тут и мандариновые заросли, и высокие эвкалипты, и галечные пляжи. Как и в Сочи, русские трудящиеся отдыхали здесь во времена коммунистической власти, ездили в санатории, выстроенные вдоль головокружительно живописных берегов.

Абхазская граница – в 4 минутах езды от центра Сочи. Я прохожу ее пешком. Ловлю такси. Автомобиль – обычный «Жигули», так в России называют марку «Лада». Через тридцать секунд езды по разбитой дороге нас тормозит абхазский офицер дорожной полиции и требует взятку. Я неохотно протягиваю ему пару купюр. Экономическая изоляция отрезала Абхазию от внешнего мира. Банкоматов тут нет – нужно брать с собой

российские рубли. И транспорта тоже почти не наблюдается – единственный поезд с перебоями катается прибрежной узкоколейке, оранжево-красной от ржавчины, минуя разрушенные станционные здания в стиле неоклассицизма и пальмовые заросли.

У реки Ингури – которая служит границей между Абхазией и территориями, контролируемыми правительством Грузии – скучают русские солдаты. Они сидят в замаскированном бункере и следят за местными, которые курсируют по мосту. Внизу, у берегу реки, устроились рыбаки — они ловят форель на самодельные ивовые удочки в лазурных пенящихся водах. Во время путешествия я не услышу никакой стрельбы – только громкое кваканье лягушек.

Над рекой расположилась приграничная пастушья деревушка Дихазурга. По ореховым рощицам разгуливают коровы. Поросли глициниями дачи, ныне развалившиеся и без крыш – владельцы бросили свои жилища и бежали за реку в 1992-1993 году во время гражданской войны между этническими грузинами и абхазскими повстанцами, которых поддерживала Россия. В каких-то садиках по-прежнему растут нарциссы. Как будто бы их только что высадили сами хозяева.

Почти половина населения Абхазии – в основном этнические грузины – бежала во время войны, которая случилась двадцать лет назад. Тбилиси хочет, чтобы беженцы отправлялись домой. Некоторые вернулись. Абхазия заявляет, что сама оказалась жертвой миграционной политики, когда Сталин – грузин по национальности – поселил здесь соотечественников. Еще раньше на территорию претендовали турки и греки. Впрочем, похоже, местных жителей мало волнуют эти споры, как и тот факт, что их райский уголок стал территорией конфликта — уже наполовину аннексированной Москвой, но не признанной Западом.

— Мы умеем есть фасоль, работать и спать, — говорит мне Квиша Кобалиа.
— А политикой пусть занимается Путин.

Виталий Мутко излучает уверенность. Я встречаюсь с российским министром спорта в Москве в сентябре 2010 года. Это происходит за три месяца до заседания исполнительного комитета ФИФА в Цюрихе, которому предстоит

выбрать место проведения Кубка мира – 2018. Я — один из нескольких журналистов, приглашенных на встречу с Мутко на стадионе «Лужники». Мутко усаживает меня в VIP-ложу, перед нашим взором — изрытый стадион и футбольное поле с мертвенно-зеленой искусственной травой. Из этой самой ложи министр наблюдал за тем, как Россия обыгрывала Англию в 2007 году на отборочном матче на Кубок Европы.

— Тогда всем казалось, что победа достанется Англии, — вспоминает он. — Прошла уже половина матча, царило мрачное настроение. Мы проигрывали 1-0. Я предсказал, что мы забьем дважды. Так и случилось.

Заявки от Англии и России становятся фаворитами. Выбор будет сделан путем голосования в швейцарской штаб-квартире ФИФА. Прочие претенденты – совместные заявки от Бельгии и Нидерландов и от Португалии и Испании – вряд ли станут победителями. Однако Мутко воздерживается от преждевременных заявлений.

– Самоуверенность в спорте порой приводит к трагедиям, — говорит он.

Но русские практически уверены в том, что после секретного голосования ФИФА победа достанется именно им, а не англичанам. И это меня удивляет. В чем причина такой уверенности? Мутко говорит, что такие оптимистичные прогнозы основаны на идее – довольно заразной идее – что проведение Кубка мира в России станет более динамичным и ярким событием, способным преобразить нацию, нежели «безопасное» и даже скучное мероприятие, которое устроили бы англичане. Это станет памятным моментом в истории России.

Кроме того, в бывшем коммунистическом блоке такого рода турниры никогда ранее не проводились. Так что заявка от России идеально соответствует пожеланиям президента ФИФА Зеппа Блаттера представить футбол в других частях света (и — предположительно — освоить новые прибыльные рынки). Я спрашиваю у Мутко, считает ли он, что заявка России интереснее заявки Англии. Он вздергивается, затем вскидывает вверх сжатый кулак и произносит триумфальное «Да».

— На их месте я бы, не думая, ухватился за Россию — несомненно, что футбола мы сделаем все, — говорит он.

Мутко заявляет, что его раздражают истории про российских фанатов-расистов, которые так любит муссировать британская желтая пресса. (Болельщики команды «Локомотив Москва» празднуют уход Питера Одемвингие в «Вест Бромвич Альбион», развернув баннер с изображением банана и словами «Спасибо, Вест Бром»). Министр также недоволен репортажами о царящей в России повсеместной коррупции. Он считает, что проблемы раздуты целенаправленно и со злым умыслом – чтобы очернить Россию.

В тот вечер я иду на отборочный матч Россия – Словакия на Евро-2012. Место проведения – московский стадион «Локомотив». Как указывается в заявке России на Кубок мира, финал и полуфинал 2018 года, а также церемония открытия пройдут в «Лужниках». Остальные матчи пройдут в северной столице – Санкт-Петербурге – и окрестностях, на Волге – это самая длинная река Европы — и на юге, в том числе и в Сочи. Россия ассоциируется непосредственно с Путиным. Он обещает построить новые стадионы и аэропорты, а между городами, в которых будут проходить соревнования, — протянуть скоростные железные дороги

В отборочном матче Россия проигрывает Словакии со счетом 0-1 из-за чудовищной ошибки вратаря. После чего я беру интервью у Сергея Фурсенко, президента Российского футбольного союза. Фурсенко носит костюм и шарф российского болельщика, о победе Словакии он отзывается корректно и великодушно. Я задаю вопрос о заявке на Чемпионат мира – 2018. Он отвечает весьма загадочными фразами. В массе своей футбольные болельщики имеют очень смутные представления о России. Если турнир состоится, это поможет гостям глубже постичь «русскую душу». Он говорит:

— Не надо бояться русских. У нас очень открытые люди. У нас широкая душа – места всем хватит, и иностранцам тоже.

После матча меня пригласили на ужин оргкомитета России, занятого подготовкой к Чемпионату мира – 2018. Мы отправляемся в итальянский ресторан, расположенный в пентхаузе недавно отреставрированной

гостиницы «Украина». Знаменитый сталинский небоскреб смотрит на Белый дом и на Кутузовский проспект. Перед нами открывается панорамный вид, подают изумительные закуски. Команда инспекторов ФИФА только что посетила Москву. Интересно, думаю я, удалось ли им попробовать этот великолепный пармезан.

Я сижу напротив Алексея Сорокина. Сорокин – председатель российского организационного комитета. Он – бывший дипломат, ему под сорок, он прекрасно говорит по-английски и по-французски. Сорокин весьма убедительно проповедует кремлевскую философию патриотизма – он заявляет, что Кубок мира изменит восприятие России во всем мире и позволит стране занять свое «заслуженное место» в верхних строчках международной таблицы. Сорокин меня поражает – это типичный аппаратчик. Он умен и способен ясно выражаться – но при этом он с презрением говорит про Лондон, где, по его словам, «высокий уровень преступности».

Сорокин полагает, что наплыв фанатов поможет улучшить имидж России на международном уровне. По его ощущениям, в невыгодном и искаженном свете Россию выставляют недружественные западные медиа.

— Нас наконец оценят по достоинству. И это поможет избавиться ото всех предрассудков, связанных с образом России, — говорит он. Турнир также даст возможность продемонстрировать, чего достигли в России «в рекордно короткие сроки» — с конца эры коммунизма.

Другие члены комитета отзываются о планах России так же высокопарно. Рядом с Сорокиным сидит Александр Джорджадзе, заместитель директора оргкомитета. Джорджадзе говорит, что Чемпионат мира станет для России событием исторического масштаба, сравнимым со Второй мировой войной и победой над фашизмом.

Он обращается ко мне:

— У Англии было все. Вы правили миром. Вы придумали футбол. У вас самая богатая лига. Вы сильны и монолитны как культурное явление. А для нас двадцатый век был бесконечной жертвой. Кубок мира поможет нам

стать иным народом и новой нацией. Если ФИФА примет решение в пользу России, это будет смелый политический жест.

Сорокин работал в мэрии Москвы, во главе которой стоял Юрий Лужков. Обычные русские граждане считают, что Лужков погряз в чудовищной коррупции и связан с организованной преступностью. (Те же догадки прослеживаются и в телеграммах из посольства США, опубликованных WikiLeaks, предполагается, что мэр возглавляет «коррупционную пирамиду». «Полная ерунда!» — отреагировал на это Лужков). Разве не наводит на дурные мысли тот факт, что мэр потенциального места проведения Чемпионата мира известен своими темными сделками, спрашиваю я? Мой вопрос пришелся некстати. Сорокин по секрету сообщает, что вскоре Лужков может покинуть место мэра – и через три месяца его действительно смещают с должности. Но Сорокин ни слова не говорит по поводу коррупции. Джорджадзе явно раздражен.

— Вы что, из числа приспешников Немцова? – спрашивает он.

Проходят недели, и я забываю о голосовании ФИФА. Однако идут слухи о коррумпированности членов ФИФА. В начале ноября я получаю загадочное электронное письмо. Некий отправитель «Алекс» заявляет, что у него имеются конфиденциальные документы, касающиеся заявки России на проведение Чемпионата мира. Документы проходят под грифом «строго для внутреннего использования». Алекс заявляет, что в документах описано, «каким образом российские чиновники работают с исполнительным комитетом ФИФА, какие имеются каналы влияния на членов ФИФА и какие аргументы способны убедить их проголосовать за заявку России на декабрьской сессии».

Письмо может быть настоящим. Или поддельным. Или дезинформацией. Или подставой. Алекс также намекает на то, что досье стоит денег. Мы переписываемся. Но в итоге никаких документов я так и не увидел. Я решил провести собственное независимое расследование в отношении заявки России на Чемпионат мира – но я не выполнил обещания.

ФИФА отдает Чемпионат мира — 2018 России. Заявка от Англии получает только два голоса. В тот же день, к всеобщей неожиданности, ФИФА

присуждает право на проведение турнира 2022 года жаркому пустынному эмирату – государству Катар. Слухи о коррумпированности ФИФА распространяются со скоростью лавины. (ФИФА упорно отвергает такие предположения).

Позднее я задам вопрос Станиславу Белковскому – действительно ли Россия купила себе Кубок мира?

Белковский отвечает следующее. Он говорит, что Кремль, футбольный оргкомитет России на Чемпионат мира — 2018 и высшие футбольные чины еще за неделю до тайного голосования ФИФА знали о том, что Россия выиграет лот. Только Англия – которую в Цюрихе представляло злополучное трио из Дэвида Бэкхема, Дэвида Кэмерона и принца Уильяма – пребывала в неведении, ничего не зная о том, что в ФИФА уже приняли решение отдать чемпионат Москве.

На мой взгляд, Россия – более весомый победитель по сравнению с государством Катар. И у меня нет сомнений в том, что чемпионат 2018 года пройдет успешно. Но в то же время закрались подозрения, что Россия и ФИФА – тайные олигархии – сумели-таки найти общий язык.